

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

№ 1 (82) — 2017

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

---

*Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77–16955 от 9 января 2004 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

- С. Г. Айвазова** (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
В. Н. Егоров (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор экономических наук, профессор),
Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),
О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор),
З. Х. Саралиева (Нижегородский государственный исследовательский университет,
г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),
Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),
Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

- О. А. Хасбулатова** (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),
И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),
Т. Б. Рябова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),
Н. Б. Гафизова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат исторических наук, доцент),
И. Н. Смирнова (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат социологических наук, доцент)

Тел./факс в Иваново: (4932) 32 74 52
E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Журнал высылается по предварительной заявке

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2017
© ФГБОУ ВО «Ивановский
государственный университет», 2017

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

№ 1 (82) — 2017

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

---

*The journal is registered in the Federal Service for the Control over the Observation of Laws on Mass Communications and for the Preservation of Cultural Heritage
Registration License PI № 77-16955 on January 9, 2004*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **V. N. Egorov**, Dr. Sc. Economics (Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy (St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (Nizhniy Novgorod State Research University,
Nizhniy Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Russian State Pedagogic University, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. B. Gafizova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (Ivanovo State University, Ivanovo)

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Ermak str., 39
Publishing House "Ivanovo State University"

Tel./Fax: (4932) 32 74 52

E-mail: wins@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

The issues may be sent by the preliminary request
Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2017
© Ivanovo State University, 2017

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемые коллеги!

Перед вами первый номер журнала в 2017 году. Позади 20 лет активной, плодотворной работы в области гендерных исследований ученых из всех крупных регионов России, от Москвы до Владивостока. Все эти годы на страницах журнала поднимались актуальные проблемы методологии гендерных исследований, осуществлялся социологический и политологический анализ отечественной и зарубежной гендерной политики, раскрывались новые страницы женской истории в России.

В 2017-й мы входим с новыми достижениями и планами. С этого года журнал «Женщина в российском обществе» включен в международную базу академических публикаций SCOPUS. Новый статус — это новая ответственность и новые обязательства по осуществлению редакционной политики. Мы будем так же внимательно относиться к отбору материалов и поддерживать тематическое разнообразие публикуемых статей. Чтобы обеспечить их высокий профессиональный уровень, будет продолжена практика рецензирования и контроля соответствия рукописей требованиям, предъявляемым к качеству научных публикаций.

В фокусе внимания журнала — проблемы теории и методологии гендерных исследований, женской истории, гендерные аспекты политических и социальных процессов, социологические концепции семьи и пола и многое другое. Введение новых рубрик обусловлено развитием социальных наук. Так, в этом году рубрикой, отражающей новую проблематику российской науки, является «Развитие человеческого капитала: гендерный аспект». Рубрики нам помогают формулировать своими исследованиями сами авторы.

В 2017 году мы продолжим публикацию научных статей зарубежных ученых. Постараемся оперативно информировать читателей о ходе реализации Национальной стратегии

действий Российской Федерации в интересах женщин на 2017—2022 годы, научных событиях и новых публикациях в области гендерных исследований.

В портфеле журнала, в частности, научные статьи, раскрывающие потенциал женской инициативы в период 1900—1917 годов, освещающие гендерные аспекты управления персоналом и политического участия, трансформации социальных институтов в контексте глобальных изменений.

Редакционная коллегия сердечно приветствует всех ученых, занимающихся гендерными исследованиями в нашей стране и за рубежом. Надеемся, что при вашем активном участии наш журнал умножит ряды своих авторов и читателей.

Главный редактор журнала
О. А. Хасбулатова

СОЦИОЛОГИЯ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

ББК 60.542.21

И. Е. Калабихина

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ ПРЕДСТАВЛЕННОСТИ ЖЕНЩИН В STEM-ОБРАЗОВАНИИ И STEM-ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ

Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 5 – 16

Новые технологические изменения и особенности демографического развития в России обязывают пересмотреть индикаторы измерения представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости. Автор рассматривает текущую ситуацию в отношении положения женщин в STEM-образовании и STEM-занятости, анализирует новые подходы к измерению представленности женщин в STEM в контексте направлений развития этой области в ближайшей перспективе, формулирует основные направления влияния демографического фактора на участие женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в последующие 20 лет. Предложенные выводы вносят вклад в формирование гендерной STEM-политики в России.

Ключевые слова: STEM-образование, STEM-занятость, измерение представленности женщин в STEM, демографический фактор.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.1

I. E. Kalabikhina. New approaches to measuring women's representation in STEM-education and STEM-employment

New technological developments and demographic factors demand the revision of measurement indicators concerning women status in STEM-education and STEM-employment. In this article the author examines the current situation with regard to women in STEM-education and STEM-employment; explores new approaches to the measurement of women's representation in the STEM in the context of the development of this area in the near future; formulates the main directions of the influence of demographic factors on women's participation in STEM-education and STEM-employment in the next 20 years. The conclusions proposed by the author contribute to the gender STEM-policy in Russia.

In particular, the growth of life expectancy and aging population may serve as an additional argument in favor of gender STEM-policy.

© Калабихина И. Е., 2017

Калабихина Ирина Евгеньевна — доктор экономических наук, профессор, и. о. заведующей кафедрой народонаселения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, ikalabikhina@yandex.ru (Dr. Sc., Professor, Acting Head of Population Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia).

The author proposes to add indicators of the output of participation in STEM-employment; the representation of women in the new rapidly developing technology segments, research directions, innovative technologies, and new forms of organization and technology promotion, in the international educational, scientific, research projects. Specific indicators should be devoted to formal and informal institutions, the characteristics of the demographic and economic situation, both in the short and long term perspectives. The author's personal innovative proposal consists in the time measurement of direct and indirect output of social policies.

Key words: STEM-education, STEM-employment, measurement of the status of women, the demographic factor.

На новом витке технологической революции необходимо сделать ревизию акцентов и показателей измерения участия женщин в STEM-образовании и STEM-занятости. Какие новые индикаторы измерения участия женщин в STEM-образовании и STEM-занятости нам сегодня важны? В какой степени отличается положение женщин в STEM-образовании и STEM-занятости? Как демографический фактор может влиять на перспективы участия женщин в STEM-образовании и STEM-занятости? Мы рассмотрим текущую ситуацию в этой области, проанализируем новые направления развития и показатели измерения участия женщин в STEM, сформулируем основные направления влияния демографического фактора на перспективы участия женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России. В контексте новых инициатив Евразийского женского форума, стартовавшего в России в 2015 г. под патронатом Председателя Совета Федерации Федерального собрания РФ В. И. Матвиенко и начавшего диалог женщин разных стран по наиболее важным проблемам современного мира, данная тема представляется чрезвычайно актуальной.

Ситуация сегодня, или Дефицит женщин и перевернутая пирамида мужчин в STEM-занятости

В последние десятилетия XX в. развитые страны пришли к осознанию той мысли, что «женщины держат полмира» (китайская пословица), что высочайшая конкуренция за технологическое лидерство не может быть успешна без участия половины человечества. В разных странах возникают разнообразные программы вовлечения женщин в STEM-образование и STEM-занятость и их поддержки. Однако проблема дефицита женщин в STEM-образовании и особенно в STEM-занятости остается. Сегодня во многих странах больше половины выпускников вузов — женщины. В XXI в. в России и в развитых странах женщин с высшим образованием больше, чем мужчин. Но область знаний, которую осваивают женщины, чаще гуманитарная. Во всех странах наблюдается гендерный дисбаланс: женщин меньше в естественных областях знаний, на инженерном и математическом поприщах.

Правда, в некоторых странах в STEM-образовании женщины представлены на паритетных началах. Например, в ряде арабских стран женщины даже преобладают в таких областях, как естественные науки, медицина, сельское хо-

зайство (в том числе в ответ на нежелание зависеть от иностранной рабочей силы) [UNESCO... , 2015: 23].

Среди научных работников женщин не более трети. Даже в тех странах, где за последние годы выросла доля женщин в STEM-образовании, значительно медленнее улучшается ситуация в STEM-занятости. Например, в Великобритании с 2011 по 2013 г. доля женщин в STEM-образовании выросла на 16 % (с 8 до 24 %), тогда как в STEM-занятости — только на 13 % и на 5,5 % — конкретно на инженерных рабочих местах [Gender profile... , 2016:1]. Очевидно, что мы наблюдаем неэффективное использование человеческого капитала. Образованные женщины работают не по специальности либо не работают вообще. В странах, где гендерный разрыв в STEM-образовании и STEM-занятости велик, можно предположить 1) сочетание гендерно-дружественной политики в области образования и недружественной среды в государственных и негосударственных исследовательских институтах и университетах по отношению к женщинам-ученым (резкий разрыв в оплате труда и в карьерных перспективах), 2) наличие косвенной мотивации в получении образования. Мотивация получить STEM-образование может быть связана у женщин с поиском мужа: юноши с хорошими математическими способностями преобладают на естественных факультетах. Мотивация работать в STEM-секторах не содержит косвенного компонента.

При этом женщины-ученые имеют меньший доступ к финансированию, хуже представлены в престижных университетах, что влияет на возможность публикаций высокого качества. Женщин существенно меньше в управлении университетами [UNESCO... , 2015: 23]. Каждый раз мы сталкиваемся с меньшей представленностью женщин на верхних ступенях руководства институтов, среди руководителей научных исследований и научно-практических проектов. Чем выше уровень принятия решений и распределения доходов от грантов и проектов, тем меньше женщин; у мужчин наблюдается перевернутая пирамида — доля мужчин на высоких ступенях выше (рис. 1). В STEM-профессиях эта ситуация еще более выражена. Женщины выполняют роли ассистентов, создают экспериментальную базу.

При достаточно низких показателях присутствия женщин в научных отраслях в мире (не более трети), есть страны, демонстрирующие гендерное равенство. И это не «старая» Европа. Миф о том, что в целом в Европе гендерное равенство в науке представлено более явственно, легко опровергнуть. Женщин-ученых сегодня — 52 % на Филиппинах и в Таиланде, 49 % — в Юго-Восточной Европе, 44 % — в странах Карибского бассейна, Центральной Азии и Латинской Америки, 37 % — в арабских государствах. И только 33 % — в Европейском союзе. В тех странах, где присутствие женщин в науке минимально, начинают разворачиваться правительственные программы. Устойчивое развитие, экономический рост и научное лидерство связывают с присутствием женщин в науке. Например, в Японии (женщин в науке всего 14 %) введен такой критерий для получения наиболее крупных университетских грантов, как доля женщин среди преподавателей и научных работников [там же]. Полезно изучить опыт разных стран, уже достигших паритета и только вступивших на этот путь.

Рис. 1. Мужчины и женщины на разных уровнях принятия решений и распределения доходов от научной деятельности в STEM

Таким образом, мы должны разделять гендерные задачи в STEM-образовании и STEM-занятости, понимая, что рынок труда сегодня более закрыт для женщин в STEM-областях, чем образование.

Ситуация завтра, или Новые направления и показатели представленности женщин в STEM

Для более успешного продвижения женщин в STEM-занятости важно отслеживать изменения в быстроразвивающемся научном мире, достижения технического прогресса. Традиционные показатели присутствия женщин в STEM-занятости (доля женщин в определенных профессиях, в сфере науки, имеющих научные степени, занимающих руководящие посты в университетах и исследовательских институтах) сегодня слабо отражают ситуацию присутствия женщин в STEM-занятости в контексте грядущего шестого технологического уклада и новой реальности революционных технологических и управленческих изменений. Важно учитывать следующие аспекты, регулярно измеряя представленность женщин в STEM.

1. Показатели результативности участия в STEM-образовании и STEM-занятости. Если в образовании мы пока справляемся с показателями результативности (соотношение женщин, обучающихся определенной профессии, и получивших диплом или степень), то в сфере занятости мы в основном оперируем показателями участия, а не результата (доля (численность) женщин в STEM-занятости). В качестве показателя результативности в STEM-занятости с 2010-х гг. используется доля женщин среди получивших патенты на основании методик Танга и Матиаса (определение пола по именам получивших патент) [Gender profile... , 2016: 14]. В исследовании патентов в США было отмечено,

что значительный рост числа новых предприятий и патентов произошел за счет женского участия. Женщины составляли 9 % среди получивших патенты в 1990 г. и 18 % — в 2010 г. Самые популярные области, в которых женщины получают патенты, — химия, биоактивные препараты, полупроводниковые приборы, мебель. Наибольший рост количества патентов характерен для таких областей, как обработка данных, хирургия, электрические машины, цифровые системы. За 30 лет число товарных знаков, принадлежащих женщинам, выросло в 2 раза — до 33 % в 2010 г. В первые 6 отраслей вошли реклама, одежда, образование, развлечения, научно-технические услуги и дизайн. Такие резкие изменения связаны с тем, что общественное сознание изменилось, женщин «впустили» в инновационные сферы экономики, в сферу технологий. Появилось понимание, что присутствие женщин в этих сферах экономически выгодно, а не только социально справедливо. Американцы позже россиян начали массовую эмансипацию женщин, но быстрее оценили важность интенсивного использования ресурса, а не только «затыкания дыр» в период экономической потребности в дополнительной рабочей силе [Калабихина, 2014: 116]. В Европе на рубеже веков доля женщин среди получивших патенты составила от 3 до 12 % (Австрия — 3,2 %, Германия — 4,7 %, Великобритания — 5,5 %, Испания — 10,2 %, Франция — 12,3 %). Основной причиной выступало недопредставительство женщин в наиболее оживленных в патентном смысле областях [Hunt et al., 2014]. В 2015 г. доля женщин среди получивших патенты в Великобритании составила уже 8,3 % [Gender profile... , 2016: 3].

2. Представленность женщин в новых, активно развивающихся технологических сегментах (микроконтроллеры, технологии 3-D печати, устройства «интернета вещей»). Их ежегодный рост в ближайшее время составит 25 %. Одна только область умных устройств «интернета вещей» к 2020 г. будет составлять около 26 млрд устройств стоимостью приблизительно 2 трлн долл. США [Техническое творчество... , 2015: 62].

3. Включенность женщин в разработку перспективных научных направлений, в первую очередь в междисциплинарных областях: нейроэкономике, бионике, биомедицине, биохимии, биофизике и т. д.

4. Представленность женщин в новых формах организации и продвижения технологий: в университетских и прочих инновационных центрах, программах для разработки и внедрения технологий («тройная спираль», бизнес-инкубаторы, стартапы¹ и акселераторы, хакатоны, сообщества технических энтузиастов, открытые фреймворки и др.). Приведем несколько примеров таких форм, действующих в России: 1) центр «Иннопрактика» МГУ им. М. В. Ломоносова (в перспективе — научно-технологическая долина МГУ «Воробьевы горы»); 2) технопарк «Сколково»; 3) Международная ассоциация тройной спирали (российское отделение базируется на кафедре экономики инноваций

¹ Среди 7 успешных женских бизнес-проектов 2014 г. в России журнал «Forbes Woman» выбрал только 3 из области STEM — очистка теплового оборудования, инновационное приложение для определения размера одежды по фотографии, смарт-платформа с набором инструментов для повышения конверсии сайтов (URL: <http://top-rf.ru/svoi-biznes/191-7-uspeshnykh-biznes-idej-dlya-zhenshchin-realnyj-opyt-zarabotka-deneg.html> (дата обращения: 20.07.2016)).

экономического факультета МГУ); 4) сообщества технических энтузиастов, организованные компанией «Panasonic» на базе «Сколково», компанией МТС на базе филиала МИФИ в Обнинске, компанией «Siemens» для своих сотрудников, школьников и студентов и др.; 5) фабрика инновационных продуктов и новых бизнесов «Innovation Studio» на экономическом факультете МГУ; 6) венчурный фонд компаний «LETA Group»; 7) хакатоны (например, хакатон Сбербанка) и онлайн-хакатоны; 8) открытый фреймворк для построения веб-приложений «Ruby on Rails» в рамках всемирного движения «Rails Girls» за вовлечение женщин в сферу программирования и построения веб-приложений.

5. Включенность женщин в разработку и продвижение новых инновационных технологических продуктов в качестве предпринимателей², нанятых сотрудниц, фрилансеров, а также в качестве потребителей таких продуктов (есть исследования, подтверждающие, что женщины лучше воспринимают инновации³).

6. Степень вовлеченности женщин в самые перспективные инновационные технологии практического свойства — достигающие высокой степени кастомизации и персонализации продукта (подгонка продукта под индивидуального потребителя), снижающие потребление энергии, увеличивающие роботизацию и т. д.

7. Доля женщин в образовательных, научных, исследовательских проектах с международным участием (индикатор высокого качества проекта). Полезно также выбрать индикатор мобильности женщин-ученых, поскольку мобильность ученых сегодня (и тем более в будущем) неперенный атрибут «включенности». Но участие в международном проекте в большей степени является индикатором результата.

8. Влияние всех социальных программ, нацеленных на женщин-ученых. Это касается как прямых программ, посвященных поддержке женщин в STEM, так и косвенных социальных программ, позволяющих сочетать семейные и профессиональные обязанности. На наш взгляд, новаторский подход — измерение социальных программ временем. Каждый раз мы считаем, сколько времени нам экономит та или иная программа. Для женщин, имеющих жесткий дефицит времени, это особенно важно. А положение женщин-ученых с детьми в условиях современной неолиберализации науки, когда количественные показатели науки служат основными критериями приема на работу и оценки профпригодности, становится особенно уязвимым. Попытки найти дополнительную метрику семейной работы привели к любопытному исследованию — посчитать,

---

² В России есть дополнительные ограничения в развитии и мужского, и женского предпринимательства — слабые формальные и неформальные институты предпринимательской среды (отсюда низкий уровень уверенности, что предпринимательство может стать хорошей карьерой). Основной барьер — не профессиональное образование или инфраструктура, и даже не динамика рынка, а непрозрачность отношений с региональными властями (Всемирный мониторинг предпринимательства. URL: <http://www.gemconsortium.org/country-profile/104> (дата обращения: 25.07.2016)). Нехватка социального капитала у женщин в таких обстоятельствах делает для них сферу предпринимательства закрытой. При этом связь между развитием инноваций и предпринимательства очевидна.

³ Женщины лучше воспринимают инновации. 20.01.2011. URL: <http://www.innovanews.ru/info/news/economics/4494/> (дата обращения: 25.07.2016).

сколько статей «стоит» ребенок в том или ином университете [Klocker, Drozdowski, 2012]. Приведение всех метрик к одинаковым единицам измерения — времени — в данном случае может быть плодотворным.

Этот пункт можно расширить. Поскольку женщины более зависимы от социальных и экономических институтов (по причине острого дефицита времени в условиях сочетания семьи и работы), необходимо сформировать комплекс косвенных показателей институционального влияния на женщин в STEM-образовании и STEM-занятости. Сюда относится в первую очередь сила влияния гендерных стереотипов (градус гендерного климата), а также некоторые специфические «особенности», которые порождают стереотипы. Приведем пример. В 1960—70-х гг. в США доля женщин в сфере IT росла, темпы роста часто опережали темпы осваивания отрасли мужчинами. Но с середины 1980-х до середины 2010-х гг. она снизилась с 35 до 17 %. Тогда как в остальных областях (медицина, физические науки, юриспруденция) доля женщин продолжала расти до 40—50 %. Почему женщины стали гораздо меньше программировать? Ответ может быть таким. В 1980-х гг. появились первые персональные компьютеры в домохозяйствах, но поскольку они были дорогими, то их покупали в первую очередь мальчикам. В университетах мальчики не тратили время на освоение базовых операций, вызывая у девочек комплекс неполноценности. Девочки сошли с дистанции [Hepp, 2014]. Да и отрасль стала перспективной и высокооплачиваемой, что привело ее к маскулинизации.

Косвенные индикаторы экономического положения страны, науки и демографической ситуации (в том числе на перспективу) также являются неотъемлемой частью новой матрицы показателей положения женщин в STEM.

Итак, мы нуждаемся в разработке целого спектра новых индикаторов для мониторинга положения женщин в STEM-занятости.

Ситуация завтра, или Демография и STEM

Помимо новых технологий и способов производства знаний, переворачивающих наше представление о мире, требующих новых подходов к программам продвижения женщин в STEM-образование и STEM-занятость, следует сказать о влиянии демографического будущего России на развитие науки и технологий, на присутствие женщин в STEM. Такой анализ даст нам дополнительные аргументы в отношении необходимости проведения STEM-политики для девушек и женщин.

Во-первых, мы стали жить дольше. И женщин это касается в первую очередь. В России один из самых больших в мире гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни при рождении — более 10 лет. Несмотря на неравенство по полу, и у женщин и у мужчин растет ожидаемая продолжительность жизни, в том числе и в старших возрастах. В 2001 г. женщинам в 50 лет предстояло прожить еще 26,5 лет, а мужчинам — 18,5 лет. В 2014 г. у 50-летних женщин впереди было уже 30 лет, у мужчин — 22,4 г. Меньше чем за полтора десятилетия выросла ожидаемая продолжительность жизни и у 70-летних, и даже у 80-летних. В 2001 г. женщинам в 80 лет предстояло прожить еще 6,9, а мужчинам — 6 лет. В 2014 г. у женщин впереди было уже 7,6 лет, у мужчин — 6,6.

Заметим, чем старше население, тем меньше гендерный разрыв в продолжительности жизни: если средний мужчина преодолел трудоспособный возраст, шансы на дожитие у него сравниваются со средней женщиной этого же возраста. В 2035 г. гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни должен снизиться до 8 лет: ожидаемая продолжительность жизни при рождении будет около 72 лет для мужчин и 80 лет — для женщин.

Когда мы живем дольше, у нас удлиняются все стадии жизненного цикла (детство, отрочество, получение образования, работа, «пустое гнездо», старость), появляются новые стадии или меняется классификация (вместо «детство — взрослость — старость» имеем «детство — взрослость — поздняя взрослость — старость»). Жизненный цикл человека больше походит на 4 времени года, ярче и дольше — «осень» (период «урожая» и «второго урожая»). Помимо увеличения продолжительности жизни, улучшается состояние здоровья, в том числе у людей старшего возраста, старость отодвигается к старшим возрастам, растет ожидаемая продолжительность здоровой жизни. 100 лет назад человек в 60 лет считался стариком, сегодня «старый» — это человек в 80 лет.

Во-вторых, основным демографическим «сдвигом» через 20 лет в России можно считать постарение населения (одна из причин — увеличение продолжительности жизни в старших возрастах). К 2035 г. доля пожилых нетрудоспособных людей станет больше на 5 %, достигнув 30 %. Каждый 3-й человек будет пожилым (сегодня каждый 4-й, только 10 лет назад — каждый 5-й). В масштабах населения России почти на 10 млн человек увеличится численность пожилого населения (старше трудоспособного возраста). При этом в России высок гендерный дисбаланс: сейчас пожилых женщин в 2,5 раза больше, чем мужчин (25 млн и 10 млн человек). В возрасте 35—39 лет численность женщин начинает преобладать над численностью мужчин; в возрасте 65—69 лет женщин уже в 2 раза больше, чем мужчин; в возрасте 80—84 лет — почти в 4 раза. Через 20 лет ситуация улучшится, но преобладание женщин останется значительным (в возрасте 65—69 лет — почти в 1,5 раза, 80—84 лет — почти в 2,5 раза). Диспропорция полов в старших возрастах сохранится. Преобладание численности женщин связано с различиями в ожидаемой продолжительности жизни, как мы писали выше.

Старение населения имеет множество последствий: рост демографической нагрузки при неизменности систем пенсионного обеспечения; конфликт солидарности поколений при неумелом управлении межпоколенческими счетами, моделями наследования и политикой занятости; вызов инновационной активности и экономической безопасности; расширение экономики заботы и сдвиг гендерных ролей; изменение структуры домохозяйств; изменение потребительских рынков и потребительского поведения (см., напр.: [Калабихина, 2016]) и др. Мы остановимся лишь на таких вопросах: как долгая жизнь и старение населения повлияют на присутствие женщин в STEM? как старение населения и преобладание женщин среди пожилых должны повлиять на государственные программы по поддержке женщин в STEM?

Длинные стадии жизненного цикла и появление новых стадий привели к новым реалиям и программам: образование в течение жизни, новая занятость во второй половине жизни, ипотека для пожилых. Должны ли образовательные

программы для тех, кому за 50, предлагать женщинам (и мужчинам) STEM-образование? Возможно ли включение в технологические проекты новичков среднего возраста? Каковы склонности у людей среднего возраста к инновациям? Будут ли они меняться при длинном горизонте жизни? Возможно, ослабление склонности к инновациям у людей среднего возраста связано не столько с биологией, сколько с низкой оценкой длительности оставшейся жизни или с негативными ожиданиями по поводу отдачи от вложений в свой человеческий капитал в недружественной эйджистской среде.

Кроме того, если женщины осознают, что впереди вторая занятость, не стоит ли начать с занятости в STEM, попробовать свои возможности в этой области (кажется, что все-таки это легче сделать в молодом возрасте).

В-третьих, для России характерна весьма изрезанная половозрастная пирамида населения, что свидетельствует о большом количестве задач в области социальной политики и вызовов экономическому развитию (см., напр.: [Калабихина, 2015]). Многочисленные и малочисленные поколения сменяют друг друга. Расстояние между самыми многочисленными и самыми малочисленными поколениями составляет 12—15 лет. Через длину демографического поколения (25 лет) «впадины» и «выпуклости» пирамиды повторяются. Это связано с нашей историей, в которой военные события дали сильную демографическую волну, а также с тем, что мы два раза «входили» в демографическую политику в момент, когда в возраст деторождения вступали многочисленные поколения (1980-е и 2000-е гг.), тем самым «раскачивая качели» чисел родившихся (рис. 2).

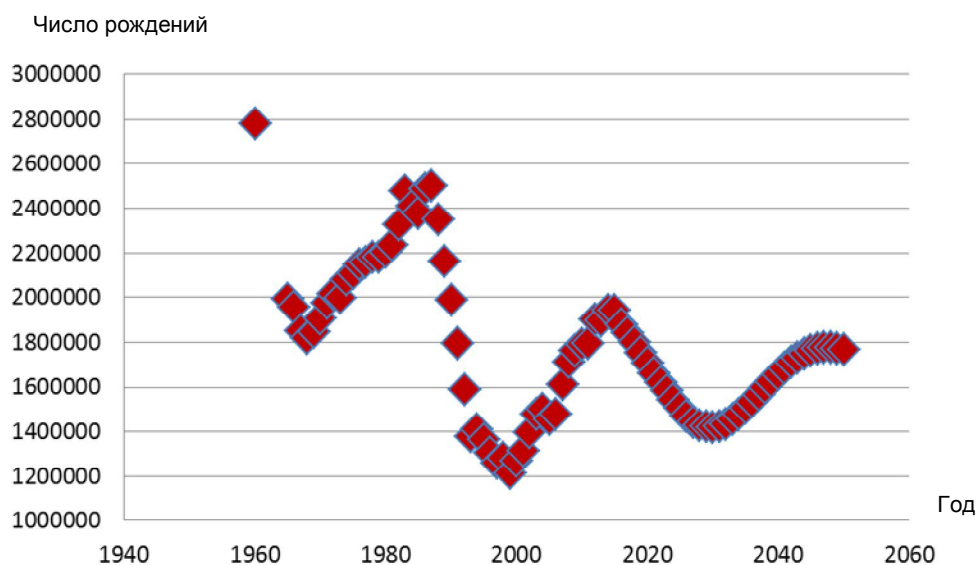

Рис. 2. Числа рождений, Россия, 1960—2050 гг.
Построено по данным Росстата (2017—2050 гг. — средний вариант прогноза)

Как это может повлиять на участие женщин в STEM-отрасли и на STEM-политику?

В ближайшие 10 лет доля населения в 20—29-летнем возрасте будет сокращаться, а следующие 10 лет будут отмечены приходом в эту возрастную группу более многочисленного поколения (рис. 3).

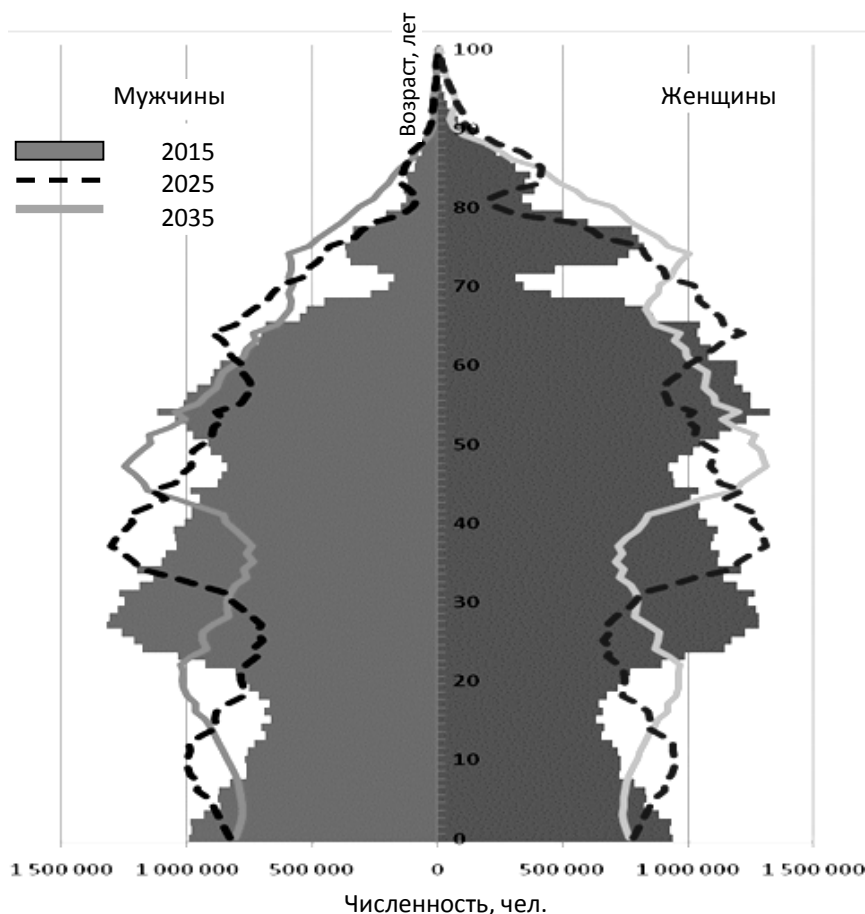

Рис. 3. Половозрастная пирамида населения России, 2015, 2025, 2035 гг.
Построено по данным Росстата (2025, 2035 гг. — средний вариант прогноза)

Конечно, склонность к инновациям (особенно при правильной социальной политике) может быть не только у молодых. Однако обучение новому, как и склонность к инновациям, все еще свойственно больше молодежи. Для STEM-политиков важно будет в следующие 10 лет найти в России источник пополнения дефицита молодых инноваторов. Рецепт известен — пополнение кадров за счет женщин. У нас есть шанс использовать данную ситуацию и предложить активную STEM-политику для девушек в образовании и занятости. В следующие 10 лет в зависимости от успешности программ останется только не растерять достигнутое, поскольку, несмотря на рост численности 20—29-летних, их доля в стареющем населении все равно будет сокращаться.

Итак, демография дает нам шанс на успешную STEM-политику для девушек в образовании и занятости, а также на инновационную политику по отношению к женщинам (и мужчинам) среднего возраста.

Выводы

В заключение следует сказать следующее.

Положение женщин в STEM-образовании и STEM-занятости существенно различается (в образовании ситуация более эгалитарная), хотя эти области связаны между собой.

Новый виток технологической революции требует пересмотра матрицы показателей положения женщин в STEM-образовании и STEM-занятости. К списку традиционных индикаторов участия женщин в этих областях следует добавить индикаторы результативности участия в STEM-занятости, представленности женщин в новых, активно развивающихся технологических сегментах, в перспективных научных направлениях и инновационных технологиях практического свойства, в новых формах организации и продвижения технологий, в разработке инновационных технологических продуктов, в образовательных, научных, исследовательских проектах с международным участием. Отдельный блок индикаторов должен быть посвящен состоянию формальных и неформальных институтов, характеристикам демографической и экономической ситуации, в том числе на перспективу. Инновационное предложение автора — ввести измерение временем результативности прямой и косвенной социальной политики.

Помимо технологических перемен при разработке политики в области STEM-образования и STEM-занятости, надо учитывать демографический фактор. В частности, рост ожидаемой продолжительности здоровой жизни, старение населения и последовательность приходящих малочисленных и многочисленных поколений молодежи в России могут служить дополнительными аргументами при оценке эффективности гендерной STEM-политики.

Библиографический список

- Калабихина И. Е.* Тихая революция в женском вопросе, или Какое участие женщин необходимо в современной экономике // *Business Excellence*. 2014. № 3. С. 114—116.
- Калабихина И. Е.* Демографическая волна рождений и будущие колебания численности населения в разных возрастных группах: вызовы для социальной политики // *Экономические стратегии*. 2015. № 2. С. 2—8.
- Калабихина И. Е.* Демография о «серебряных» потребителях в России в первой трети XXI века // *Маркетинг в России и за рубежом*. 2016. № 4 (114). С. 23—30.
- Техническое творчество — хобби или индустрия?: исследование сообществ инноваторов и технических энтузиастов / Делойт. М., 2015. 64 с. URL: <https://www.rvc.ru/upload/iblock/fed/deloit.pdf> (дата обращения: 15.07.2016).
- Gender profile in UK patenting. An analysis of female inventorship. 2016. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/514320/Gender-profiles-in-UK-patenting-An-analysis-of-female-inventorship.pdf (дата обращения: 15.07.2016).

- Henn S. When Women Stopped Coding. 2014. URL: <http://www.npr.org/sections/money/2014/10/21/357629765/when-women-stopped-coding> (дата обращения: 23.01.2016).
- Hunt J., Garant J.-F., Herman H., Munroe D. J. Why Do not Women Patent? 2014. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.347.8966&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 23.01.2016).
- Klocker N., Drozdowski D. Career Progress Relative to Opportunity: How Many Papers Is a Baby «Worth»? Wollongong: Australian Centre for Cultural Environmental Research School of Earth & Environmental Sciences University of Wollongong, 2012. URL: <http://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=7784&context=scipapers> (дата обращения: 23.01.2016).
- UNESCO Science Report: toward 2030 — Executive Summary. 2015. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235407e.pdf> (дата обращения: 23.01.2016).

References

- Gender profile in UK patenting. An analysis of female inventorship* (2016), available from https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/514320/Gender-profiles-in-UK-patenting-An-analysis-of-female-inventorship.pdf (accessed 15.07.2016).
- Henn, S. (2014) *When Women Stopped Coding*, available from <http://www.npr.org/sections/money/2014/10/21/357629765/when-women-stopped-coding> (accessed 23.01.2016).
- Hunt, J., Garant, J.-F., Herman, H., Munroe, D. J. (2014) *Why Do not Women Patent?*, available from <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.347.8966&rep=rep1&type=pdf> (accessed 23.01.2016).
- Kalabikhina, I. E. (2014) Tikhaya revoliutsiia v zhenskoy vopros, ili Kakoe uchastie zhenshin neobkhodimo v sovremennoy ekonomike [Quiet revolution in the women's issue or the modern economy needs the participation of women], *Business Excellence*, no. 3, pp. 114—116.
- Kalabikhina, I. E. (2015) Demograficheskaya volna rozhdeniy i budushchie kolebaniya chislennosti naseleniya v raznykh vozrastnykh gruppakh: vyzovy dlya sotsial'noy politiki [The demographic wave of births and future population fluctuations in different age groups: challenges for social policy], *Ekonomicheskie strategii*, no. 2, pp. 2—8.
- Kalabikhina, I. E. (2016) Demografiya o "serebrianykh" potrebiteliakh v Rossii v pervoy treti XXI veka [Demography about "silver" consumers in Russia in the first third of the XXI century], *Marketing v Rossii i za rubezhom*, no. 4 (114), pp. 23—30.
- Klocker, N., Drozdowski, D. (2012) *Career Progress Relative to Opportunity: How Many Papers Is a Baby "Worth"?*, Wollongong: Australian Centre for Cultural Environmental Research School of Earth & Environmental Sciences, University of Wollongong, available from <http://ro.uow.edu.au/cgi/viewcontent.cgi?article=7784&context=scipapers> (accessed 23.01.2016).
- Tekhnicheskoe tvorchestvo — khobbi ili industriya?: Issledovanie soobshchestv innovatorov i tekhnicheskikh entuziastov* (2015) [Is technical creativity a hobby or industry?: The research communities of innovators and technology enthusiasts], Moscow, available from <https://www.rvc.ru/upload/iblock/fed/deloit.pdf> (accessed 15.07.2016).
- UNESCO Science Report: toward 2030 — Executive Summary (2015), available from <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235407e.pdf> (accessed 23.01.2016).

Статья поступила 02.08.2016 г.

Н. Ю. Уткина

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Анализ гендерного аспекта предпринимательства важен не только потому, что участие женщин в рыночной экономике выступает одним из решающих факторов общественного производства в России, но и в связи с тем, что женщины формируют типично «гендерные ниши» современной экономической активности населения. В статье исследуются объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России, в качестве которых выступают гендерное разделение рынка труда, гендерные стереотипы и патриархатная идеология, а также мотивация женщин к занятию бизнесом. Показано, что к направлениям предпринимательства, наиболее освоенным российскими женщинами, относятся здравоохранение, дошкольное образование, сфера услуг, общественное питание, спорт, туризм, народные промыслы. Отмечается, что особая роль в женском предпринимательстве принадлежит семейному бизнесу, который дает возможность творчески реализовать способности всех членов семьи, обеспечивая им поддержку и защиту при любых неблагоприятных обстоятельствах.

Ключевые слова: бизнес, карьера, женское предпринимательство, мотивация, гендерный стереотип, идеология, гендерное разделение труда.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.2

N. Yu. Utkina. Objective and subjective factors of women entrepreneurship development in Russia

The gender dimension of modern economic relations acquires a special significance not only because women in the market economy continue to be a decisive factor in social production in Russia, but also due to the fact that they form a typical “gender niche” of population’s economic activity. The purpose of the article was to determine the gender components of the entrepreneurship development in Russia. In the process the author concludes that the main characteristic of women's entrepreneurship as a socio-economic phenomenon is the industry affiliation of women business. It was found out that women prefer those

areas of business that are a continuation of their work in the domestic sphere. The business sectors women are most active and successful in include: health care, pre-school education, services, catering, sport, tourism as a form of leisure activities, cottage industry. A special role belongs to the family business, which makes it possible to realize the creative possibilities of all family members, providing them with support and protection under any adverse circumstances. The results presented in this article are intended to broaden the knowledge of women entrepreneurship issues in transition economies; special attention is paid to the definition of gender differences in this area.

Key words: business, career, women entrepreneurship, motivation, gender stereotype, ideology, gender division of labor.

Женское предпринимательство на современном этапе экономического развития общества представляет собой не просто мировой феномен, который окрестили «тихой революцией мирового масштаба», а наиболее динамично развивающийся сектор малого и среднего предпринимательства. Вступление развитых стран в постиндустриальное общество с приоритетной для него ролью сферы услуг, формированием масштабного сектора мелких и средних предприятий и устремлением к максимальному использованию всех человеческих ресурсов — факторы, которые определяют долговременный экономический успех данного вида предпринимательства.

На макроэкономическом уровне женское предпринимательство в России 1) играет значительную и растущую роль в структурной перестройке российской экономики; 2) представляет новую динамичную силу развития и стимулирования темпов экономического роста; 3) определяет повышение производительности национального хозяйства; 4) увеличивает благосостояние населения, реализуя человеческий потенциал, который не был использован, и сокращает показатели безработицы и неполной занятости; 5) способствует социально-экономическим изменениям, а также долгосрочной политической стабильности [Орлова, 2011].

Существенная составляющая совокупного вклада женщин в экономическое развитие — это их деятельность и на микроуровне, в сфере организации и управления производством на уровне предприятия. Женщина вносит в процесс управления свои уникальные способности, умения, навыки, стиль делового поведения, свой особенный стиль в принятии решений. Органическое отличие от мужского придает женскому вкладу инновационный характер, расширяет и обогащает менеджмент как науку, в особенности как практику управления.

Статей, посвященных исследованию проблем женского предпринимательства, довольно много, но в основном они относятся к началу и середине 2000-х гг. Современных отечественных исследований на эту тему значительно меньше, что связано с ростом патриархатных настроений в российском обществе, а также уходом из страны западных фондов, финансировавших изучение «гендерного поля» российского бизнеса.

Гендерные проблемы предпринимательства затрагиваются прежде всего в рамках изучения современных гендерных отношений в российском обществе в целом. В качестве примера можно привести работы Л. Бабаевой и А. Чириковой

[Бабаева, Чирикова, 1996], Е. Здравомысловой и А. Темкиной [Здравомыслова, Темкина, 2004], Н. Римашевской и Т. Сергеевой [Римашевская, Сергеева, 1995], И. Черновой [Чернова, 2002]. Вопросы гендерных отношений в предпринимательстве освещаются и при исследовании различных профессиональных и других корпорационных групп современных женщин. Это, например, исследования Г. Силласте [Силласте, 2000], Е. Тончу [Тончу, 1998], Г. Турецкой [Турецкая, 2001], А. Чириковой [Чирикова, 1998]. В последние годы появилось несколько работ, либо посвященных женскому предпринимательству в целом, либо затрагивающих некоторые его аспекты, в том числе такие, как карьера, занятость, сфера деятельности. Здесь можно упомянуть работы С. Автономовой [Автономова, 1999], С. Барсуковой [Барсукова, 1999], А. Журавлева, В. Познякова, О. Титовой [Журавлев и др., 2008], Г. Кареловой [Карелова, 2001].

Для российского общества предпринимательство как порождение рыночных реформ — явление сравнительно новое. С точки зрения достижения экономической стабильности, сокращения безработицы, формирования среднего класса и преодоления ряда других социально-экономических проблем его развитие можно считать сегодня определяющим фактором развития предпринимательства женщин в России.

Аналитики традиционно сходятся во мнении, что женщинам «под силу» малое предпринимательство, которым они активно занимаются в последние 10—15 лет во всем мире, в том числе и в России. Также весьма успешно женщины работают в семейном бизнесе, в который они приносят свою ответственность, осторожность и меньшую, по сравнению с мужчинами, амбициозность.

По мнению Г. Гильмановой, основными предпосылками и направлениями развития женского предпринимательства в России являются: 1) значительное абсолютное и относительное отставание женщин от мужчин по уровню занятия бизнесом; 2) увеличение доли и объемов женской безработицы, распространение среди женщин «хронических» ее видов; 3) резкое сокращение и вытеснение женщин из сферы производственного управления, меньшие возможности в приватизации государственных предприятий; 4) искаженные показатели женского предпринимательства в связи с регистрацией предприятий на женщин при фактическом мужском руководстве; 5) образовательные и отраслевые диспропорции, ведущие к соответствующим гендерным предпосылкам бизнеса; 6) более высокий, чем у других групп женщин, уровень семейного благополучия у бизнес-леди; 7) ориентированность женщин на занятие предпринимательством в основном с целью самовыражения и приобретения независимого от мужчин положения; 8) преобладание среди женщин-предпринимателей менеджеров, работающих по найму, меньшее их число среди совладельцев или владельцев предприятий [Гильманова, 2006].

В современной России женщины-руководители редко имеют специальное образование в области менеджмента, но общий образовательный уровень как мужчин, так и женщин одинаково высокий. На это, в частности, указывают результаты социологического исследования, проведенного А. Орловой [Орлова, 2011]. Среди предпринимателей, имеющих незаконченное высшее образование, а также тех, кто вынужденно начал заниматься предпринимательством (реальная безработица или угроза безработицы, отсутствие средств к существованию,

невыплата заработной платы, давление извне), женщин больше, чем мужчин. Однако безработные обездоленные женщины все же не являются основным источником пополнения рядов бизнес-леди. Женщины ориентированы на устойчивые деловые стратегии и ведут свою деятельность ответственней и осторожней: они чаще мужчин планируют деятельность возглавляемого ими предприятия на перспективу от одного года до трех и свыше лет; имеют постоянных потребителей, в том числе и среди государственных предприятий; реже выходят за пределы своего региона; чаще рассматривают предпринимательскую деятельность как возможность самореализации; активнее осваивают позиции «вторых лиц» на предприятиях (вице-президенты, главные управляющие), принимая на себя тяжесть внутреннего производственного управления, а также управления персоналом; чаще занимают две-три должности; чаще ориентируются на потребителей — физических лиц, для привлечения которых предоставляют покупателям льготы, проводят активную рекламную и маркетинговую деятельность и стараются привлекать потребителей качеством, надежностью и уровнем сервиса; у руководителей-женщин складываются более мягкие отношения с конкурентами (более чем у половины из них проблем с конкурентами нет вообще; в то же время часть опрошенных указали на дезинформацию, обман, нечистоплотность со стороны конкурентов). Взаимоотношения с государственными органами, со структурами, призванными обеспечивать поддержку предпринимательства, складываются у «бизнес-леди», как и у руководителей-мужчин, весьма противоречиво.

М. Шимчишин выделил *три типа идеологий в патриархальном обществе*, мешающих деловой активности женщин: женоненавистничество, материнский инстинкт и равноправие. Первая идеология, женоненавистничество, отражена в культуре, политике, литературе и искусстве и демонстрирует нежелание ценить взгляды женщин. Примером ее может служить пословица «Послушай женщину и сделай наоборот». Вторая идеология, которая видит женщину хранительницей домашних устоев, характеризует ее как «защитницу домашнего очага и идеальную мать». Однако фактически она маскирует сложную ситуацию двойной занятости женщин. Если муж зарабатывает достаточно для содержания семьи, его вторая «половинка», как правило, оставляет работу, чтобы заниматься домашними делами, а если нет, то женщине приходится «сидеть на двух стульях». Третья идеология — это иллюзия равноправия между полами, поскольку женщины имеют возможность работать и учиться только в том случае, если они способны одновременно сочетать эти занятия с ролью хранительницы семейного очага. Как только они отдают предпочтение карьере и/или феминистическим взглядам, часто возникают проблемы в частной жизни [Shymchyshyn, 2005]. С началом рыночных реформ ситуация стала еще сложнее. Это касается неравенства в оплате труда между мужчинами и женщинами и дискриминации на рынке труда [Brainerd, 2000].

Укажем, что и поле бизнеса, и все его игроки находятся сегодня в плену *социокультурных стереотипов*, которые отображают как определенный консерватизм гендерного уклада социально-трудовых отношений, так и соответствующие психологические установки, влияют на поведение мужчин и женщин на рынке труда и определяют виды их профессиональной деятельности и уровень активности в ней. В частности, гендерные стереотипы влияют на общественное

сознание и поведение, характер общения мужчин и женщин, не только устанавливая определенное неравенство, но и поддерживая и оправдывая его. При этом сохранению стереотипов довольно часто способствуют сами женщины. Они воспринимают существующий дисбаланс в обществе как целиком закономерное явление и довольно скептически оценивают свои возможности, в том числе по открытию собственного дела. Такая пессимистическая оценка своих возможностей и господство гендерных стереотипов ограничивают женщин в выборе сфер деловой деятельности, уменьшают масштабы бизнеса, делают женщин более осторожными «игроками», снижая их конкурентоспособность [Скиндер, 2007].

Сегодня основным фактором, который существенно сдерживает активность российской женщины в сфере частного бизнеса, выступает не стереотип, приписывающий женщине профессиональную непригодность, ограниченность, а стереотип, согласно которому женщина должна и хочет посвящать себя прежде всего семье. Культурные традиции, религия, мораль подталкивают женщину вести себя именно так, независимо от ее личных пожеланий и устремлений. Когда же она живет в соответствии с последними, ее шаги сразу же расцениваются как вынужденные и нетипичные. С другой стороны, работодатели довольно часто действуют в рамках данного стереотипа, отказывая женщинам в найме, предусматривая, что женщина не будет работать с полной отдачей, поскольку работа будет для нее второстепенным (после семьи) делом. Вдобавок заранее предусматриваются потенциальные затраты, связанные с репродуктивными функциями женщины: дети, о которых надо заботиться, больничные, отпуска, в том числе и по беременности.

При попытках устроиться на работу женщины сталкиваются с ограничениями, неизвестными мужчинам. Во время собеседований им всегда задают вопрос относительно семейного состояния, наличия детей, их количества и возраста, иногда даже требуют принести справку о том, что женщина не является беременной. Уже на этом этапе она попадает в определенную зависимость от работодателя, обещая, что не будет брать больничные, отказываться от командировок, и соглашается работать дольше в рабочие дни или в выходные, если это будет требоваться. Кроме того, устраиваясь на работу, женщина довольно часто попадает в ситуацию двойной зависимости — и от работодателя, и от семьи и ближайшего окружения. Имеется в виду распространенность стереотипных ожиданий относительно того, что, несмотря на занятость на работе, женщина должна поддерживать уют в семье, чистоту в доме, следить за здоровьем мужа и детей, за успехами детей в школе. Нельзя забывать и о традиционных для нашего общества добрых отношениях с родственниками мужчины, которые нуждаются во внимании и ревностно следят за тем, насколько женщине удастся все успевать. Поэтому довольно часто феномен «стеклянного потолка» является не только порождением внешних для женщины факторов, но и ее полусознательным собственным выбором — работать, но так, чтобы не сильно пострадала семья и чтобы окружающие не считали ее карьеристкой.

Некоторые исследователи [Aidis et al., 2007] утверждают, что появление и легализация бизнеса в форме частного предприятия стали ключевым изменением в постсоветских странах. Женщины, начавшие собственную предпринимательскую деятельность, разительно выделялись как отдельная движущая сила национальной

экономики. Отмечают существенную значимость предприятий на общем рынке труда, которыми руководят женщины. По мнению ученых, женщины-предпринимательницы склонны нанимать на работу других женщин, таким образом способствуя гендерному балансу рабочей силы. Т. Журженко считает феномен женщин-предпринимательниц отдельным типом проявления индивидуальности, вобравшим признаки социальной реальности [Журженко, 2008].

Исходя из стереотипа, что женщины чутки по своей природе, за ними априори оставляют определенные социальные ниши и статусы — медсестры, социального работника, воспитателя в детском саду, учителя, акушерки. Поскольку женщины имеют навыки труда, связанные с ведением домашнего хозяйства, им предлагают работу горничной, повара или кондитера, домохозяйки, уборщицы, парикмахера. Женщины являются физически привлекательными, поэтому за ними остаются должности секретарей, администраторов, продавцов, торговых агентов, кассиров. Потенциальная готовность признать женщину более мягкой в общении и готовой лучше подчиниться, не настроенной руководить другими, менее физически сильной, менее предрасположенной к естественным наукам, технике, математике практически исключает признание за ней права (и способности) быть руководителем, организатором, лидером. Укажем, что во всех приведенных случаях вообще не стоит вопрос о профессионализме или желании самих женщин, ведь речь идет о существующих стереотипах поведения и ожиданий.

Социальные ожидания относительно определенного пола формируют у женщин и мужчин социально одобряемый стиль поведения. Патриархатная культура сформировала гендерный стереотип относительно женщины, приоритетной сферой деятельности которой выступает семья, соответственно социум не требует от женщины профессиональных достижений и карьерного продвижения как гаранта повышения своего социального статуса. Такое проявление гендерного стереотипа обуславливает инфантилизацию женщин, оказывает разрушительное влияние на ее самосознание и самооценку и, как следствие, приводит к невозможности активного включения в социальные процессы и преобразования. Другая часть стереотипов может в значительной мере объяснить такие черты женской занятости, как низкая оплата труда или же невысокий статус, а также их незначительное влияние при принятии решений. В частности, женщины чаще отдают предпочтение выполнению распоряжений, более послушны и менее склонны к жалобам и конфликтам по поводу работы и ее условий, а также согласны получать низкую заработную плату, поскольку имеют более низкую самооценку и менее нуждаются в доходах (рассчитывая на материальную поддержку «своих» мужчин).

Эти стереотипы существенно влияют и на активность женщин в бизнесе, на их готовность начать собственное дело. Ведь первые шаги в бизнесе являются для женщин более сложными. Кроме непростых регистрационных процедур, несовершенства законодательства, отсутствия стартового капитала, недостатка необходимых знаний и информации, женщины сталкиваются и со специфическими внутренними барьерами, которые связаны именно с действием традиционных гендерных стереотипов. Известно, что, работая на производстве или в школе, занимаясь семейными делами или хозяйством, т. е. выполняя традиционные, предписанные ей функции, женщина может рассчитывать на поддержку

семьи и общества. В делах же, которые выходят за традиционно определенные, требуют рисков, предприимчивости и являются некоторым вызовом этим традициям, женщина уже не может рассчитывать на поддержку. Особенно в небольших городах и селах, где традиционные формы социального контроля более действенны. Поэтому даже при значительной социальной потребности общества в развитии женского предпринимательства и возрастающей безработице существуют тормозящие факторы психологического и социально-психологического характера, которые сдерживают активность женщин в этой сфере.

Анализ мотивов, которые повлияли на решение заняться предпринимательством [Журавлев, 2012; Позняков, 2000; Титова, 2007], позволил выделить гендерные особенности в их структуре. В равном объеме как у мужчин, так и у женщин присутствует желание создать себе и своей семье достойные условия жизни (36 %), стать экономически независимыми (около 31 %), причем экономическая независимость в большей степени присуща именно мужчинам-предпринимателям (37 % мужчин по сравнению с 23 % женщин). 30 % предпринимателей свой приход в бизнес связывают с фактором безработицы: у них не было возможности найти работу по найму. Такая ситуация более характерна для женщин, чем для мужчин (35 и 26 % соответственно). Приход в бизнес был вынужденной мерой, так как на производстве не было достойной заработной платы у 32 % женщин и 25 % мужчин. Стремление к самостоятельной творческой деятельности привело в бизнес 20 % как мужчин, так и женщин. Влияют на решение заняться предпринимательством такие мотивы, как желание стать богатым (13 %), реализовать свои планы посредством организации собственного дела (13 %). В равной степени привело в бизнес мужчин и женщин наличие «свободных» денег, позволивших начать свое дело (по 10 %). Случайное стечение обстоятельств повлияло на судьбу всего 4 % предпринимателей.

Без сомнения, и мужчины, и женщины, которые избирают путь предпринимательства, сталкиваются с одними и теми же проблемами, которые не носят гендерного характера. Это недостатки законодательства, особенности финансовой системы, коррупция, недобросовестная конкуренция, необоснованное вмешательство государства в предпринимательскую деятельность. В то же время сфера частного бизнеса в России была и остается преимущественно мужской, поскольку существует много факторов экономического, социального, культурного и даже психологического характера, которые сдерживают активное вхождение женщин в эту сферу.

Мотивы женского предпринимательства исследователи разделяют на вынужденные (безработица) и добровольные (гибкая занятость, самореализация), отмечая, что добровольность для России является более характерной. Сами женщины в качестве определяющих мотивов прихода в бизнес отмечают желание быть независимой (не только от мужчины, но и от колебаний на рынке труда, от работодателя), а также безработицу. Тем не менее быть полностью независимыми женщинам-предпринимательницам удастся не всегда, большая часть женщин получают финансовую помощь от мужчин. Вдобавок у них чаще существуют проблемы со стартовым капиталом. Женщины чаще боятся брать кредиты. Все перечисленные факторы свидетельствуют об определенных особенностях женского предпринимательства, как с точки зрения мотивов,

так и средств их реализации [Силласте, 2000]. Исследователи также отмечают, что мужчины-предприниматели чаще называют в качестве мотива прихода в бизнес желание утвердиться, реализоваться, попробовать свои силы в новом деле, а женщины — желание заработать больше денег и обеспечить себя и семью. Таким образом, даже на этом уровне прослеживаются определенные особенности подходов и мотивов, которые отображают существующие в обществе тенденции, что дает возможность очертить определенные характеристики именно женского бизнеса, создать социальный портрет женщины-предпринимательницы. Попытка его создания была сделана в свое время Л. Бабаевой и А. Чириковой [Бабаева, Чирикова, 1996].

Нельзя забывать и о психологических барьерах, сдерживающих развитие женского предпринимательства в России. Можно выделить такую мотивационную характеристику, которая присуща большинству женщин, как страх успеха, проявляющаяся в избегании успеха из-за нежелательных последствий, которые с ним ассоциируются [Позняков, 2000]. Российские женщины выказывают симптомы страха успеха, поскольку им присуща недооценка собственных профессиональных успехов по причине неполной реализации своего потенциала в силу разных обстоятельств; у деловых женщин проявляется озабоченность защитой семьи от профессиональных проблем; им свойственны ощущение недостатка женственности и потребность в ее акцентировании.

О специфике мотивационной сферы женщин, которые занимаются предпринимательством, можно сказать следующее: выше, чем у мужчин, в их иерархии мотивов стоят самореализация, интерес к содержанию профессиональной деятельности, забота о семье, ниже — желание руководить. Другая особенность мотивационной сферы женщин — колебания мотивации достижения в течение жизненного цикла.

Результаты опроса группы российских женщин, которые занимаются предпринимательством, свидетельствуют о том, что в основе их мотивации лежит прежде всего материальный интерес. Две трети женщин пришли в данную сферу для получения материального дохода. Около 50 % женщин ссылаются также на желание создать для своей семьи достойные условия жизни, которые базируются на материальной обеспеченности. Треть женщин руководствовались желанием кардинального изменения своей жизни. Это свидетельствует о глубокой неудовлетворенности собственным положением в сфере труда, которое они испытывали до занятий предпринимательством [Журавлев и др., 2008].

Достаточно распространенным у российских женщин является такой мотив, как стремление к самореализации (примерно 50 %), которое они смогли удовлетворить, сменив свой предыдущий социальный статус на статус бизнес-леди. Принимая решение об открытии бизнеса, треть женщин стремились к самостоятельной деятельности, возможности независимо принимать решения. Но здесь также необходимо сказать об определенных стереотипах, ограничивающих возможности женщин. Занятие предпринимательством предполагает наличие таких личностных качеств, как предприимчивость и инициативность, склонность к соревновательной активности, достижению результата, умение рисковать, действовать в ситуации неопределенности. Данные качества ассоциируются, по преимуществу, с проявлением маскулинности. При этом формируется

стереотип восприятия предпринимательского поведения как преимущественно «мужского». Следствие этого — разное восприятие и оценки российским обществом предпринимателей-мужчин и женщин.

Характеризуя развитие женского предпринимательства в России, следует отметить, что большинство женщин организуют его в основном самостоятельно и начинают с нулевой отметки. Сами открыли свое дело 82 % женщин, выкупили долю в уже существующем предприятии — 18 % [там же].

Отличительной чертой процесса становления женского предпринимательства в России является то обстоятельство, что женщины на начальном этапе могли рассчитывать только на свои силы либо на поддержку близких. Очень немногие ощущали поддержку со стороны общественных организаций, зарегистрированных в России, и практически никто не указал на помощь со стороны государственных органов или международных организаций.

Выводы

К условиям, которые способствуют развитию женского предпринимательства в нашей стране, относятся как объективные факторы — возможности в обществе для предпринимательской деятельности, так и субъективные, связанные с психологией людей. Те и другие образуют три основные группы условий, которые влияют на развитие женского предпринимательства: политика государства в отношении частного бизнеса; культура или система ценностей общества; склонности и способности людей к предпринимательству. Две последние группы в немалой степени зависят от гендерных аспектов. Как уже отмечалось, в иерархии мотивов занятия предпринимательством у женщин выше, чем у мужчин, стоят самореализация, интерес к содержанию профессиональной деятельности, забота о близких, ниже — желание руководить.

Женщины в России предпочитают направления предпринимательства, являющиеся продолжением домашнего труда и носящие ярко выраженный социальный характер. К данным направлениям относятся: здравоохранение, дошкольное образование, сфера услуг, общественное питание, спорт, туризм, народные промыслы. Особая роль в плане творческой реализации возможностей всей семьи принадлежит семейному бизнесу. Специфика гибкого рабочего графика делает для женщин семейные формы предпринимательства более привлекательными. Они получают возможность эффективно совмещать свою деятельность с воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства. Высокая социальная направленность женского предпринимательства проявляется в стремлении к улучшению качества жизни общества, созданию рабочих мест для социально уязвимых слоев населения.

Развитие женского предпринимательства и сектора социального бизнеса выступает одним из существенных факторов макроэкономической стабилизации, способом решения проблемы женской безработицы и содействия инновационной деятельности. В то же время развитие сектора социального бизнеса как направления женского предпринимательства все еще страдает от значительного количества экономических и политических барьеров, обусловленных общим

социально-экономическим кризисом в стране и наследием централизованной экономики. Мощности социального бизнеса для решения проблемы женской безработицы, увеличения доходов женщин, формирования у них предпринимательского стиля мышления, для решения социальных проблем сегодня используются в России явно не в полной мере.

Библиографический список

- Антономова С. А.* Современное предпринимательство в России: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 1999. 23 с.
- Бабаева Л. В., Чирикова А. Е.* Женщина в бизнесе // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 75—80.
- Барсукова С. Ю.* Специфика женского предпринимательства: гендерная специфика российского бизнеса // Экономическое обозрение. 1999. № 1. С. 142—150.
- Гильманова Г. Х.* Женское предпринимательство: основные факторы и мотивационные установки // Неравносильный подход в анализе экономики: теория и практика: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. Р. М. Зиязетдинова. Уфа: Башкирский государственный аграрный университет, 2006. С. 230—233.
- Журавлев А. Л.* Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Ин-т психологии РАН, 2012. 480 с.
- Журавлев А. Л., Позняков В. П., Титова О. И.* Психологические отношения российских предпринимателей к конкуренции и партнерству: гендерный аспект // Наука. Культура. Общество. 2008. № 4. С. 102—115.
- Журженко Т.* Гендерные рынки Украины: политическая экономия национального строительства. Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2008. 256 с.
- Здравомыслова Е., Темкина А.* Структурно-конструктивистский подход в гендерных исследованиях // Социология гендерных отношений: учебное пособие для студентов вузов / под ред. З. М. Саралиевой. М.: РОССПЭН, 2004. С. 80—98.
- Карелова Т. Н.* Женское предпринимательство в России: состояние, тенденции, перспективы // Женское предпринимательство в экономике России и СНГ. М.: МЦГИ, 2001. С. 5—13.
- Орлова А. В.* Женское предпринимательство в контексте реализации гендерной политики в Республике Беларусь // Актуальные вопросы экономического развития: теория и практика в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции «Национальная инновационная система Республики Беларусь: состояние и перспективы развития», 27—28 октября 2011 г. / отв. ред. Б. В. Сорвилов, О. С. Башлакова и др. Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, 2011. С. 369—375.
- Позняков В. П.* Психологические отношения субъектов экономической деятельности. М.: Ин-т психологии РАН, 2000. 220 с.
- Римашевская Н. М., Сергеева Т. П.* Женщины на российском рынке труда // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 57—61.
- Силласте Г. Г.* Изменение социальной мобильности и экономического поведения женщин // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 25—34.
- Скиндер Н. В.* Стереотипы в сфере занятости как причина гендерной сегрегации // Философия права. 2007. № 4 (27). С. 109—112.
- Титова О. И.* Гендерные различия в отношениях российских предпринимателей к конкуренции и партнерству: дис. ... канд. психол. наук. М., 2007. 167 с.

- Тончу Е. Женское предпринимательство в России // Как организовать свое дело. СПб.: Общество «Знание» России, 1998. С. 1—32.
- Турецкая Г. В. Деловая активность женщин и семья // Социологические исследования. 2001. № 2. С. 67—73.
- Чернова И. И. Исследование гендерных процессов в социальной структуре современного общества: дис. ... д-ра социол. наук. Н. Новгород, 2002. 315 с.
- Чурикова А. Е. Женщина во главе фирмы. М.: Ин-т социологии РАН, 1998. 358 с.
- Aidis R., Welter F., Smallbone D., Isakova N. Female entrepreneurship in transition economies: the case of Lithuania and Ukraine // *Feminist Economics*. 2007. № 13 (2). P. 157—183.
- Brainerd E. Women in transition: changes in gender wage differentials in Eastern Europe and the former Soviet Union // *Industrial and Labor Relations Review*. 2000. № 54 (1). P. 138—162.
- Shymchyshyn M. Ideology and women's studies programs in Ukraine // *NWSA Journal: States of Insecurity and the Gendered Politics of Fear*. 2005. № 17. P. 173—185.

References

- Aidis, R., Welter, F., Smallbone, D., Isakova, N. (2007) Female entrepreneurship in transition economies: The case of Lithuania and Ukraine, *Feminist Economics*, no. 13 (2), pp. 157—183.
- Babaeva, L. V., Chirikova, A. E. (1996) Zhenshchina v biznese [Woman in business], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 75—80.
- Barsukova, S. Iu. (1999) Spetsifika zhenskogo predprinimatel'stva: gendernaia spetsifika rossiiskogo biznesa [The specificity of women's entrepreneurship: gender specifics of Russian business], *Ėkonomicheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 142—150.
- Brainerd, E. (2000) Women in transition: changes in gender wage differentials in Eastern Europe and the former Soviet Union, *Industrial and Labor Relations Review*, no. 54 (1), pp. 138—162.
- Chernova, I. I. (2002) Issledovanie gendernykh protsessov v sotsial'noi structure sovremenno-go obshchestva: Dis. ... d-ra sotsiol. nauk [The gendering processes research in the social structure of modern society: Diss. (Dr. Sc.)], Nizhniĭ Novgorod.
- Chirikova, A. E. (1998) *Zhenshchina vo glave firmy* [A woman at the head of the firm], Moscow: Institut sotsiologii RAN.
- Gil'manova, G. Kh. (2006) Zhenskoe predprinimatel'stvo: osnovnye factory i motivatsionnye ustanovki [Women's entrepreneurship: key factors and motives], in: Ziiazetdinov, R. M. (ed.), *Neravnovesnyiĭ podkhod v analize Ėkonomiki: teoriia i praktika* [Non-equilibrium approach to economic analysis: theory and practice], Ufa: Bashkirskiĭ gosudarstvennyiĭ agrarnyiĭ universitet, pp. 230—233.
- Karelova, T. N. (2001) Zhenskoe predprinimatel'stvo v Rossii: sostoianie, tendentsii, perspektivy [Female entrepreneurship in Russia: status, trends, perspectives], in: *Zhenskoe predprinimatel'stvo v Ėkonomike Rossii i SNG*, Moscow: MTsGI, pp. 5—13.
- Orlova, A. V. (2011) Zhenskoe predprinimatel'stvo v kontekste realizatsii gendernoĭ politiki v Respublike Belarus' [Women's entrepreneurship in the context of the implementation of gender policy in the Republic of Belarus], in: Sorvirov, B. V., Bashlakova, O. S. et al. (eds), *Aktual'nye voprosy Ėkonomicheskogo razvitiia: teoriia i praktika v sovremennykh usloviakh* [Actual issues economic development theory and practice in modern conditions], Gomel': Gomel'skiĭ gosudarstvennyiĭ universitet imeni F. Skoriny, pp. 369—375.
- Pozniakov, V. P. (2000) *Psikhologicheskie otnosheniia sub'ektiv Ėkonomicheskoiĭ deiatel'nosti* [Psychological relations of economic entities], Moscow: Institute psikhologii RAN.

- Rimashevskaiia, N. M., Sergeeva, T. P. (1995) Zhenshchiny na rossiiskom rynke truda [Women in the Russian labor market], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 7, pp. 57—61.
- Shymchyshyn, M. (2005) Ideology and women's studies programs in Ukraine, *NWSA Journal: States of Insecurity and the Gendered Politics of Fear*, no. 17, pp. 173—185.
- Sillaste, G. G. (2000) Izmenenie sotsial'noi mobil'nosti i ekonomicheskogo povedeniia zhenshchin [The modification of social mobility and economic behavior of women], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 25—34.
- Skinder, N. V. (2007) Stereotipy v sfere zaniatosti kak prichina gendernoi segregatsii [Stereotypes in employment as a cause of gender segregation], *Filosofia prava*, no. 4 (27), pp. 109—112.
- Tonchu, E. (1998) Zhenskoe predprinimatel'stvo v Rossii [Female entrepreneurship in Russia], in: *Kak organizovat' svoe delo*, St. Petersburg: Obshchestvo "Znanie" Rossii, pp. 1—32.
- Turetskaia, G. V. (2001) Delovaia aktivnost' zhenshchin i sem'ia [The business activity of women and the family], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 67—73.
- Zdravomyslova, E., Temkina, A. (2004) Strukturno-konstruktivistskii podkhod v gendernykh issledovaniakh [Structurally-constructivist approach in gender studies], in: Saralieva, Z. M. (ed.) *Sotsiologiia gendernykh otosheniĭ*, Moscow: ROSSPĖN, pp. 80—98.
- Zhuravlev, A. L. (2012) *Sotsial'naia psikhologiia rossiiskogo predprinimatel'stva: Kontseptsiia psikhologicheskikh otosheniĭ* [Social psychology of the Russian business: The concept of psychological relations], Moscow: Institut psikhologii RAN.
- Zhuravlev, A. L., Pozniakov, V. P., Titova, O. I. (2008) Psikhologicheskie otosheniia rossiiskikh predprinimatelei k konkurentsii i partnĕrstvu: genrenyi aspekt [Psychological attitude of Russian businessmen to a competition and partnership: a gender perspective], *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, no. 4, pp. 102—115.
- Zhurzhenko, T. (2008) *Gendernye rynki Ukrainy: politicheskaia ekonomiiia natsional'nogo stroitel'stva* [Gender markets of Ukraine: the political economy of nation-building], Vil'nius: Evropeiskiiĭ gumanitarnyiĭ universitet.

Статья поступила 29.11.2016 г.

Л. В. Клименко, О. Ю. Посухова

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ ТРУДА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья посвящена исследованию гендерных аспектов прекариатизации социально-трудовых отношений в современной России. На основе анализа статистических данных за период 2005—2015 гг. показывается, что прекариатизации подвергаются женщины, работающие на условиях неполной занятости; незанятые работницы; женщины, попадающие в гендерно-сегрегированные профессиональные ниши неформальной экономики (торговля, пошив и ремонт одежды, репетиторство, уборка, присмотр и уход за детьми, престарелыми, больными). Причем в последние годы в зону прекариатизированного труда попадает все большее количество квалифицированных женщин с высшим профессиональным образованием. Мужчины также массово включены в те виды и формы трудовых отношений, которые характеризуются нестабильностью и социальной незащищенностью. Они преобладают среди временно занятых работников, самозанятых, сверхзанятых. За последние 15 лет в неформальной экономике практически в два раза увеличилась доля мужчин, которые занимаются преимущественно строительством, сельскохозяйственными работами, транспортными услугами.

Ключевые слова: прекариатизация, гендерная сегрегация, неформальная занятость, самозанятость, временная занятость, незанятость, сверхзанятость.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.3

L. V. Klimenko, O. Yu. Posukhova. Gender aspects of precarization of labour in Russian society

The article investigates the gender aspects of precarization of social and labor relations in modern Russia. Based on the analysis of statistical data for the 2005—2015 period it shows that precarization against women working part-time, underemployed women, fall into gender segregated occupational niches of the informal economy (trade, sewing and mending, tutoring, housekeeping, child care and caring for children, elderly, sick). In recent years, the increasing number

© Клименко Л. В., Посухова О. Ю., 2017

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-18-10306 «Профессиональная идентичность жителей мегаполиса в условиях прекариатизации российского общества».

Клименко Людмила Владиславовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры международного бизнеса, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, lucl@yandex.ru (Cand. Sc., Associated Professor at the Department of International Business, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia).

Посухова Оксана Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, belloks@yandex.ru (Cand. Sc., Associated Professor at the Department of Regional and Eurasian Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia).

of qualified women with higher education get into precarization labour zone. Most men are also included in the types and forms of labor relations, which are characterized by instability and social insecurity. They predominate among the temporarily employed workers, the self- and overemployed. Over the past 15 years the proportion of men mainly engaged in the construction, agricultural work, transportation services has increased almost twice in the informal economy.

Key words: precarization, gender segregation, informal employment, self-employment, occasional employment, underemployment, overemployment.

Постановка проблемы

Заместитель председателя Правительства РФ О. Ю. Голодец три года назад озвучила оценку, согласно которой в российской экономике 38 млн человек трудоспособного возраста «непонятно, где заняты, чем заняты, как заняты» (см.: [Товкайло, 2013]). Череда экономических кризисов в России (2008—2009 гг., 2014—2015 гг.) обострила асимметричность взаимоотношений работников и работодателей. Количество рабочих мест с 1991 по 2015 г. сократилось на 8,1 млн [Российское общество... , 2015]. Фиксируется ухудшение ситуации с соблюдением социально-трудовых прав работников, рост трудовой нагрузки, который не сопровождается повышением оплаты труда, расширение неформальной занятости и пр. Все эти явления характеризуются как процесс прекариатизации социально-трудовых отношений.

Обычно под *прекариатизацией* понимается деформация/кризис трудовых отношений, выражающийся в возникновении многочисленных групп работников, постоянно занятых временным, негарантированным трудом, что связано с ущемлением социально-трудовых прав этой категории населения и уязвимостью, ненадежностью их социального положения [Шкаратан и др., 2015; Бобков и др., 2015; Наемный работник... , 2015].

Прекариатизация социально-трудовых отношений — мировая проблема. По оценкам специалистов Организации экономического сотрудничества и развития, более половины экономически активного населения мира, что составляет 1,8 млрд человек, работают без заключения контрактов и без социально-трудовых гарантий [Федорова, Яковлева, 2014]. В настоящее время в Германии около пятой доли всех работников трудятся на условиях нестандартной занятости, во Франции, Голландии и Греции — около четверти трудоспособного населения (по данным за 2010 г.) [Гасюкова, 2015; Gialis, Tsampra, 2015]. Неопределенность, непредсказуемость и рискованность все больше характеризуют труд американской рабочей силы [Kidder, 2016]. Очень ярко процессы деформации структуры занятости проявились в Японии, Южной Корее, где на условиях нестабильной занятости трудятся от 40 до 50 % экономически занятых [Стэндинг, 2014; Pilling, 2014].

По данным официальной статистики, в России в 2015 г. численность нестабильно занятого населения составляла около 9 % от всех наемных работников [Федеральная служба... , 2015]. Однако, по мнению экспертов, подобные показатели не отражают реальную ситуацию, сложившуюся на рынке труда. По оценкам специалистов, численность постоянно занятых временным, негарантированным трудом составляет от 30 до 40 % экономически активного населения [Голенкова, Голиусова, 2013: 7; Тощенко, 2015: 4], что в абсолютных цифрах превышает население некоторых европейских стран.

Прекариатизация социально-трудовых отношений проявляется в разных формах. Формы неустойчивой занятости — работа на условиях срочных трудовых договоров, неполная занятость, эпизодическая/случайная работа, самозанятость, неформальная занятость, работа в теневом секторе. Работа с полной формальной занятостью, но в плохих санитарных условиях, физически тяжелые, вредные виды работ, невыполнение работодателем своих зарплатных обязательств также прекариатируют социально-трудовое положение современного человека. Новые формы нестандартной занятости — аутсорсинг и аутстаффинг, лизинг персонала, подбор временного персонала — тоже часто предполагают ущемление социально-трудовых прав работников, при том что не все они способствуют рациональному использованию рабочего времени и развитию инновационной экономики [Цыганкова и др., 2004].

В разных странах прекариатизации подвергаются различные группы населения. Но в наибольшей степени риску переместиться в зону прекариатизированного труда подвержены молодежь и люди старшего возраста, женщины и мигранты. Исследование характера трудовых отношений в российском обществе показывает отчетливую разницу в заработной плате мужчин и женщин, неравенство при найме на работу или при увольнении с работы, дискриминацию в доступе к определенным профессиям или должностям, а также при продвижении по службе [Калабахина, 2009; Мальцева, Рошин, 2007; Рошин, Солнцев, 2006]. Как указывает М. Чен, существует тесная взаимосвязь между такими статусами, как быть бедной, быть женщиной и работать в неформальной экономике (см.: [Хоткина, 2003: 32]).

Однако не так часто исследователи говорят об ухудшении положения мужчин, которые под влиянием процессов деформации традиционных видов занятости и экономических кризисов сталкиваются с серьезными экономическими и профессиональными трудностями. Потеря работы, трудоустройство с понижающимся уровнем заработной платы, квалификационной, карьерной позицией очень сильно лично фрустрируют и социально маргинализируют мужскую часть населения [Мещеркина, 2002; Ашвин, 2001]. «Бедный мужчина лишен этих важнейших признаков гендерной компетентности и, таким образом, “размаскулинивается”» [Тартаковская, 2002: 116].

Общемировые тенденции прекариатизации труда накладываются на существующую в российском обществе гендерную сегрегацию социально-трудовых отношений, поэтому чрезвычайно важным является анализ гендерного измерения их прекариатизации.

Гендерное измерение прекариатизации социально-трудовых отношений в России

Современный экономический кризис, сокращение производства, рост безработицы и нестабильность рынка труда привели к нарастанию флексибельности социально-трудовых отношений в российском обществе — распространению неустойчивых, зачастую нарушающих трудовые права работника принципов в сфере оплаты труда и организации рабочего времени. В сфере найма и перемещения работников происходит упрощение правил и процедуры увольнений, перевода на худшие принципы оплаты и условия труда. Обеспечивая работодателю большую степень адаптированности к условиям экономической неопределенности, падения

покупательской способности, новые неустойчивые принципы и формы социально-трудовых отношений для многих российских работников в итоге обернулись социальной незащищенностью и нестабильностью, отчуждением не просто от средств производства и результатов труда, но и от работодателя.

Диверсификация традиционных форм трудовых отношений в российской экономике под влиянием процессов прекариатизации проявляется в динамических и структурных показателях распространения неустойчивой занятости (временная, неполная занятость, эпизодическая/случайная работа, самозанятость, неформальная занятость и пр.). Рассмотрим гендерные аспекты прекариатизации социально-трудовых отношений с середины 2000-х гг. по настоящее время.

Формы неустойчивой занятости. Необходимо предварительно отметить, что численность экономически активного населения (15 лет—72 года) в гендерных группах схожая. По данным Росстата на 2015 г., в стране насчитывалось 39,4 млн работающих мужчин и 37,1 млн женщин. В то же время удельный вес работников мужского пола составляет 71,3 % от численности всех мужчин, тогда как экономически активных женщин у нас 62,0 %.

Исследователи Высшей школы экономики указывают, что в России доля временно занятых (работающих по трудовым контрактам на срок не более года или выполняющих определенный объем работ, участвующих в сезонной, случайной или разовой работе) возросла с 2,4 % в 1996 г. до 11,1 % в 2004 г. [Гимпельсон, Капелюшников, 2005]. В последние годы, по данным официальной статистики, доля занятых неполное время, напротив, сократилась с 1,1 % в 2005 г. до 0,9 % в 2015 г. и в настоящее время составляет около 568 тыс. человек (рис. 1).

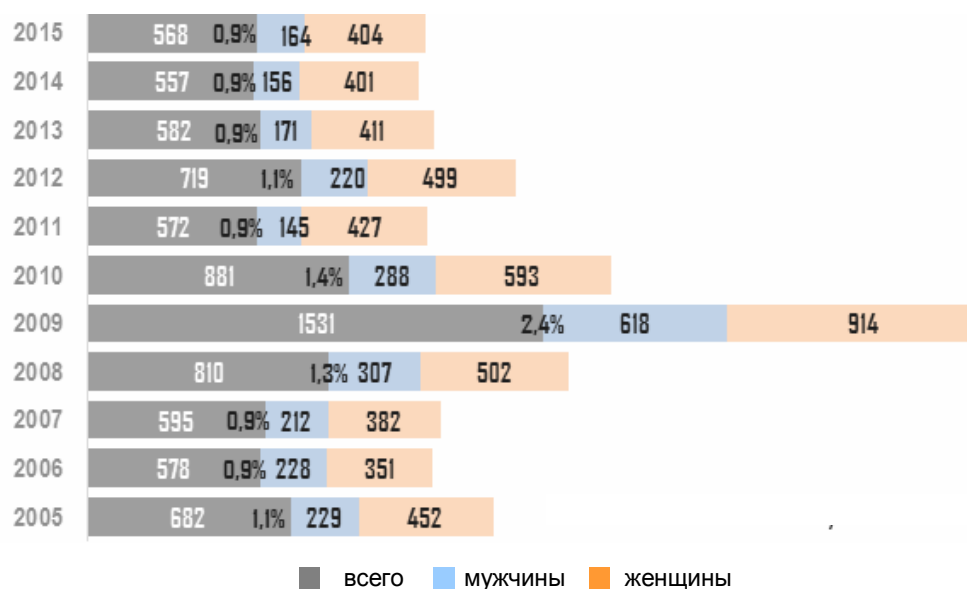

Рис. 1. Численность занятых неполную рабочую неделю, тыс. чел. и % от общего числа занятых в РФ [Федеральная служба..., 2015]

Анализ гендерной структуры данной категории работников показывает, что в группе занятых неполную неделю доминируют женщины (их в среднем в 2 раза больше, чем мужчин). Под влиянием экономического кризиса 2008—2009 гг. наблюдается значительный рост (в 1,7 раза) численности временно занятых как мужчин, так и женщин.

В России численность экономически активного населения, работающего по временным трудовым договорам (не больше года), составляла в 2015 г. 2,7 млн человек. По данным Росстата, динамика временной занятости также снизилась с 6,5 % в 2005 г. до 4,2 % в 2015 г. (рис. 2). Необходимо отметить, что в связи с изменением Росстатом методики исследований по проблемам занятости, в последние годы из статистических наблюдений исключены данные о работниках, оформленных по договорам на определенный объем работ, что несколько занижает численность работающих по временным договорам.

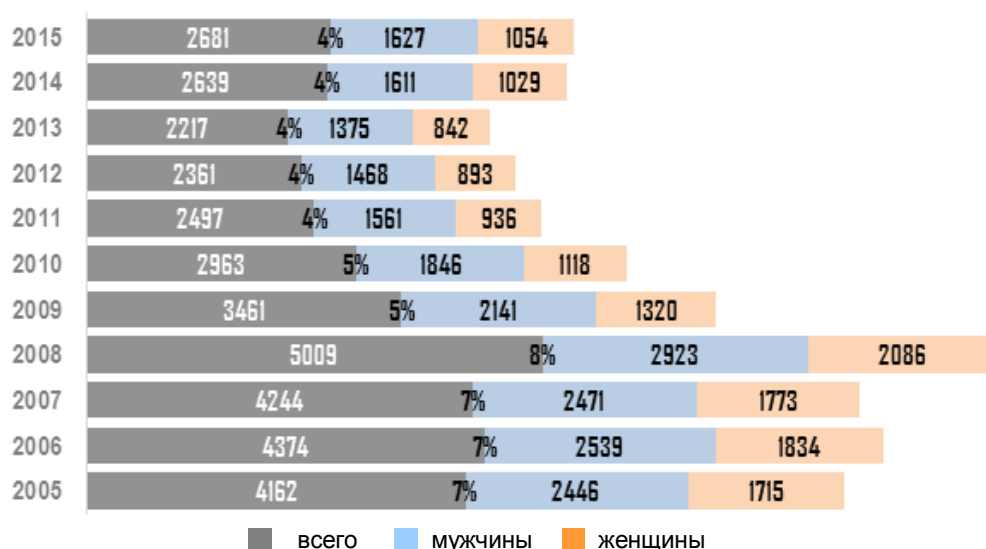

Рис. 2. Численность занятых по временному трудовому договору, тыс. чел. и % от общего числа занятых в РФ [Федеральная служба..., 2015]

Гендерная структура работающих по временному трудовому договору характеризуется численным преобладанием мужчин в среднем в 1,5 раза. Фиксируется увеличение количества временных работников в период экономического кризиса 2008—2009 гг.

Статистика по *самозанятым* (занимающиеся индивидуальной трудовой деятельностью) показывает рост численности данной категории работников. По данным Росстата, в 2006 г. доля самозанятых составляла 7,2 % от работающего населения, в 2015 г. данный показатель вырос до 8,2 %. В настоящее время в России свыше 5 млн самозанятых. В гендерном измерении в этой группе работников преобладают мужчины (их в среднем в 1,5 раза больше, чем женщин) (рис. 3).

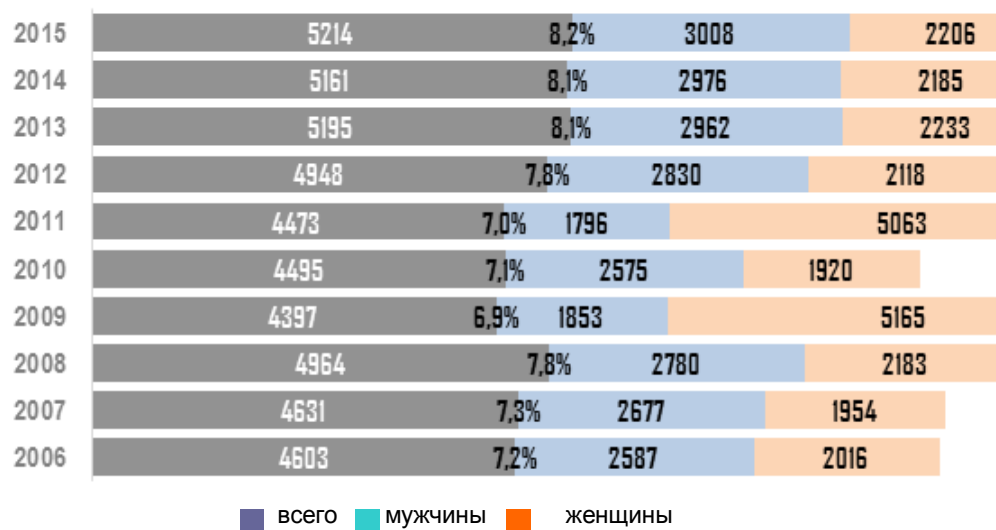

Рис. 3. Численность самозанятых, тыс. чел. и % от общего числа занятых в РФ
[Федеральная служба..., 2015]

Если посмотреть на другое измерение нестандартных форм занятости в российском обществе, выраженное в статистике длительности рабочего времени, то можно увидеть, что в целом по стране численность *недозанятых* (работающие менее 30 часов в неделю) практически не меняется. В 2006 г. таких работников было 3,9 млн человек, в 2015 г. — 3,8 млн человек. Гендерная структура незанятых отличается устойчивым доминированием женщин (их в среднем в 1,5 раза больше, чем мужчин) (табл. 1). Эта характеристика коррелирует с показателями устойчивого преобладания женщин в группе занятых неполную неделю. Данное обстоятельство во многом определяется сложившейся практикой занятости женщин домашним хозяйством, уходом за детьми, престарелыми родственниками и пр., что не позволяет им полноценно включаться в профессиональную деятельность.

Таблица 1

Численность незанятых и сверхзанятых в РФ, тыс. чел.
[Федеральная служба..., 2015]

Категория работающих	Год									
	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007	2006
Недозанятые:										
всего	3833	3624	3807	3655	3218	3644	4384	4342	4007	3940
мужчины	1458	1375	1437	1386	1266	1425	1764	1678	1481	1502
женщины	2375	2249	2370	2269	1952	2220	2621	2664	2526	2438
Сверхзанятые:										
всего	4888	4838	4527	4260	3748	4195	5126	6416	6108	5512
мужчины	3316	3285	3061	2877	2501	2735	3401	4120	3947	3557
женщины	1572	1553	1466	1382	1248	1458	1726	2296	2161	1955

С другой стороны, официальные данные по численности *сверхзанятых* (работающие более 40 часов в неделю) показывают доминирование в этой группе мужчин (их в среднем в 2 раза больше, чем женщин). Хотя с 2006 по 2015 г. количество сверхзанятых работников снижалось (с 5,5 млн до 4,9 млн человек), удельный вес данной категории работников в России в целом оставался высоким, составляя более 5 %. Кроме того, на многих предприятиях переработанные часы не отражаются в отчетности, что существенно занижает данные официальной статистики по сверхзанятым.

По методологии Росстата, занятые в *неформальном секторе* — лица, которые работают, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от их статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или дополнительной. В качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица.

Если раньше неформальная занятость рассматривалась как удел низкоквалифицированных работников отсталых стран [Нуреев, Ахмадеев, 2015: 16], то в настоящее время под воздействие процессов прекариатизации в неформальный сектор попадает все большее число образованных и квалифицированных работников. По мнению специалистов Сбербанка, неформальные трудовые отношения сейчас полностью утратили свои зарплатные преимущества. «Неформальная занятость — альтернатива безработице, а не формальной занятости» [Россия... , 2014].

В соответствии с данными Росстата, численность россиян, занятых в неформальном секторе, выросла с 8,2 млн человек в 2001 г. до 14 млн человек в 2015 г. В свою очередь, динамика неформально занятых в долевых показателях составила 12,5 % в 2011 г. и 19,4 % в 2015 г. (рис. 4). По оценкам Центра макроэкономических исследований Сбербанка России, число неформально занятых по нижней границе составляет около 20 млн человек, или четверть экономически активного населения, также существует еще около 4 млн самозанятых [там же].

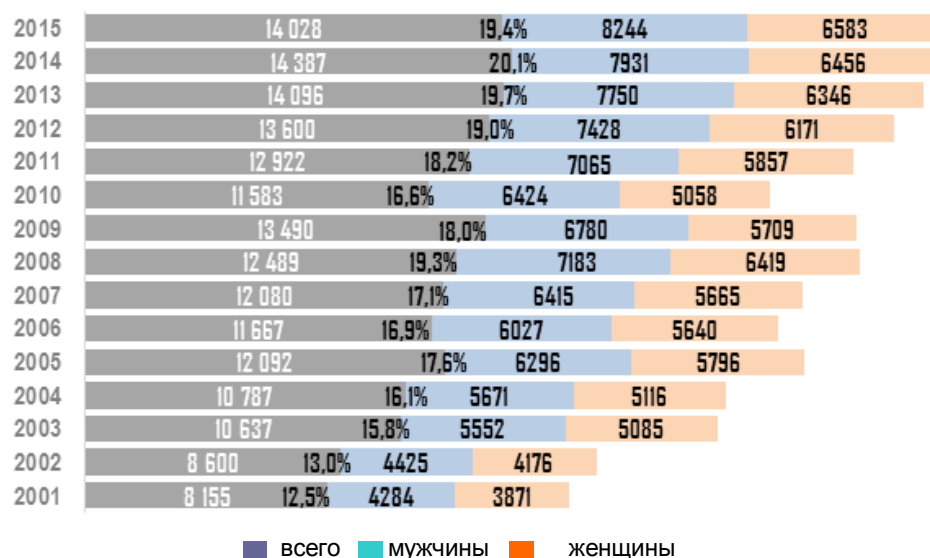

Рис. 4. Занятые в неформальном секторе, тыс. чел. и % от общей численности занятого населения (по данным Росстата) [Федеральная служба... , 2015]

Гендерная специфика неформальной занятости в России проявляется в численном преобладании в неформальном секторе мужчин (их в среднем в 1,2 раза больше, чем женщин). Можно также отметить, что в периоды экономических кризисов возрастает число россиян, которые переходят в неформальный сектор. С предшествующего кризису 2007 г. по 2008 г. количество неформально занятых мужчин увеличилось на 768 тыс. человек, женщин — на 710 тыс. человек. С 2014 по 2015 г., на фоне общего небольшого уменьшения неформального сектора, число мужчин в этой группе выросло больше чем на 300 тыс. человек, что вдвое больше, чем в женской подгруппе.

Деформализация трудовых отношений получает все большее распространение из-за невозможности устроиться на работу с формализованными контрактами и гарантированными социально-трудовыми правами. В последние годы в зону прекариатизации попадают квалифицированные кадры. По официальным данным, за последние 10 лет практически в 2 раза увеличилась доля неформально занятых, которые имеют высшее профессиональное образование: с 10,9 % в 2005 г. до 18,0 % в 2015 г. В неформальный сектор вынуждено уходить большее количество квалифицированных женщин, чем мужчин. По состоянию на 2015 г. в группе неформально занятых насчитывалось 15,6 % мужчин и 19,0 % женщин с высшим профессиональным образованием.

Таблица 2

Структура занятых в неформальном секторе в 2015 г.
по видам экономической деятельности, % [Федеральная служба..., 2015]

Вид деятельности	Структура занятых по полу		
	Всего	Мужчины	Женщины
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	23,1	22,9	23,3
Рыболовство и рыбоводство	0,3	0,6	0,1
Добыча полезных ископаемых	0,1	0,2	0,0
Обрабатывающие производства	8,8	9,7	7,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,3	0,4	0,1
Строительство	11,7	19,3	2,2
Оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, предметов личного пользования	31,8	22,7	43,3
Гостиницы и рестораны	3,2	1,5	5,3
Транспорт и связь	9,2	14,8	2,1
Финансовая деятельность	0,2	0,2	0,4
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	4,1	4,6	3,5
Образование	0,8	0,3	1,4
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	1,0	0,6	1,4
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	5,4	2,3	9,3
<i>Всего</i>	100	100	100

Типичными видами неформальной деятельности выступают торговля, строительные и ремонтные работы, уборка, присмотр за детьми, уход за больными, репетиторство и пр. [Хоткина, 2003: 29]. По данным за 2015 г. в структуре неформального сектора наиболее емкими по количеству занятых являются оптовая и розничная торговля, ремонт автотранспорта, бытовых изделий и др. Практически здесь трудится каждый третий деформализованный работник (31,8 %). Значительна доля неформального труда в сельском и лесном хозяйстве (23,1 %), строительстве (11,7 %), в сфере транспорта и связи (9,2 %), на обрабатывающем производстве (8,8 %) (табл. 2).

Показательно, что в неформальном секторе гендерная сегрегация по отраслям выражена ярче, чем в формальной экономике. На неформальных основаниях в строительстве заняты 19,3 % мужчин и только 2,2 % женщин, в сфере транспорта и связи — 14,8 и 2,1 % соответственно. Женщины преобладают в торговле (22,7 % мужчин и 43,3 % женщин) и сфере социальных и персональных услуг (2,3 и 9,3 % соответственно).

Выводы

Кризисные явления в российской экономике, деформация традиционных форм занятости, массовое распространение нестабильных форм трудовых отношений, недостаточный уровень контроля за соблюдением работодателями социальных обязательств оборачиваются процессами прекариатизации труда, в которые вовлечены как мужчины, так и женщины.

Прекариатизации подвергаются женщины, работающие на условиях неполной занятости, недозанятые работницы, женщины, попадающие в гендерно-сегрегированные профессиональные ниши неформальной экономики (торговля, пошив и ремонт одежды, репетиторство, уборка, присмотр и уход за детьми, престрелыми, больными). Причем в последние годы все большее количество квалифицированных женщин с высшим профессиональным образованием попадают в зону прекариатизированного труда.

Мужчины также массово включены в те виды и формы трудовых отношений, которые характеризуются нестабильностью и социальной незащищенностью. Они преобладают среди временно занятых работников, самозанятых, сверхзанятых. За последние 15 лет в неформальной экономике практически в два раза увеличилась доля мужчин, которые занимаются преимущественно строительством, сельскохозяйственными работами, транспортными услугами. Прекариатизируется труд не только мужчин с низкой квалификацией, гастарбайтеров, безработных, но и высококвалифицированных работников, вынужденных соглашаться на понижение зарплаты, увеличение объема и продолжительности труда.

Библиографический список

- Ашвин С. Утверждение мужской идентичности на рынке труда современной России // Рубеж. 2001. № 16—17. URL: <http://eccsocman.hse.ru/rubezh/msg/16962139.html> (дата обращения: 16.08.2016).
- Бобков В. Н., Вередюк О. В., Колосова Р. П., Разумова Т. О. Занятость и социальная прекариатизация в России: введение в анализ. М.: Теис, 2015. 94 с.

- Гасюкова Е. Н.* Прекаризация: концептуальные основания, факторы и оценки. Мир и Россия // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8, № 6. С. 28—46.
- Гимпельсон В., Капелюшников Р.* Нестандартная занятость и российский рынок труда. Препринт WP3/2005/05. Серия WP3, Проблемы рынка труда // Официальный сайт Высшей школы экономики. URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/78491144> (дата обращения: 16.08.2016).
- Голенкова З. Т., Голусова Ю. В.* Новые социальные группы в современных стратификационных системах глобального общества // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 5—15.
- Калабихина И. Е.* Гендерный фактор в экономическом развитии России. М.: МАКС Пресс, 2009. 240 с.
- Мальцева И. О., Роцин С. Ю.* Гендерная сегрегация и мобильность на российском рынке труда. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 296 с.
- Мещеркина Е.* Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(N)ственности / под ред. С. Ушакина. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 268—287.
- Наемный работник в современной России / отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.
- Нуреев Р. М., Ахмадеев Д. Р.* Классификация неформальной занятости и методы ее оценки // Terra Economicus. 2015. Т. 13, № 1. С. 14—29.
- Российское общество и вызовы времени / отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015. Кн. 2. 432 с.
- Россия: неформальная занятость как новый феномен / Центр макроэкономических исследований Сбербанка России. 2014. 14 февр. URL: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2014/neformaltrudF.pdf> (дата обращения: 13.08.2016).
- Роцин С. Ю., Солнцев С. А.* Кто преодолевает «стеклянный потолок»: вертикальная гендерная сегрегация в российской экономике // Высшая школа экономики. Серия WP4, Социология рынков. 2006. № 3. С. 3—49.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем, 2014. 59 с.
- Тартаковская И. Н.* Мужчины на рынке труда // Социологический журнал. 2002. № 3. С. 112—125.
- Товкайло М.* Голодец: 38 млн россиян заняты «непонятно где и чем» // Ведомости. 2013. 3 апр. URL: https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/04/03/vicepremer_golodec_38 mln_rossiyan_zanyaty_neponyatno_gde_i (дата обращения: 09.08.2016).
- Тоценко Ж. Т.* Прекариат — новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3—13.
- Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. 2015. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 19.08.2016).
- Федорова Е. П., Яковлева А. В.* Неформальная занятость в России: тенденции, причины // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2014. № 2. С. 99—105.
- Хоткина З. А.* Гендерная дискриминация в неформальной экономике // Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. М.: Междунар. орг. труда, 2003. С. 27—50.
- Цыганкова И. В., Базжина В. А., Никишина О. Ю.* Развитие нестандартных форм занятости в современной России // Российское предпринимательство. 2004. № 24 (270). С. 71—86.
- Шкаратан О. И., Карачаровский В. В., Гасюкова Е. Н.* Прекариат: теория и эмпирический анализ: (на материалах опросов в России, 1994—2013) // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 99—110.

- Gialis S., Tsampra M. The diverse regional patterns of atypical employment in Greece: production restructuring, re/deregulation and flexicurity under crisis // *Geoforum*. 2015. № 62. P. 175—187.
- Kidder J. L. Hollywood, bike messengers, and the new economy // *Critical Sociology*. 2016. № 42 (2). P. 307—322.
- Pilling D. Japan is creating jobs but workers do not prosper. Casualisation of the workforce is stifling the reflationary experiment // *Financial Times*. 2014. 10th September.

References

- Ashvin, S. (2001) Utverzhdenie muzhskoi identichnosti na rynke truda sovremennoi Rossii [The assertion of male identity in the labor market of modern Russia], *Rubezh*, no. 16—17, available from <http://ecsocman.hse.ru/rubezh/msg/16962139.html> (accessed 16.08.2016).
- Bobkov, V. N., Verediuk, O. V., Kolosova, R. P., Razumova, T. O. (2015) *Zaniatost' i sotsial'naiia prekarizatsiia v Rossii: vvedenie v analiz* [Employment and social precarization work in Russia: an introduction to analysis], Moscow: Teis.
- Federal'naiia sluzhba gosudarstvennoi statistiki* (2015) [Federal state statistics service], available from <http://www.gks.ru> (accessed 19.08.2016).
- Fedorova, E. P., Iakovleva, A. V. (2014) Neformal'naiia zaniatost' v Rossii: tendentsii, prichiny [Informal employment in Russia: trends, causes], *Nauchnyi zhurnal Nauchno-issledovatel'skogo universiteta informatsionnykh tekhnologii mekhaniki i optiki, seriia Ekonomika i ekologicheskiĭ menedzhment*, no. 1, pp. 99—105.
- Gasiukova, E. N. (2015) Prekarizatsiia: kontseptual'nye osnovaniia, faktory i otsenki. Mir i Rossiia [Precarization: conceptual bases, factors and evaluation. The world and Russia], *Problemy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, vol. 8, no. 6, pp. 28—46.
- Gialis, S., Tsampra, M. (2015) The diverse regional patterns of atypical employment in Greece: production restructuring, re/deregulation and flexicurity under crisis, *Geoforum*, no. 62, pp. 175—187.
- Gimpel'son, V., Kapeliushnikov, R. (2005) Nestandardnaia zaniatost' i rossiiskii ryok truda. Preprint WP3/2005/05. Serii WP3, Problemy rynka truda [Nonstandard work and the Russian labor market. Preprint WP3/2005/05. Series WP3, Problems of the labour market], *Ofitsial'nyi sait Vysheĭ shkoly ekonomiki*, available from <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/78491144> (accessed 16.08.2016).
- Golenkova, Z. T., Goliusova, Iu. V. (2013) Novye sotsial'nye gruppy v sovremennykh stratifikatsionnykh sistemakh global'nogo obshchestva [New social groups in today's global society stratification systems], *Sotsiologicheskaia nauka i sotsial'naiia praktika*, no. 3, pp. 5—15.
- Golenkova, Z. T. (ed.) (2015) *Naemnyi rabotnik v sovremennoi Rossii* [Hired worker in modern Russia], Moscow: Novyi khronograf.
- Gorshkov, M. K., Petukhov, V. V. (eds) (2015) *Rossiiskoe obshchestvo i vyzovy vremeni* [Russian society and the challenges of the times], Moscow: Ves' Mir, vol. 2.
- Hotkina, Z. A. (2003) Gendernaia diskriminatsiia v neformal'noi ekonomike [Gender discrimination in the informal economy], in: *Gendernoe ravenstvo: poiski resheniia starykh problem*, Moscow: Mezhdunarodnaia organizatsiia truda, pp. 27—50.
- Kalabikhina, I. E. (2009) *Gendernyi faktor v ekonomicheskom razvitiĭ Rossii* [Gender factor in the economic development of Russia], Moscow: MAKS Press.
- Kidder, J. L. (2016) Hollywood, bike messengers, and the new economy, *Critical Sociology*, no. 42 (2), pp. 307—322.

- Mal'tseva, I. O., Roshchin, S. Iu. (2007) *Gendernaia segregatsiia i mobil'nost' na rossiiskom rynke truda* [Gender segregation and mobility on the Russian labor market], Moscow: GU VShĖ.
- Meshcherkina, E. (2002) Bytie muzhskogo soznaniia: opyt rekonstruktsii maskulinnoĭ identichnosti srednego i rabocheho klassa [Being male consciousness: experience of reconstruction of masculine identity of the middle and working class], in: Ushakin, S. (ed.) *O muzhe(N)stvennosti*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, pp. 268—287.
- Nureev, R. M., Akhmadeev, D. R. (2015) Klassifikatsiia neformal'noi zaniatosti i metody ee otsenki [The classification of informal employment and methods of evaluation], *Terra Economicus*, vol. 13, no. 1, pp. 14—29.
- Pilling, D. (2014) Japan is creating jobs but workers do not prosper. Casualisation of the workforce is stifling the reflationary experiment, *Financial Times*, 10 September.
- Roshchin, S. Iu., Solntsev, S. A. (2006) Kto preodolevaet "stekliannyĭ potolok": vertikal'naia gendernaia segregatsiia v rossiiskoi ekonomike [Who overcomes the "glass ceiling": the vertical gender segregation in the Russian economy], *Vysshaia shkola ekonomiki, seriia WP4, Sotsiologiia rynkov*, no. 3, pp. 3—49.
- Rossia: neformal'naia zaniatost' kak novyi fenomen (2014) [Russia: informal employment as a new phenomenon], available from <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2014/neformaltrudF.pdf> (accessed 13.08.2016).
- Shkaratan, O. I., Karacharovskii, V. V., Gasiukova, E. N. (2015) Prekariat: teoriia i ėmpiricheskiĭ analiz: (Na materialakh oprosov v Rossii, 1994—2013) [Prekariat: theory and empirical analysis: (On materials of surveys in Russia, 1994—2013)], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 12, pp. 99—110.
- Stĕnding, G. (2014) *Prekariat: novyi opasnyi klass* [Prekariat: a new dangerous class], Moscow: Ad Marginem.
- Tartakovskaia, I. N. (2002) Muzhchiny na rynke truda [The men on the labor market], *Sotsiologicheskiĭ zhurnal*, no. 3, pp. 112—125.
- Toshchenko, Zh. T. (2015) Prekariat — novyi social'nyi klass [Prekariat is a new social class], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 3—13.
- Tovkaĭlo, M. (2013) Golodets: 38 mln rossiian zaniaty "neponiatno gde i chem" [Golodets: 38 millions Russians are busy "unclear where and what"], *Vedomosti*, 3 April, available from https://www.vedomosti.ru/management/articles/2013/04/03/vicepremer_golodec_38 mln_rossiyan_zanyaty_neponyatno_gde_i (accessed 09.08.2016).
- Tsygankova, I. V., Bazzhina, V. A., Nikishina, O. Iu. (2004) Razvitie nestandartnykh form zaniatosti v sovremennoi Rossii [Development of nonstandard forms of employment in modern Russia], *Rossiiskoe predprinimatel'stvo*, no. 24 (270), pp. 71—86.

Статья поступила 17.10.2016 г.

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖЕНЩИН
В ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ 2015 г.
(На примере Вологодской области)**

Исследуются особенности оценок социально-экономического положения и настроений женщин Вологодской области в условиях экономического кризиса 2015 г. Показано, что женщины являются одной из наименее защищенных категорий и, несмотря на более гибкий, по сравнению с мужчинами, адаптивный механизм, обусловленный природными особенностями женской психологии, чутко реагируют на негативные изменения социально-экономической ситуации.

Сделан вывод о том, что в условиях кризиса динамика оценок женщин относительно экономической ситуации в стране и регионе, собственного материального положения имеет преимущественно негативный характер. Вместе с тем их социальное самочувствие зависит в первую очередь от социально-психологического климата в семье, от того, как складываются отношения с детьми, близкими родственниками, друзьями.

Исследование проведено на основе данных мониторинга общественного мнения, осуществляемого Институтом социально-экономического развития территорий РАН в Вологодской области.

Ключевые слова: экономическое положение, социальное самочувствие, покупательная способность, потребительские настроения, запас терпения, кризис, женский социум.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.4

I. N. Dementyeva. Social well-being of women in economic conditions of 2015 (On the example Vologda region)

The article attempts to estimate economic and social situation of Vologda region in the conditions of 2015 economic crisis as well as closely connected with these issues mood of the region's women. It is shown that women are one of the least protected categories. They are most vulnerable to negative changes of the social and economic situation.

The conclusion is drawn that in the conditions of crisis the dynamics of women's estimation of the economic situation in the country and the region as

well as of their own financial position tends to be mainly negative. At the same time, their social well-being depends first of all on social and psychological climate within a family, on how the relations with children, close relatives, friends.

The research is conducted on the basis of the public opinion monitoring data carried out by the Institute of the Socio-Economic Development of Territories of Russian Academy of Sciences in the Vologda region.

Key words: economic situation, social well-being, purchasing power, consumer moods, margin of patience, crisis, female society.

Женский социум представляет собой большую демографическую общность, состоящую из разных социально-профессиональных, возрастных, статусно-должностных групп. В общей численности населения Вологодской области женщины составляют 53,9 %, или 643,3 тыс. человек [Демографический ежегодник... , 2015: 20]. Женщины обладают большим демографическим, профессиональным и интеллектуальным потенциалом и выполняют значимые социальные функции для региона. Они заняты почти во всех сферах профессиональной деятельности, в государственном секторе экономики, в сфере индивидуального предпринимательства, а также в политической и общественной жизни. Современные женщины успешно совмещают работу по специальности и хозяйственно-бытовые функции в семье.

Основные показатели, характеризующие положение женщины в обществе: уровень социальной защищенности, охрана здоровья, характер и уровень рождаемости, образование, занятость, организация труда, участие в политической и общественной жизни, материальное благополучие и др., — дают оценки наиболее значимым аспектам уровня и качества жизни [Толок, 2016].

Кризисные процессы, происходящие в экономике России и Вологодской области, негативным образом повлияли на социально-экономическое положение женской части населения. Высокий уровень инфляции, безработица, рост задолженности по выплате заработной платы, снижение среднего размера оплаты труда [Иванова, 2010], безусловно, отражаются на материальном благополучии и социальном самочувствии женщин и влекут за собой ограничение их самореализации, ухудшение семейных отношений, изменение стратегии семейного поведения, усиление экономической зависимости от мужа, увеличение количества негативных социальных девиаций в женской среде и др. [Данилова, 2009].

В настоящей статье представлены результаты мониторинга общественного мнения, проводимого Институтом социально-экономического развития территорий РАН в Вологодской области¹. Они характеризуют экономическое положение и социальное самочувствие женской части населения Вологодской области в условиях экономического кризиса.

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в городах Вологде и Череповце и в восьми районах области (Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский). Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3 %. Объем выборочной совокупности — 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Ее репрезентативность обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области.

По данным социологических измерений, большинство вологжанок оценивают экономическое положение в России как «среднее» (в 2015 г. — 47 %) (табл. 1). Негативные суждения высказывают около трети женщин (35 %), и только 7 % считают экономическую ситуацию «очень хорошей и хорошей». Аналогичные оценки текущей ситуации в стране дают и мужчины.

Оценки женщин в отношении экономической ситуации в регионе менее благоприятны: более представительна доля негативных характеристик (45 %). Неудовлетворены экономической ситуацией в стране и регионе в основном женщины в возрасте от 30 до 55 лет (36 и 44 %), относящие себя к «бедным и нищим» (41 и 50 %), а также проживающие в сельской местности (47 и 55 %).

По сравнению с 2014 г. представления о текущей экономической ситуации в России и области как у женщин, так и у мужчин заметно ухудшились: доля негативных оценок возросла на 10 и 9 п. п.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили экономическое положение в России и Вологодской области?», %, N = 1500

Оценка	Женщины					Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)	Мужчины				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)
	Год				2010		Год			2015	
	2010	2013	2014	2015			2013	2014	2015		
<i>В России</i>											
Очень хорошее и хорошее	7,0	9,3	9,8	6,5	-3	8,5	12,3	9,3	5,7	-4	
Среднее	49,2	48,2	50,1	46,9	-3	46,6	46,2	48,9	46,1	-3	
Очень плохое и плохое	31,2	28,6	25,1	35,0	+10	32,7	29,5	27,0	36,1	+9	
Затрудняюсь ответить	12,6	13,9	15,0	11,6	-	12,2	12,0	14,8	12,1	-	
<i>Всего</i>	100	100	100	100	-	100	100	100	100	-	
<i>В области</i>											
Очень хорошее и хорошее	6,6	8,1	7,7	5,5	-2	7,6	9,2	7,1	4,9	-2	
Среднее	47,3	44,3	44,1	40,8	-3	45,9	43,7	43,9	38,7	-5	
Очень плохое и плохое	33,8	35,8	35,8	45,2	+9	34,5	36,4	36,2	44,0	+8	
Затрудняюсь ответить	12,3	11,8	12,4	8,5	-	12,0	10,7	12,8	12,4	-	
<i>Всего</i>	100	100	100	100	-	100	100	100	100	-	

В структуре наиболее актуальных проблем современной жизни, беспокоящих женщин в Вологодской области, лидирующие позиции занимает инфляция (71 %), причем по сравнению с 2014 г. значимость данной проблемы существенно возросла (на 11 п. п.) (табл. 2). На втором и третьем местах в списке самых острых проблем находятся неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (39 %) и проблема жилищного обеспечения, низкой доступности жилья (35 %). Серьезную обеспокоенность у представительниц женской

части населения вызывает низкий уровень жизни, бедность (34 %). Женщины чаще, чем мужчины, указывают на недоступность здравоохранения, низкое качество медицинских услуг (32 и 26 %). Это связано с тем, что женщины более ответственно относятся к своему здоровью, чаще обращаются за консультацией к специалисту. Мужчинам обычно некогда заниматься здоровьем [Шабунова, Леонидова, 2011].

Таблица 2

«Какие проблемы современной жизни Вы считаете наиболее острыми для Вашей семьи?», %, N = 1500

Проблема	Женщины					Мужчины				
	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)
	2010	2013	2014	2015		2010	2013	2014	2015	
Инфляция (постоянный рост цен)	55,4	61,2	59,4	70,6	+11	54,9	59,0	59,1	69,3	+10
Неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и др.)	28,0	40,2	39,4	39,3	0	31,0	41,1	41,8	41,8	0
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	32,6	39,1	36,9	34,9	-2	31,3	38,9	36,3	35,3	-1
Низкий уровень жизни, бедность	35,9	34,0	33,7	34,3	+1	32,5	30,1	31,3	34,1	+3
Недоступность здравоохранения, низкое качество медицинских услуг	33,5	32,2	32,2	32,2	0	25,3	26,1	27,4	26,4	-1

Примечания: 1. В анкете представлен список из 23 проблем, в таблице — первая пятерка.

2. Вопрос предполагал выбор нескольких вариантов ответа.

Оценки социально-экономической ситуации, складывающейся в условиях кризиса, оказывают непосредственное влияние на характеристики уровня и качества жизни женщин. Около трети жительниц области дают негативные отзывы о своем материальном благополучии (табл. 3). Причем по сравнению с 2014 г. оценки существенно ухудшились: доля позитивных характеристик снизилась на 3 п. п. (с 10 до 7 %), удельный вес отрицательных отзывов, напротив, возрос на 4 п. п. (с 28 до 32 %).

Негативно отзываются о своем материальном положении в основном женщины в возрасте от 30 до 55 лет (33 %), отличающиеся низкой оценкой своего экономического статуса («бедные и нищие» — 52 %). В зависимости от места проживания существенных различий не наблюдается: как «очень плохое и плохое» свое материальное положение оценивают 32 % городских и 33 % сельских женщин.

Таблица 3

«Как бы Вы оценили материальное положение Вашей семьи?», %, N = 1500

Оценка	Женщины					Мужчины				
	Год				Изменение 2015 к 2014 г. (+/-)	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)
	2010	2013	2014	2015		2010	2013	2014	2015	
Очень хорошее и хорошее	6,9	9,3	10,1	7,5	-3	9,7	12,1	12,4	8,2	-4
Среднее	50,3	52,8	54,4	49,6	-5	49,9	51,7	50,3	49,4	-1
Очень плохое и плохое	34,6	29,5	27,9	31,9	+4	30,7	26,4	28,3	30,3	+2
Затрудняюсь ответить	8,2	8,4	7,6	11,0	-	9,7	9,8	9,0	12,1	-
<i>Всего</i>	100	100	100	100	-	100	100	100	100	-

В период с 2014 по 2015 г., по самооценкам женщин, наблюдался существенный рост дохода, «необходимого для нормальной жизни». В результате разрыв между «желаемым» и «фактическим» доходами вологжанок увеличился с 2,9 до 3,1 раза, в то время как у мужчин существенно не изменился (3,2 раза) (табл. 4).

Таблица 4

Среднемесячный фактический доход на одного члена семьи и доход, необходимый для нормальной жизни, руб., N = 1500

Вид дохода	Женщины					Мужчины				
	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)
	2010	2013	2014	2015		2010	2013	2014	2015	
Фактический доход	7812	10845	12169	12471	+302	8780	11915	13003	13303	+300
Необходимый доход	25063	34103	35714	38387	+2673	28655	39200	41678	42805	+1127
Соотношение необходимого и фактического доходов (в разгах)	3,2	3,1	2,9	3,1	+0,2	3,3	3,3	3,2	3,2	0

Большинство жительниц области в 2015 г. отличались средним уровнем покупательной способности доходов («денег достаточно для приобретения необходимых товаров» — 49%). При этом женщины чаще, чем мужчины, указывали, что имеющихся средств «хватает в лучшем случае на еду» (43 и 39 %), причем по сравнению с 2014 г. доля женщин с низким уровнем покупательной способности доходов существенно возросла (на 8 п. п., с 34 до 43 %) (табл. 5).

Низкие показатели покупательной способности доходов характерны в основном для женщин в возрасте от 30 до 55 лет (44 %) и старше (45 %), относящих себя к «бедным и нищим» (64 %), а также проживающих в сельской местности (51 %).

Таблица 5

«Какая из приведенных ниже оценок наиболее точно характеризует Ваши денежные доходы?», %, N = 1500

Оценка	Женщины					Мужчины				
	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)
	2010	2013	2014	2015		2010	2013	2014	2015	
Покупка различных товаров не вызывает трудностей	8,2	11,0	11,3	8,2	-3	12,5	14,0	13,9	10,6	-3
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов	53,6	54,3	54,3	49,3	-5	54,7	56,5	53,8	50,2	-4
Денег хватает в лучшем случае на еду	38,2	34,7	34,4	42,5	+8	32,9	29,5	32,3	39,2	+7
<i>Всего</i>	100	100	100	100	-	100	100	100	100	-

В структуре социальной самоидентификации женщин преобладает доля тех, кто идентифицирует себя с «бедными и нищими» (52 %). По сравнению с предыдущими периодами измерений она демонстрирует тенденцию к росту (табл. 6). К категории «бедных и нищих» чаще других относят себя женщины средней возрастной группы (30—55 лет) и старшей (старше 55 лет) (по 53 %), а также проживающие на сельских территориях (53 %).

Таблица 6

«К какой категории обеспеченности Вы себя относите?», %, N = 1500

Категория	Женщины					Мужчины				
	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)
	2010	2013	2014	2015		2010	2013	2014	2015	
Богатые, люди среднего достатка	41,0	43,0	43,8	38,3	-6	43,4	45,9	43,3	39,8	-4
Бедные и нищие	47,9	48,3	49,2	51,7	+3	43,9	45,1	48,9	49,5	+1
Затрудняюсь ответить	11,1	8,7	7,0	10,0	-	12,7	9,0	7,8	10,7	-
<i>Всего</i>	100	100	100	100	-	100	100	100	100	-

Одной из возможностей сбора оценок женщин в отношении экономической ситуации в стране и регионе, собственного материального положения является использование индекса потребительских настроений (ИПН)².

ИПН представляет собой обобщенные оценки населением своего материального положения, экономической ситуации в стране в ближайшем будущем и долгосрочной перспективе, склонности к потреблению. ИПН дает ответ и на более общий вопрос — об уровне и динамике оптимизма в отношении экономического и социального развития в целом.

В 2015 г. сводный индекс потребительских настроений вологжанок составил 77,3 пункта (существенно ниже 100 пунктов), что свидетельствует о перевесе негативных характеристик материального положения. Потребительские настроения женщин стали менее благоприятными по сравнению с 2014 г. (на 10 пунктов) и остались ниже уровня 2010—2013 гг. (на 9—13 пунктов). На негативную динамику ИПН оказало влияние ухудшение всех составляющих его частных индексов.

В 2015 г. индекс текущего личного материального положения женщин и индекс ожиданий его изменения снизились на 11 и 9 пунктов соответственно. Ухудшение оценок произошло за счет роста негативных характеристик (с 26 до 35 % и с 20 до 27 %) (табл. 7).

Индекс целесообразности приобретения товаров длительного пользования, по оценкам женщин, в 2015 г. по сравнению с 2014 г. уменьшился на 16 пунктов (с 94 до 78) и установился на самой низкой отметке за весь рассматриваемый период. Снижение индекса целесообразности совершения крупных покупок произошло за счет уменьшения доли оценок позитивных (с 15 до 8 %) и увеличения доли негативных (с 21 до 30 %).

Заметно ухудшились и ожидания женщин относительно ближайших и долгосрочных перспектив развития экономики страны: соответствующие индикаторы снизились на 11 и 4 пункта. Это произошло за счет увеличения количества негативных прогнозов (с 27 до 36 % и с 17 до 21 % соответственно).

---

² ИПН рассчитывается исходя из ответов на следующие вопросы:

1) материальное положение Вашей семьи лучше или хуже, чем было год назад? (*Варианты ответов: «лучше», «хуже»*);

2) сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы осуществлять крупные покупки для дома? (*Варианты ответов: «хорошее», «плохое»*);

3) через год Ваше материальное положение будет лучше или хуже, чем сейчас? (*Варианты ответов: «будет лучше», «будет хуже»*);

4) следующие 12 месяцев будут для экономики страны хорошим или плохим временем? (*варианты ответов: «хорошим», «плохим»*);

5) следующие 5 лет будут для экономики страны хорошим или плохим временем? (*Варианты ответов: «хорошим», «плохим»*).

Для каждого вопроса рассчитываются частные индексы. Среднее арифметическое частных индексов дает совокупную величину — ИПН.

Таблица 7

Динамика частных индексов, входящих в структуру ИПН, N = 1500

Оценка	Женщины					Мужчины				
	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)
	2010	2013	2014	2015		2010	2013	2014	2015	
<i>Материальное положение Вашей семьи лучше или хуже, чем было год назад?</i>										
Лучше, %	7,5	11,1	9,3	7,8	-2	6,8	12,0	9,6	7,1	-3
Хуже, %	34,7	25,4	25,8	35,4	+9	33,9	23,4	27,1	35,8	+9
Индекс текущего личного материального положения, пункты	72,8	85,7	83,5	72,4	-11	72,9	88,6	82,5	71,3	-11
<i>Через год Ваше материальное положение будет лучше или хуже, чем сейчас?</i>										
Будет лучше, %	8,0	8,2	7,4	5,2	-2	8,3	9,7	8,0	4,8	-3
Будет хуже, %	21,9	18,1	20,4	27,4	+7	22,2	17,4	20,1	28,1	+8
Индекс ожидаемый изменения личного материального положения, пункты	86,1	90,1	87,0	77,8	-9	86,1	92,3	87,9	76,7	-11
<i>Сейчас хорошее или плохое время для того, чтобы осуществлять крупные покупки для дома (мебель, холодильник, телевизор, другая бытовая электроника)?</i>										
Хорошее, %	10,1	13,5	15,1	8,2	-7	10,8	14,9	16,3	7,9	-8
Плохое, %	25,8	21,4	20,8	30,2	+9	23,0	20,1	21,8	28,6	+7
Индекс целесообразности приобретения товаров длительного пользования, пункты	84,3	92,1	94,3	78,0	-16	87,8	94,8	94,5	79,3	-15
<i>Следующие 12 месяцев будут для экономики России хорошим или плохим временем?</i>										
Хорошим, %	17,5	17,4	14,3	11,4	-3	19,0	18,9	14,7	12,5	-2
Плохим, %	23,4	23,8	27,4	35,9	+9	24,4	26,2	28,0	36,6	+9
Индекс ожидаемый развития экономики страны в ближайший год, пункты	94,1	93,6	86,9	75,5	-11	94,6	92,7	86,7	75,9	-11
<i>Следующие 5 лет будут для экономики России хорошим или плохим временем?</i>										
Хорошим, %	5,9	4,6	4,0	4,1	0	7,8	4,6	4,9	4,1	-1
Плохим, %	14,1	17,2	17,4	21,4	+4	15,8	18,2	18,3	23,3	+5
Индекс ожидаемый развития экономики страны в ближайшие 5 лет, пункты	91,8	87,4	86,5	82,7	-4	92,0	86,4	86,6	80,8	-6

Примечание. Учитываются только те варианты ответов, на основании которых произведен расчет частных индексов ИПН.

Несмотря на негативное восприятие женской частью населения Вологодской области социально-экономических процессов, происходящих в стране и регионе, показатели социального самочувствия сохраняются на высоких отметках. В 2015 г. около 70 % женщин позитивно оценивали свое настроение («прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние») (табл. 8). Отрицательные оценки давали в основном женщины в возрасте от 30 до 55 лет (29 %) и старше 55 лет (30 %), негативно оценивавшие свой экономический статус («бедные и нищие» — 35 %), проживавшие на селе (30 %). При этом по сравнению с 2014 г. эмоциональное состояние сельских женщин улучшилось (доля «испытывающих напряжение, раздражение, страх, тоску» снизилась с 34 до 30 %), а городских, напротив, стало менее оптимистичным (удельный вес негативных оценок вырос с 23 до 26 %).

Таблица 8

«Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?», %, N = 1500

Оценка	Женщины					Мужчины				
	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)
	2010	2013	2014	2015		2010	2013	2014	2015	
Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние	60,2	67,5	69,8	68,0	-2	64,3	69,9	68,9	69,5	+1
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	35,2	28,0	25,3	27,2	+2	30,2	24,6	24,5	24,3	0
Затрудняюсь ответить	4,6	4,5	4,9	4,8	-	5,5	5,5	6,6	6,2	-
<i>Всего</i>	100	100	100	100	-	100	100	100	100	-

Около 80 % вологжанок демонстрируют высокий уровень запаса социального терпения («все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть»). Отрицательные оценки («терпеть наше бедственное положение уже невозможно») дают в основном «бедные и нищие» (20 %) и сельские жительницы (19 %). При этом показатель запаса терпения у городских женщин в 2014—2015 гг. ухудшается (табл. 9).

Сохраняющиеся высокие показатели социального самочувствия женщин могут быть обусловлены тем, что их настроение в большей степени определяется не материальными трудностями, а благоприятной обстановкой в семье, отношениями с близкими, друзьями. Как показали результаты опросов, в 2015 г. большинство жительниц региона были удовлетворены отношениями с друзьями, ближайшими знакомыми (86 %), отношениями с детьми (80 %). Это еще раз подтверждает вывод о том, что роль женщины в современном обществе обусловлена выполнением ими репродуктивной функции и заключается в сочетании обязанностей семейных и внесемейных, материнских и трудовых [Силласте,

2000]. Причем благополучие в семье, здоровье, безопасность, успешность детей и близких являются доминирующими в формировании социального самочувствия женщины.

Таблица 9

«Как Вы считаете, какое из приведенных ниже высказываний наиболее соответствует сложившейся ситуации?», %, N = 1500

Оценка	Женщины					Мужчины				
	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)	Год				Изменение 2015 г. к 2014 г. (+/-)
	2010	2013	2014	2015		2010	2013	2014	2015	
Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно и терпеть	71,9	79,5	81,8	79,3	-3	70,5	78,9	79,6	77,4	-2
Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	17,6	14,5	12,0	14,3	+2	17,4	13,9	13,2	14,7	+2
Затрудняюсь ответить	10,5	6,0	6,2	6,4	-	12,1	7,2	7,3	7,9	-
<i>Всего</i>	100	100	100	100	-	100	100	100	100	-

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что вологжанки чутко реагируют на социально-экономическую ситуацию в стране и регионе.

В условиях кризиса динамика оценок женщин Вологодской области относительно экономической ситуации в стране и регионе, собственного материального положения, социального самочувствия имеет преимущественно негативный характер:

— по сравнению с 2014 г. увеличился удельный вес пессимистичных оценок изменения социально-экономической ситуации в стране (с 25 до 35 %) и регионе (с 35 до 45 %);

— ухудшились оценки собственного материального положения женщин (доля тех, кто считает его «плохим», увеличилась с 28 до 32 %);

— увеличилась доля вологжанок с низким уровнем покупательной способности доходов (с 34 до 43 %);

— ухудшились показатели социальной самоидентификации (уменьшилась доля «людей среднего достатка» — с 44 до 38 %, возросла доля «бедных и нищих» — с 49 до 52 %).

На фоне негативной динамики основных показателей, характеризующих качество жизни женщин, сохраняется ряд серьезных проблем:

— наблюдается высокая степень беспокойности жительниц области проблемами инфляции (71 %), неудовлетворительного качества инженерной инфраструктуры (39 %), жилищного обеспечения (35 %), низкого уровня жизни (34 %), недоступности здравоохранения, низкого качества медицинских услуг (32 %);

- только 6—8 % женщин положительно оценивают экономическую ситуацию в стране и области, собственное материальное благополучие;
- каждая вторая испытывает трудности с приобретением различных товаров;
- 52 % женщин считают себя «бедными и нищими»;
- наиболее негативные оценки дают представительницы женской части населения, проживающие в сельской местности.

Обращает на себя внимание тот факт, что по всем рассматриваемым показателям негативные оценки женщин области преобладают над позитивными (их больше в 2—3 раза).

В целом в условиях кризисных процессов, происходящих в современном обществе, женская социально-демографическая общность является одной из наиболее уязвимых социальных групп. С одной стороны, женщины более адаптированы к новым условиям среды в силу своих природных качеств (они более выносливы, терпимы, социально ответственны), с другой — существенными барьерами адаптации выступают проявления дискриминации по отношению к женщине (у них более высок риск потерять работу, меньше возможностей получения нового места, продвижения по службе) [Шабунова, Россошанский, 2013].

Женщины чутко реагируют на негативные изменения экономической ситуации. Вместе с тем их социальное самочувствие зависит в первую очередь от социально-психологического климата в семье, от того, как складываются отношения с детьми, близкими родственниками, друзьями. Однако, как отмечают эксперты, это не может длиться долго. Н. М. Римашевская утверждает, что ухудшение социально-экономического положения, низкая материальная обеспеченность и бедность женщин могут привести к дестабилизации внутрисемейных отношений, а затем — к гендерной асимметрии здоровья и к процессам депопуляции, иначе говоря, к ослаблению качества населения [Римашевская, 2006].

В этой связи одной из наиболее актуальных задач социально-экономической политики, которую предстоит реализовать руководству Вологодской области, является повышение показателей уровня и качества жизни населения, в частности представительниц женской его части.

Библиографический список

- Данилова З. А.* Женщина в условиях современного экономического кризиса // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 6. С. 129—132.
- Демографический ежегодник Вологодской области: статистический сборник. Вологда: Вологдастат, 2015. 81 с.
- Иванова Л. Х.* Действия профсоюзов по улучшению положения женщин на рынке труда в условиях кризиса // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2010. № 2 (6). С. 69—82.
- Римашевская Н. М.* Гендерные стереотипы и логика социальных отношений // Динамика гендерных стереотипов в современной России / ИСЭПН РАН. М., 2006. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16208971/> (дата обращения: 11.04.2016).
- Силласте Г. Г.* Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 25—34.

- Толок Е. С. Место и роль женщины в современном российском обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (66), ч. 2. С. 162—165.
- Шабунова А. А., Леонидова Г. В. Человеческий капитал — индикатор устойчивого развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 5 (17). С. 101—115.
- Шабунова А. А., Россосанский А. И. О гендерной дифференциации заработной платы на рынке труда // Проблемы развития территории. 2013. № 5 (67). С. 50—56.

References

- Danilova, Z. A. (2009) Zhenshchina v usloviakh sovremennogo ekonomicheskogo krizisa [The woman in the conditions of a modern economic crisis], *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6, pp. 129—132.
- Demograficheskii ezhegodnik Vologodskoi oblasti: statisticheskii sbornik* (2015) [Demographic year-book of the Vologda region: statistical collection], Vologda: Vologdastat.
- Ivanova, L. Kh. (2010) Deistviia profsoiuzov po uluchsheniuiu polozheniia zhenshchin na rynke truda v usloviakh krizisa [Actions of labor unions for advancement of women in labor market in the conditions of crisis], *Vestnik Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologii*, no. 2 (6), pp. 69—82.
- Rimashevskaiia, N. M. (2006) Gendernye stereotipy i logika sotsial'nykh otnosheniĭ [Gender stereotypes and logic of the social relations], in: *Dinamika gendernykh stereotipov v sovremennoi Rossii*, available from <http://ecsocman.hse.ru/text/16208971/> (accessed 11.04.2016).
- Sillaste, G. G. (2000) Sotsial'naia diskriminatsiia zhenshchin kak predmet sotsiologicheskogo analiza [Social discrimination of women as subject of the sociological analysis], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 5, pp. 25—34.
- Shabunova, A. A., Leonidova, G. V. (2011) Chelovecheskii kapital — indikator ustoichivogo razvitiia territorii [The human capital — the indicator of a sustainable development of the territory], *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, no. 5 (17), pp. 101—115.
- Shabunova, A. A., Rossoshanskiĭ, A. I. (2013) O gendernoi differentsiatsii zarabotnoi platy na rynke truda [About gender differentiation of a salary in labor market], *Problemy razvitiia territorii*, no. 5 (67), pp. 50—56.
- Tolok, E. S. (2016) Mesto i rol' zhenshchiny v sovremennom rossiiskom obshchestve [The place and role of the woman in modern Russian society], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 4 (66), pt. 2, pp. 162—165.

Статья поступила 02.07.2016 г.

Г. С. Ковтун, А. А. Куперман

**ГЕНДЕРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(На материале г. Владивостока)**

Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 53—63

Приводятся результаты социологического исследования, которое было осуществлено осенью 2015 г. на базе Дальневосточного федерального университета и Морского государственного университета им. адмирала Г. И. Невельского (г. Владивосток). Задача исследования состояла в выявлении гендерных представлений современной студенческой молодежи, формирующихся в ситуации одновременного функционирования в российском обществе нескольких конкурирующих между собой гендерных идеологий. Сбор информации осуществлялся путем анонимного анкетирования. Полученный материал оценивался с точки зрения его соответствия/несоответствия основным принципам традиционной и эгалитарной гендерных идеологий.

Ключевые слова: гендер, гендерная идеология, гендерные представления, студенческая молодежь.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.5

**G. S. Kovtun, A. A. Kuperman. Gender beliefs
of today's college students
(On the materials of Vladivostok)**

The article explains the importance and relevance of the sociological study of students gender conceptions in the conditions of modern Russia. Gender beliefs of students are considered to be the most important prognostic information source on trends in gender relations in various spheres of public life: political, labor, family and marriage. The article presents the results of a sociological survey, which was implemented in autumn 2015 on the materials of the Far Eastern Federal University and the Maritime State University named after admiral G. I. Nevelskoy (Vladivostok). The purpose of the study was to identify gender beliefs of contemporary college students, emerging in the situation of simultaneous operation in the Russian society of several competing ideologies of gender.

© Ковтун Г. С., Куперман А. А., 2017

Ковтун Галина Степановна — кандидат философских наук, профессор кафедры социальных наук, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, kogala@yandex.ru (Cand. Sc., Professor at the Department of Social Science, Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia).

Куперман Анастасия Андреевна — бакалавр социологии, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия, nastya.kuperman@mail.ru (Bachelor of sociology, Far-Eastern Federal University, Vladivostok, Russia).

Information was collected through anonymous questionnaires. The questionnaire consisted of 25 questions: 19 closed and 6 open (2 independent and 4 for the argument the answer to the previous question). The questions included in the questionnaire were divided into four thematic blocks: “The images of men and women”, “Gender relations in politics”, “Gender relations in the workplace”, “Gender relations in the sphere of family and marriage”. The information obtained was evaluated in terms of its compliance/non-compliance with the basic principles of traditional and egalitarian gender ideologies.

Key words: gender, gender ideology, gender beliefs, students.

Постановка задачи / выдвижение гипотезы

За 25 лет, прошедших с начала реформирования государственного и общественного строя России, радикальные изменения произошли во всех сферах социальной жизни. В социологии изменения подобного рода принято называть трансформационным процессом. Важнейшей составляющей этого процесса является трансформация семьи, жизненных стратегий мужчин и женщин, их взаимоотношений в различных сферах общественной жизни, а также гендерной идеологии и гендерных представлений россиян.

Особенность российских трансформаций состоит в том, что они представляют собой процесс с открытым финалом. То, каким будет этот финал, во многом зависит от мировоззрения современной студенческой молодежи. Именно поэтому гендерные представления студенческой молодежи являются важнейшим прогностическим источником информации о тенденциях развития гендерных отношений в России.

Особую значимость социологические исследования гендерных представлений студенческой молодежи приобретают в условиях распространения в обществе различных, зачастую конфликтующих и конкурирующих между собой, гендерных идеологий («Гендерные представления являются продуктом господствующей в конкретном обществе в определенный исторический период гендерной идеологии» [Клецина, 2009: 317]). В современном российском дискурсе представлены, как минимум, четыре такие идеологии: эгалитарная и патриархатная (традиционная) [там же: 318], а также две неотрадиционалистские — неолиберального гендерного традиционализма и неогосударственнического традиционализма [Здравомыслова, Темкина, 2007: 207—208]. В литературе однозначного ответа на вопрос о том, какая из этих идеологий является господствующей, нет. Точно так же, как нет и однозначного ответа на вопрос, под влиянием какой из них сформировались гендерные представления современной студенческой молодежи — «обусловленные социальным контекстом понятия, взгляды, утверждения и объяснения относительно распределения ролей и статусных позиций мужчин и женщин в обществе» [Клецина, 2009: 317].

Основная задача предпринятого нами социологического исследования — выявление гендерных представлений современной студенческой молодежи, формирующихся в ситуации одновременного функционирования в обществе нескольких конкурирующих между собой гендерных идеологий, и их оценка

с точки зрения соответствия/несоответствия основным принципам традиционной и эгалитарной гендерных идеологий.

В качестве исходного принципа традиционной идеологии мы выделяем принцип предназначения, согласно которому предназначением женщин являются дом, семья и выполнение социальных ролей хранительницы домашнего очага, домашней хозяйки, матери и жены. Мужчинам же предназначены работа вне дома, поддержание связей между семьей и обществом и выполнение социальных ролей добытчика, защитника и общественного деятеля. Принцип предназначения мужчин и женщин дополняется принципами жесткой дифференциации их социальных ролей и доминирования мужчин в семье и в обществе.

При выделении основных принципов эгалитарной идеологии мы исходим из того, что в ее основе лежат идеи гендерного подхода, главной целью которого является установление равных возможностей для полной самореализации мужчин и женщин и достижение гендерного равенства. В соответствии с этим в качестве базовых принципов данной идеологии нами выделяются социальное конструирование гендерных статусов и ролей, взаимозаменяемость социальных ролей мужчин и женщин, паритет (равенство прав и возможностей) мужчин и женщин.

Гипотеза исследования: гендерные представления студентов характеризуются противоречивостью и гендерной асимметрией; взгляды девушек больше соответствуют основным принципам эгалитаризма, взгляды юношей — принципам традиционализма.

Методы исследования

Социологическое исследование «Гендерные представления студенческой молодежи» было проведено осенью 2015 г. на базе Дальневосточного федерального университета (ДВФУ) и Морского государственного университета им. адмирала Г. И. Невельского (МГУ им. адмирала Г. И. Невельского).

В качестве генеральной совокупности выступила вся студенческая молодежь г. Владивостока. Для определения объема выборочной совокупности был использован метод неслучайного квотного отбора, суть которого состоит в выборе определенных характеристик генеральной совокупности. В роли критериев разбивки на группы выступили пол, возраст и принадлежность к студенчеству. В итоге объем выборочной совокупности составили 200 респондентов: 100 девушек и 100 юношей в возрасте от 17 до 22 лет, обучающихся в ДВФУ и МГУ им. адмирала Г. И. Невельского (г. Владивосток).

Сбор данных осуществлялся с помощью индивидуального и группового анкетирования.

Для удобства обработки и интерпретации эмпирических данных вопросы, включенные в анкету, были разделены на 4 тематических блока: «Образы мужчины и женщины», «Гендерные отношения в политике», «Гендерные отношения в сфере труда», «Гендерные отношения в семейно-брачной сфере».

Обработка эмпирических данных осуществлялась при помощи методов группировки и типологизации данных, сравнения средних чисел, частотного анализа и анализа соответствий.

Результаты исследования

Тематический блок «Образы мужчины и женщины»

Первый вопрос этого блока был направлен на выявление представлений индивида о самом себе — его Я-концепции. Студентам было предложено расположить следующие Я-образы в порядке приоритетности, где 1 — самое важное, 5 — наименее важное: «Я — глава семьи», «Я — мужчина (женщина)», «Я — муж (жена)», «Я — отец (мать)», «Я — семьянин (хозяйка)». Как показали результаты анкетирования, 1-е место по сумме выборов в этой иерархии образов респонденты обоих полов отвели самооценке «Я — мужчина (женщина)»: на 1-е место его поставили 49 % юношей и 50 % девушек, на 2-е — 16 и 10 % соответственно.

В дальнейшем ранжировании Я-образов прослеживается гендерная асимметрия. У юношей 2-е место по сумме выборов занимает образ «Я — глава семьи»: на 1-е место его поставили 27 % респондентов и на 2-е — 30 %; 3-е место — образ «Я — отец» (12 и 21 %). Немного отстает образ «Я — муж» (11 и 21 %). Последнее место занимает образ «Я — семьянин» (10 и 7 %). Как наименее важный образ семьянина отметили 55 % юношей. У девушек 2-е место по сумме выборов занимает образ «Я — мать»: на 1-е место его поставили 20 % респонденток и на 2-е — 31 %. 3-е — «Я — жена» (9 и 28 %). 4-е — «Я — хозяйка» (14 и 22 %). Последнее место занимает образ «Я — глава семьи» (9 и 8 %). Как наименее важный образ главы семьи отметили 65 % девушек.

В целом ответы на этот вопрос вполне ожидаемы: для большинства юношей сохраняет свою значимость традиционная самоидентификация с главой семьи, для большинства девушек — с матерью. Интересно то, что для 33 % юношей приобретает значимость роль отца, даже немного опережающая значимость роли мужа (32 %), а 17 % юношей идентифицируют себя с семьянином, по сути дела — домохозяйном. Что же касается ответов девушек, то здесь привлекает внимание то, что для большинства из них роль матери (51 %) также более значима, чем роль жены (37 %), а 17 % девушек идентифицируют себя с главой семьи. Возможно, именно эти 17 % девушек (идентифицирующих себя прежде всего с главой семьи) и 17 % юношей (с семьянином) и являются носителями эгалитарной идеологии, ориентированными на взаимозаменяемость семейных ролей мужчин и женщин.

Ответы на следующие два вопроса отображают мнение студентов о том, должны ли мужчина и женщина ухаживать за собой, посещая салоны красоты, делая укладку волос, маникюр и т. п. Были проанализированы отдельно ответы девушек и юношей. Так, 49 % девушек уверены в том, что мужчина должен ухаживать за собой. Данный результат незначительно отличается от ответов юношей: положительно на предложенный вопрос ответили 47 % респондентов. Отрицательно на этот вопрос ответили 27 % девушек и 22 % юношей, выбрали ответ «Мне все равно» — 10 и 22 % соответственно, затруднились с ответом — 14 и 9 %.

На вопрос «Должна ли девушка ухаживать за собой?» 93 % юношей ответили положительно. У девушек доля положительных ответов равна 96 %. Отрицательных ответов на этот вопрос не было; только 4 % девушек и 7 % юношей ответили «Мне все равно».

Ответы на вопрос в отношении девушек вполне традиционны и прогнозируемы. Гораздо больший интерес вызывают ответы на вопрос в отношении юношей: с большой вероятностью можно сказать, что 49 % девушек и 47 % юношей ориентированы на образ мужчины нового типа — образ метросексуала, который рассматривается сегодня как альтернатива гегемонной маскулинности [Потехина, 2015].

Следующий вопрос был направлен на выявление представлений юношей и девушек об образах идеального мужчины/мужа и идеальной женщины/жены. Респондентам было предложено проанализировать следующие личностные характеристики: физическую силу, здоровье; отсутствие вредных привычек (алкоголизм, наркомания и т. п.); ум, интеллект; умение обеспечить материальный достаток; уверенность в себе; привлекательную внешность; сексуальность; чувство юмора; верность в любви; твердость характера; хозяйственность, практичность; любовь к детям; доброту; легкий характер, покладистость.

В ответах на данный вопрос наблюдается большой разброс мнений: ни одна из предложенных характеристик не получила абсолютного большинства (более 50) выборов. По мнению юношей, идеальный мужчина в первую очередь должен обладать таким качеством, как физическая сила, здоровье (25 выборов), затем по степени убывания идут умение обеспечить материальный достаток, уверенность в себе, привлекательная внешность (по 22), ум, интеллект (19). Меньше всего выборов пришлось на твердость характера (3). Девушки наделяют идеального мужчину такими личностными характеристиками, как ум, интеллект (27), физическая сила, здоровье (20), отсутствие вредных привычек (17), привлекательная внешность, верность в любви (по 16). Меньше всего выборов пришлось на хозяйственность, практичность (2).

Как видно, образы идеального мужчины, созданные юношами и девушками, отличаются друг от друга; объединяет их только одна общая черта — привлекательная внешность. Интересно и то, что такая высоко ценимая девушками черта идеального мужчины, как ум, интеллект, обладает гораздо меньшей значимостью в глазах юношей.

Образ идеального мужа, по мнению юношей, характеризуется следующими чертами: умением обеспечить материальный достаток (30 выборов), верностью в любви (19), отсутствием вредных привычек (16), физической силой, здоровьем, уверенностью в себе, хозяйственностью, практичностью, любовью к детям (по 13). По мнению девушек, идеальный муж должен обладать такими качествами, как верность в любви (28), умение обеспечить материальный достаток (22), ум, интеллект (20), физическая сила, здоровье, отсутствие вредных привычек (по 14).

Очевидно, что созданные юношами и девушками образы идеального мужа обладают гораздо большей схожестью: общими являются 4 характеристики. Однако если для юношей наиболее значимой чертой выступает умение обеспечить материальный достаток (затем идет верность в любви), то для девушек, наоборот, — верность в любви (затем идет умение обеспечить материальный достаток). Почему девушки лишают образ идеального мужа таких черт, как хозяйственность и практичность (3) и любовь к детям (5), а юноши снова обходят стороной такую черту, как ум, интеллект (9), непонятно.

Из ответов респондентов видно, что и у юношей, и у девушек образы идеального мужчины и идеального мужа не совпадают; обладают гендерной асимметрией (особенно это касается образа идеального мужчины); выходят за рамки традиционных (стереотипных) представлений о маскулинности.

Что же касается образа идеальной женщины, то, по мнению юношей, он должен включать в себя такие черты, как верность в любви (22 выбора), доброта (19), любовь к детям, отсутствие вредных привычек (по 17). По мнению девушек, для образа идеальной женщины значимы такие черты, как ум, интеллект (25), привлекательная внешность (23), отсутствие вредных привычек (20), затем идут получившие по 13 выборов сексуальность, уверенность в себе, верность в любви. Очевидно, что представления юношей и девушек об идеальной женщине характеризуются гендерной асимметрией. Образ идеальной женщины, созданный юношами, включает в себя традиционные фемининные характеристики (верность в любви, доброта, любовь к детям). Образ идеальной женщины, созданный девушками, выходит за рамки традиционных (стереотипных) представлений о фемининности и включает в себя такие черты, как ум, интеллект, сексуальность, уверенность в себе.

Идеальная жена, по мнению юношей, должна отличаться любовью к детям (27 выборов), добротой (23), отсутствием вредных привычек (19), верностью в любви, хозяйственностью, практичностью (по 16). По мнению девушек, идеальной жене должны быть присущи такие характеристики, как верность в любви (33), хозяйственность, практичность (по 17), отсутствие вредных привычек (16), любовь к детям (14). И в этом случае созданные респондентами образы идеальной жены обладают гендерной асимметрией. Молодые люди явно тяготеют к традиционным представлениям об идеальной жене. Представления девушек более рациональны и прагматичны (традиционная женская черта «любовь к детям» оценивается ими не слишком высоко).

Тематический блок «Гендерные отношения в политике»

На открытый вопрос «Каким, на Ваш взгляд, должен быть мужчина-политик?» были получены следующие ответы. По мнению девушек и юношей, мужчина-политик прежде всего должен быть умным, честным, уверенным в себе, ответственным, справедливым и объективным, харизматичным. Например: *«мужчина-политик должен не превозносить себя выше других, а должен ездить на велосипеде», «мужчина в политике должен иметь традиционный образ: твердый характер, справедливость, безэмоциональность, умение решать конфликтные ситуации», «мужчина-политик должен полностью отдаваться своей работе, быть готовым отвечать за свои действия», «должен быть умным, физически сильным, искренне любящим свою страну», «должен быть умным, начитанным, уверенным в себе, грамотным; должен уметь располагать к себе окружающих, хорошо знать законодательство РФ».* Отметим, что в ответах на данный вопрос мы не выявили гендерной асимметрии: и юноши, и девушки в большинстве случаев хотя и ориентировались на традиционный мужской образ, нередко дополняли его традиционными фемининными чертами (умение располагать к себе людей, улаживать конфликты и др.). В то же время никто из наших респондентов не говорил о таких традиционных маскулинных чертах, как агрессивность, доминирование, принуждение, сила.

На открытый вопрос «Какой, на Ваш взгляд, должна быть женщина-политик?» респонденты отвечали, что она прежде всего должна быть умной, независимой от своих эмоций, сильной, уверенной в себе, объективной и привлекательной. Например: *«женщина-политик должна быть достаточно сильной, чтобы выжить в коллективе с мужчинами, не реагировать на провокации; чтобы личная жизнь (дети) не касалась работы»*, *«женщина не должна быть политиком, но если представить образ, тогда это образ матери народа — Жанны д'Арк»*, *«женщина-политик должна быть доброй, но строгой, сохранять не только деловитость, но и женственность»*, *«должна быть хитрой, устойчивой, адаптивной, с привлекательной внешностью»*, *«у женщины-политика должна быть поставлена и выразительна речь, она должна быть целеустремленной, ответственной, надежной, харизматичной и привлекательной»*. Очевидно, что созданный нашими респондентами образ женщины-политика соединяет в себе маскулинные и фемининные черты. В ответах на данный вопрос мы также не выявили гендерной асимметрии. Отметим, что в отличие от мужчины-политика, по мнению респондентов, женщина-политик, помимо деловых качеств, должна иметь еще и привлекательную внешность.

Необходимо сказать, что 3 % девушек и 17 % юношей отметили, что женщина не способна быть политиком: *«не надо женщин-политиков»*, *«я против женщин в политике, их место на кухне»*, *«не понимаю женщин-политиков»*, *«не воспринимаю женщину в этой роли»*. Однако тот факт, что большая часть юношей (83 %) и девушек (97 %) допускают участие женщин в политике, еще не может рассматриваться как свидетельство преобладания в студенческой среде эгалитарных представлений. Как видно из приведенных выше ответов, нередко допускаются оговорки: *«женщина не должна быть политиком, но если представить образ...»*, *«...чтобы личная жизнь (дети) не касалась работы»*. В пользу нашего предположения говорит и ответ респондентов на следующий вопрос, а также их комментарии к нему.

На вопрос «Допускаете ли Вы, что президентом России может быть женщина?» 54 % девушек и 33 % юношей ответили положительно, 27 и 53 % соответственно — отрицательно, 19 и 14 % — затруднились с ответом.

То, что женщина не может быть президентом РФ, 28 % респондентов объясняют прежде всего эмоциональностью женщин, которая мешает им принимать важные политические решения. 30 % респондентов считают, что мужчины мудрее и стрессоустойчивее женщин, а некоторые указали на традиционную роль женщины как хранительницы домашнего очага: *«женщина должна хранить семейный очаг, а не варить “народную похлебку”»*. Также были даны следующие комментарии: *«женщиной управляют эмоции и нелогичность, необдуманность»*, *«женщины вспыльчивые и принимают необдуманные решения»*, *«править страной не так уж легко, у женщины бывают частые перепады настроения, а такие причины могут плохо повлиять на положение страны»*, *«Россия — очень большая страна, я думаю, женщине будет сложно справиться с большим объемом работы, учитывая, что функций у президента очень много»*, *«не привыкли видеть женщину президентом России»*.

Еще более проясняет ситуацию ответ на вопрос «Если бы от одной партии на выборы вышли две кандидатуры (мужчина и женщина), кого бы Вы

поддержали?». 43 % девушек и 52 % юношей ответили, что они поддержали бы мужчину. Женщину поддержали бы всего лишь 16 % девушек, а юношей, которые проголосовали бы за женщину, не оказалось вовсе. Однако 41 % девушек и 48 % юношей затруднились с ответом на этот вопрос. От общего числа опрошенных студентов 47,5 % поддержали бы мужчину, 8 % — женщину, а 44,5 % респондентов затруднились в ответе. С одной стороны, это говорит о неоднозначности гендерных представлений почти половины студентов (44,5 %), большую часть которой составляют юноши, с другой — о возможности изменения ситуации, как в пользу традиционализма, так и в пользу эгалитаризма.

Тематический блок «Гендерные отношения в сфере труда»

На вопрос «Необходимо ли разграничивать профессии на “мужские” и “женские”?» положительно ответили 49 % девушек и 66 % юношей. Остальные респонденты ответили отрицательно (51 и 34 % соответственно).

Ответ на данный вопрос было предложено прокомментировать всем участвующим в опросе студентам. Так, по мнению респондентов, давших положительный ответ, делить профессии на «мужские» и «женские» следует в силу различия физической силы полов и их предрасположенности к различным видам труда. Например: *«есть профессии, где необходима физическая сила, а исторически сложилось, что физическим трудом должен заниматься мужчина», «считаю, что нужно, так как некоторые профессии пагубно влияют на женское здоровье или же искажают мужскую личность», «необходимо делить, так как не с любой работой женщина может справиться (например, шахтер). В некоторых видах деятельности женщина теряет свою женственность, а мужчина — мужественность», «умственно-физические качества женщин и мужчин все же различаются».*

Респонденты, которые считают, что делить профессии на «мужские» и «женские» нет необходимости, объясняют это существованием в современном обществе равноправия мужчин и женщин в сфере труда и индивидуальным выбором профессии. Например: *«профессия — индивидуальное дело каждого, и неважно, кто ты — женщина или мужчина», «люди бывают разные: мужчины слабые, женщины сильные», «не нужно разграничивать, так как должно быть равенство в правах», «прогресс достиг того уровня, что при выполнении какой-либо работы от рабочего не требуются выдающиеся физические данные».*

На вопрос «Как Вы думаете, способна ли женщина занимать руководящие посты?» 96 % девушек и 75 % юношей ответили положительно. Необходимо отметить, что отрицательно ответили только юноши (8 %), а девушек, считающих, что женщина не способна руководить, среди респондентов не нашлось. Затруднились с ответом 4 % девушек и 17 % юношей. Возможно, ответы на данный вопрос и свидетельствуют об эгалитарном характере гендерных представлений большинства респондентов, но экстраполировать этот вывод на другие их представления о гендерных отношениях в сфере труда нельзя. И ответы на вопрос о необходимости деления профессий на «мужские» и «женские» тому подтверждение.

Следующие два вопроса являют собой своеобразный переход к последнему тематическому блоку, касающемуся гендерных представлений студентов

об отношениях в семейно-брачной сфере. Оба вопроса связаны с проблемой совмещения женщиной семейных и профессиональных ролей.

Первый — «Может ли женщина заниматься работой и домом без ущерба для какого-либо из занятий?». На него положительно ответили 70 % девушек и 65 % юношей, отрицательно — 22 и 21 % соответственно, затруднились с ответом — 8 и 14 %. Ответ на этот вопрос характеризуется явной гендерной симметрией. Вероятно, он продиктован осмыслением жизненного опыта родительской семьи с работающей матерью.

Второй — «Должен ли муж брать на себя большую часть заботы о доме, если жена имеет перспективы роста по службе?». Положительно ответили 48 % девушек и 35 % юношей, отрицательно — 30 и 33 % соответственно, затруднились с ответом — 22 и 32 %. Вероятно, к взаимозаменяемости ролей мужчин и женщин в семье современная студенческая молодежь еще не готова. Судя по отрицательным ответам, не только молодые люди не готовы взять на себя большую часть обязанностей по дому, но и девушки не готовы от них отказаться. Однако существование тех, кто затруднился с ответом, свидетельствует о том, что ситуация может развиваться как в сторону традиционных отношений в семье, так и в сторону эгалитарных.

Тематический блок «Гендерные отношения в семейно-брачной сфере»

На вопрос «Кто должен быть главой семьи?» были получены следующие ответы. 63 % девушек считают, что главой семьи должен быть мужчина, тогда как у юношей этот показатель равен 75 %. На равноправие в семье указали 31 % девушек и 35 % юношей. Женщину как главу семьи рассматривают только 2 % юношей и 6 % девушек. Напомним, что при ответе на 1-й вопрос анкеты 17 % девушек идентифицировали себя с образом «Я — глава семьи». Данный факт может свидетельствовать о противоречивости гендерных представлений девушек. Но в целом в ответах на этот вопрос прослеживается преобладание традиционных представлений о распределении семейных ролей.

На вопрос «Готовы ли Вы отказаться от работы вне дома?» ответы распределились следующим образом. Положительно ответили 40 % девушек и 46 % юношей, отрицательно — 51 и 42 % соответственно. Остальные 9 % девушек и 12 % юношей дали свои ответы. Девушки в основном ссылались на то, что решение будет зависеть от обстоятельств и содержания работы; юноши, кроме указания на обстоятельства, говорили о состоянии экономики и количестве детей в семье («готов, если будет 4 и более детей»). Однако готовность молодых людей к отказу от работы вне дома вряд ли означает, что они готовы взять на себя домашние обязанности, скорее всего, в большинстве случаев речь идет о профессиональной работе в режиме дистанционной занятости. Точно так же неизвестно, чем намерены заниматься девушки, отказавшись от работы вне дома: ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей или тоже работой в режиме дистанционной занятости. Полученные данные весьма интересны и требуют дальнейшего исследования.

На вопрос «Готовы ли Вы взять на себя ответственность по защите и материальному обеспечению семьи?» 96 % юношей ответили положительно, 47 % девушек — отрицательно. Ответы косвенно подтверждают наше предположение,

что юноши, отказавшись от работы вне дома, все же не намерены заниматься ведением домашнего хозяйства. Важно отметить и то, что доля положительно ответивших на этот вопрос девушек равна 42 %. Такой ответ явно выходит за рамки традиционных представлений о женском предназначении и может свидетельствовать о распространении среди девушек-студенток эгалитарных взглядов.

На вопрос «Должны ли семейные обязанности делиться на “мужские” и “женские”?» 58 % юношей и 45 % девушек ответили положительно, 29 и 41 % соответственно — отрицательно. Отрицательные ответы и могут свидетельствовать о распространении эгалитарных взглядов среди студенческой молодежи.

13 % юношей и 14 % девушек дали, к примеру, следующие комментарии: *«обязанности должны делиться, но в то же время они должны быть переходящими, в зависимости от обстоятельств», «иногда можно делать что-то без соглашения, просто иногда помогать друг другу», «жестких рамок не должно быть. Деление должно происходить не по принципу “мужское — женское”, а по принципу, что кому привычнее и удобнее делать ежедневно и, в частности, в определенной ситуации», «зависит от предпочтения пары».*

Иными словами, 42 % юношей и 55 % девушек считают, что семейные обязанности не должны делиться на «мужские» и «женские»: по сути дела, мужские и женские семейные роли должны быть взаимозаменяемыми. Данная позиция может быть определена как эгалитарная.

О распространении среди студенческой молодежи эгалитарных представлений об отношениях в семейно-брачной сфере свидетельствуют и ответы на вопрос «Самые важные решения в семье должен принимать мужчина?». Положительно ответили 12 % девушек и 28 % юношей, отрицательно — 7 и 3 % соответственно. Большая же часть респондентов — 63 % девушек и 60 % юношей — предпочли ответ «в зависимости от ситуации».

Выводы

Таким образом, выдвинутая гипотеза полностью подтвердилась результатами исследования. Гендерные представления современной студенческой молодежи соединяют в себе традиционные и эгалитарные взгляды, утверждения и объяснения относительно распределения ролей и статусных позиций мужчин и женщин в политической, трудовой и семейно-брачной сферах. Наибольшее распространение традиционные гендерные представления, а также гендерные стереотипы и предубеждения получили в ответах на вопросы, касающиеся политической сферы. Подтвердилось и предположение о гендерной асимметрии: представления девушек-студенток менее подвержены влиянию традиционной идеологии, чем представления юношей-студентов. Дальнейшее развитие ситуации, сложившейся в России, во многом зависит от того, какую позицию займут молодые люди, которые испытывали затруднения, отвечая на поставленные вопросы (а таких среди студентов оказалось немало).

Библиографический список

- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Неотрадиционализм(ы) — трансформация гендерного гражданства в современной России // Российский гендерный порядок: социологический подход / под ред. Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 201—212.
- Клецина И. С. Гендерная компетентность личности // Гендерная психология / под ред. И. С. Клециной. СПб.: Питер, 2009. С. 316—339.
- Потехина Е. А. Модель «мужчина нового типа — метросексуал» как альтернатива гегемонной маскулинности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 2, № 4. С. 77—85.

References

- Kletsina, I. S. (2009) Gendernaia kompetentnost' lichnosti [Gender competence of the person], in: Kletsina, I. (ed.) *Gendernaya psikhologiya* [Gender psychology], St. Petersburg: Peter, pp. 316—339.
- Potekhina, E. A. (2015) Model' "muzhchina novogo tipa — metroseksual" kak al'ternativa gegemonnoi maskulinosti [Model "a new type of man-metrosexual" as an alternative to hegemonic masculinity], *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina*, vol. 2, no. 4, pp. 77—85.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2007) Neotraditsionalizm(y) — transformatsiia gendernogo grazhdanstva v sovremennoi Rossii [Neotraditsionalizm(s) — the transformation of gender citizenship in modern Russia], in: Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (eds), *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod* [Russian gender order: a sociological approach], St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 201—212.

Статья поступила 22.07.2016 г.

**ЖЕНЩИНА В СЕМЬЕ:
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ
В РОССИЙСКИХ СМИ ДО И ПОСЛЕ 2006 г.**

Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 64—74

Представлены результаты анализа публикаций шести государственных и негосударственных СМИ о семье за два периода: 2000—2006 и 2007—2015 гг. Отмечается, что издания обоих типов изменили информационные материалы после «пронаталистского поворота» в государственной семейной политике. Рассматривается репрезентация роли женщины в публикациях, посвященных семье. Доминирующая тема биополитки, и в частности суррогатного материнства, стоит обособленно в тематической структуре, а женщина представляется как часть трех измерений семьи в России: ее внутреннего климата, внешних контактов и общественно-политического обсуждения важности семьи в свете решения демографической проблемы.

Ключевые слова: СМИ, семейная политика, женщина в семье, пронатализм.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.6

**N. V. Kim. Woman in the family: family policy representation
in Russian media before and after 2006**

It is no secret that mass media has an extremely powerful impact on the implementation of family policy. And it is often noted that images of women play a considerable role in the implementation of family policy objectives through the media. However, most researchers consider the image of women and mothers in the context of its influence on the communicative messages recipient in the media and do not consider how the media themselves change their information product under the external influence of the state family policy. This article presents the results of the thematic content analysis of 723 media publications devoted to issues related to the family, published between 2000 and 2015 in six Russian newspapers, divided into two groups: state-owned and private, representing different political orientation. The mathematical processing of the

---

© Ким Н. В., 2017

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ «Семейная политика и особенности конструирования нормативной модели семейных отношений в российских государственных и негосударственных печатных СМИ» (грант № 16-03-00399).

Ким Наталья Викторовна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры маркетинга, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия, natalia.kim1987@mail.ru (Cand. Sc., Assistant Professor at the Department of Marketing, the National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia).

data gathered by the content analysis was performed using Fisher's angular transformation (to evaluate differences in proportion of each of the topics in the general thematic structure of state and private media publications for the two periods of 2000—2006 and 2007—2015) and Spearman's rank correlation coefficient to explore the relations between topics in the media publications about the family. Both state and private Russian media after 2006 convey normative family model, designed to solve the demographic problem and increase fertility. Questions of biopolitics and adoption, having many children began to take a larger share in the publication thematic structure of media of both types. Woman as the main object of pro-natalist family policy is presented in the media in relation to three aspects: the inner world of family, in the interaction with the community and as part of the state and public perceptions of the family. According to the author this discussion of the economic aspects of the family's existence has no significant weight and does not support political discourse about the financial problems as the main reason of women failure to have children.

Key words: mass media, family policy, woman in the family, pronatalism.

Введение

Семейная политика в постсоветской России формировалась в контексте не только радикальных экономических изменений, но и либерализации гендерных отношений. Исключительно важное место женщины в семье по-прежнему находится в центре внимания разработчиков концепции. В риторике современных официальных документов, как и в советский период, главное внимание уделяется женщинам-матерям и детям [Чернова, 2007, 2010].

Если в 1990-х гг. семейная политика была направлена на создание благоприятных условий для совмещения женщинами профессиональных и материнской ролей, достижение гендерного равенства не только в публичной, но и приватной сфере (семья и родительство), то в начале 2000-х обсуждение семейной политики пронизано алармистскими настроениями, связанными с демографической ситуацией, кризисным состоянием семьи и разрушением традиционных ролей мужчины и женщины. Поворотный 2006 г. вновь вернул тему о важности традиционной роли женщины в семье, при этом политический дискурс строился вокруг личного звучания демографической проблемы — материальных обстоятельств женщины, определяющих наличие второго и последующих детей в семье.

Не секрет, что СМИ являются исключительно мощным инструментом воздействия для реализации семейной политики. Причем зачастую отмечается, что женские образы при осуществлении ее целей через СМИ играют первостепенную роль.

Большинство исследователей как за рубежом, так и в России указывают на стереотипность репрезентации образа женщины в СМИ, доминирование мужских образов на экране и в печати (см., напр.: [Gallagher, 1979; Adnan, 1987; Kallis, Neuendorf, 1989; Busby, 1975; Durkin, 1985; Basow, 1992; Ажгихина, 2000; Воронина, 1998; Здравомыслова, Кигаи, 2002; Мищенко, 2014]). При этом отмечается, что женщина в основном представлена в рамках узкого социального контекста межличностных отношений, главным образом в аспекте замужества и родительства. Родительская роль чаще ассоциируется с женским образом,

чем мужским, в американских СМИ [Ceulemans, Fauconnier, 1979], в СМИ Канады женщины чаще представляются женами и матерями, нежели мужчины мужьями и отцами [O'Bryan, Raices, 1976]. В российских СМИ эта тенденция также просматривается: самым распространенным является образ женщины-матери (около 33 % всей образной системы) [Соколова, 2011].

Исследователи отмечают, что во всем мире последние десятилетия характеризуются большим интересом со стороны СМИ к проблемам деторождения и роли матери, например через реалити-шоу о беременности и родах [Morris, McInerney, 2010; Sears, Godderis, 2010], и что СМИ выступают важным источником получения знаний о рождении и материнской роли [Van de Vusse A., Van de Vusse L., 2008]. При этом, согласно некоторым данным, женщины более активно ищут информацию по теме материнства именно в СМИ [Bernhardt, Felter, 2004] и действительно полагаются на них в данных вопросах [Handfield et al., 2006; Listening to Mothers II]. В то же время ученые особо выделяют период второй половины 90-х гг. XX в. как поворот в репрезентации образа матери, совмещающей семейную жизнь и работу [England, Su Li, 2006; Hegewisch et al., 2010; Bianchi et al., 2006; Thornton, Young-DeMarco, 2001].

Большинство исследователей рассматривают образ женщины-матери в контексте его влияния на адресата коммуникативного сообщения в СМИ и не затрагивают вопроса о том, как сами СМИ изменяют свой информационный продукт под внешним воздействием государственной семейной политики.

Организация эмпирического исследования

В рамках представленного исследования предпринята попытка реконструировать «нормативные модели» семейных отношений, воссоздаваемые на страницах шести российских государственных и негосударственных СМИ с 2000 по 2015 г. под влиянием изменений семейной политики в стране. При этом рубежом годом для анализа изменений «нормативной модели» семейных отношений является 2006-й, когда семейную политику в Российской Федерации аналитики стали считать пронаталистской, направленной на решение демографических проблем. Ориентация государственной семейной политики на решение демографических проблем и увеличение рождаемости предполагает выделение женщины как основного объекта этой политики. В работе определяется, действительно ли темы, связанные с ролью женщины в семье, составляют центральное содержание коммуникативной активности СМИ, реализующих современную семейную политику в России, в частности устанавливающих место женщины в семейных отношениях, характер ее взаимодействия с другими членами семьи и материнские функции. Результаты исследования рассматриваются в аспекте «пронаталистского поворота».

Проведен тематический контент-анализ 723 публикаций (2000—2015 гг.), посвященных вопросам, связанным с семьей, в шести российских СМИ, которые разделены нами на две группы: государственные («Российская газета») и негосударственные, представляющие различную политическую ориентацию («Коммерсант», «Аргументы и факты», «РБК», «Газета.Ру», «Новая газета»).

Анализ результатов

Математическая обработка данных, полученных в процессе контент-анализа, была проведена с помощью углового преобразования Фишера для оценки различий в долях, занимаемых каждой из тем в общей тематической структуре публикаций государственных и негосударственных СМИ за два периода: 2000—2006 и 2007—2015 гг., и коэффициента ранговой корреляции Спирмена для изучения связей тематик в статьях о семье.

При анализе публикаций было выявлено, что в обоих типах изданий тематики, связанные с ролью женщины в семье, изменили свое положение в тематической структуре после «пронаталистского поворота».

Так, при рассмотрении процентных долей тематик, касающихся семьи, в публикациях «Российской газеты» за 2000—2006 и 2007—2015 гг. были получены значимые различия по ряду тематик, связанных именно с темой «Женщина в семье»: большие доли стало занимать обсуждение биополитики (и суррогатного материнства как основной составляющей этой темы), аборт, усыновления детей, многодетности, отношений супругов в семье. При этом доли тематик, связанных с ролью женщины в семье, жизнью супругов до брака и вне его, а также заключением брака, снизились (табл. 1).

Анализ негосударственных СМИ показал, что практически все те же тематики претерпели изменения после 2006 г. Большую долю в тематической структуре публикаций негосударственных СМИ стали занимать вопросы биополитики и усыновления, незначительно увеличились доли тематик, связанных с многодетностью. Снизились доли тематик, посвященных обсуждению роли женщины в семье и жизни супругов до и вне брака. При этом в негосударственных СМИ так же значительно уменьшились доли тематик, касающихся одной из так называемых женских функций в семье — воспитания детей (табл. 2).

Примечательно, что если в государственных СМИ доля тематики, посвященной роли мужчины в семье, снизилась незначительно после «пронаталистского поворота», то в негосударственных СМИ после 2006 г. она уменьшилась в два раза.

Обсуждение экономических аспектов жизни семьи, которые, по мнению разработчиков новой государственной семейной политики, являются основной причиной отказа от рождения второго и последующих детей, практически не изменилось как в государственных, так и в негосударственных СМИ.

При анализе результатов корреляционного анализа были обнаружены статистически значимые связи темы «Женщина в семье» с подавляющим большинством тем, включенных в исследование (табл. 3), что позволяет определить ее как центральный элемент репрезентации темы семьи в российских СМИ.

Были обнаружены статистически значимые положительные корреляции темы «Женщина в семье», с одной стороны, с темами, касающимися внутреннего семейного устройства: «Супруги в семье», «Брак», «Мужчина в семье», «Взаимодействие родителей и детей», «Воспитательные практики», «События в жизни семьи», «Сложности в семейной жизни», с другой — с темами, репрезентирующими существование семьи в социальном пространстве: «Семья и Другие», «Разводы и их последствия», «Жизнь до брака и вне брака», «Экономические аспекты семейной жизни». Кроме этого, выявлены статистически значимые корреляции с такими темами, как «Альтернативные варианты семейной политики», «Важность семьи для общества», «Современные люди», «Статистика и демография».

Таблица 1

Содержание текстов государственных СМИ,
посвященных теме семьи (2000—2015 гг.)

Категория анализа	Количество упоминаний в текстах (N = 120)				Значение критерия ϕ Фишера
	2000—2006 гг. (n = 53)		2007—2015 гг. (n = 67)		
	Единицы	%	Единицы	%	
Аборты и детоубийства	3	0,24	10	0,68	1,74*
Альтернативные варианты семейной политики	22	1,75	5	0,34	3,76**
Брак	80	6,37	42	2,87	4,44**
Важность семьи для общества	4	0,32	24	1,64	3,66**
Взаимоотношения родителей и детей	74	5,89	89	6,08	0,10
Влияние государства	69	5,49	150	10,24	4,51**
Влияние СМИ и массовой культуры на семью	28	2,23	44	3,00	1,30
Вопросы усыновления	41	3,26	116	7,92	5,45**
Воспитательные практики	92	7,32	98	6,69	0,70
Вся биополитика, включая суррогатное материнство	10	0,80	35	2,39	3,24**
Женщина в семье	99	7,88	57	3,89	4,51**
Жизнь до барака и вне брака	41	3,26	23	1,57	2,80**
Законодательное регулирование семьи в РФ	42	3,34	76	5,19	2,49**
Отказ родителей от детей (оставление в роддоме, бебибоксах и др.)	27	2,15	40	2,73	1,01
Многодетность	28	2,23	52	3,55	2,02*
Мужчина в семье	88	7,01	90	6,14	0,96
Разводы и их последствия	47	3,74	60	4,10	0,54
Разное	70	5,57	51	3,48	2,65**
Родственники:					
бабушки и дедушки	16	1,27	22	1,50	0,67
дальние родственники	15	1,19	5	0,34	2,67**
Семья и Другие	77	6,13	44	3,00	3,92**
Семья и религия	8	0,64	11	0,75	0,34
Сложности в семейной жизни	35	2,79	38	2,59	0,31
События в жизни семьи	35	2,79	21	1,43	2,41**
Современные люди	10	0,80	10	0,68	0,36
Современные тенденции в области семейного устройства	20	1,59	17	1,16	0,93
Статистика и демография	29	2,31	66	4,51	3,22**
Супруги в семье	53	4,22	21	1,43	4,57**
Экономические аспекты семейной жизни	84	6,69	122	8,33	1,56
Экспертное мнение	9	0,72	26	1,77	2,39**

* $p \leq 0,05$.** $p \leq 0,01$.

Таблица 2

Содержание текстов негосударственных СМИ,
посвященных теме семьи (2000—2015 гг.)

Категория анализа	Количество упоминаний в текстах (N = 604)				Значение критерия ϕ Фишера
	2000—2006 гг. (n = 263)		2007—2015 гг. (n = 341)		
	Единицы	%	Единицы	%	
Аборты и детоубийства	37	1,08	53	1,09	0
Альтернативные варианты семейной политики	55	1,60	58	1,20	1,52
Брак	84	2,45	107	2,21	0,58
Важность семьи для общества	31	0,90	37	0,76	0,67
Взаимоотношения родителей и детей	277	8,07	420	8,67	0,94
Влияние государства	168	4,90	344	7,10	4,16**
Влияние СМИ и массовой культуры на семью	109	3,18	77	1,59	4,48**
Вопросы усыновления	77	2,24	176	3,63	3,76**
Воспитательные практики	164	4,78	162	3,35	3,45**
Вся биополитика, включая суррогатное материнство	37	1,08	90	1,86	2,64**
Женщина в семье	212	6,18	184	3,80	4,79**
Жизнь до барака и вне брака	111	3,23	98	2,02	3,40**
Законодательное регулирование семьи в РФ	48	1,40	94	1,94	1,79*
Отказ родителей от детей (оставление в роддоме, бебибоксах и др.)	18	0,52	29	0,60	0,49
Многодетность	28	0,82	78	1,61	3,22
Мужчина в семье	186	5,42	121	2,50	6,76**
Разводы и их последствия	79	2,30	105	2,17	0,26
Разное	184	5,36	475	9,81	7,70**
Родственники:					
бабушки и дедушки	70	2,04	112	2,31	0,89
дальние родственники	58	1,69	78	1,61	0,35
Семья и Другие	167	4,87	193	3,99	1,97*
Семья и религия	38	1,11	77	1,59	1,97*
Сложности в семейной жизни	143	4,17	198	4,09	0,22
События в жизни семьи	211	6,15	207	4,28	3,85**
Современные люди	99	2,88	100	2,07	2,33**
Современные тенденции в области семейного устройства	26	0,76	43	0,89	0,58
Статистика и демография	103	3,00	158	3,26	0,53
Супруги в семье	177	5,16	226	4,67	1,07
Экономические аспекты семейной жизни	179	5,22	280	5,78	0,98
Экспертное мнение	256	7,46	462	9,54	3,04**

* $p \leq 0,05$.

** $p \leq 0,01$.

Таблица 3

Корреляция темы «Женщина в семье» с остальными темами публикаций

Категория анализа	Коэффициент корреляции Спирмена		
	Вся выборка	Публикации 2000—2006 гг.	Публикации 2006—2015 гг.
Аборты и детоубийства	-0,014	-0,101	0,059
Альтернативные варианты семейной политики	0,172**	-0,025	0,093
Брак	0,287**	0,238**	0,106*
Важность семьи для общества	0,097**	-0,009	0,143**
Взаимоотношения родителей и детей	0,100**	0,187**	0,164**
Влияние государства	0,044	-0,031	0,020
Влияние СМИ и массовой культуры на семью	0,029	0,075	0,034
Вопросы усыновления	0,045	0,120*	0,028
Воспитательные практики	0,119**	0,181**	0,188**
Вся биополитика, включая суррогатное материнство	-0,013	-0,133*	0,053
Жизнь до барака и вне брака	0,215**	0,261**	0,234**
Законодательное регулирование семьи в РФ	0,057	0,129*	0,013
Отказ родителей от детей (оставление в роддоме, бебибоксах и др.)	0,044	0,118*	0,067
Многодетность	0,071	0,041	0,205**
Мужчина в семье	0,519**	0,519**	0,391**
Разводы и их последствия	0,253**	0,257**	0,141**
Разное	0,063	0,036	0,077
Родственники: бабушки и дедушки	0,040	0,044	0,102*
дальние родственники	0,015	0,009	0,031
Семья и Другие	0,110**	0,153**	0,114*
Семья и религия	0,024	-0,005	0,082
Сложности в семейной жизни	0,229**	0,188**	0,289**
События в жизни семьи	0,171**	0,173**	0,202**
Современные люди	0,228**	0,159**	0,115*
Современные тенденции в области семейного устройства	0,224**	0,122*	0,049
Статистика и демография	0,093*	-0,020	0,146**
Супруги в семье	0,346**	0,378**	0,261**
Экономические аспекты семейной жизни	0,138**	0,186**	0,107*
Экспертное мнение	0,025	-0,026	0,046

* $p \leq 0,05$.** $p \leq 0,01$.

Таким образом, российские СМИ изображают женщину с трех сторон: как стержень внутренних семейных процессов (она объединяет все происходящее внутри семьи, в приватном семейном пространстве), как лицо, представляющее семью в обществе (связана с теми аспектами семейной жизни, которые соприкасаются с внешним миром), и как часть журналистского дискурса о российской семейной политике (в контексте тем, демонстрирующих важность семьи для государства и общества).

Если говорить о «пронаталистском повороте» в семейной политике начиная с 2007 г., то можно отметить, что усилилась связь темы «Женщина в семье» с такими темами, как «Важность семьи для общества», «Многодетность», «Родственники: бабушки и дедушки», «Статистика и демография»: корреляции с этими темами стали статистически значимыми, а вот корреляции с темами «Вопросы усыновления», «Законодательное регулирование семьи в РФ», «Отказ родителей от детей» и «Современные тенденции в области семейного устройства», наоборот, утратили свою значимость. Изменение данных связей подтверждает общую тенденцию ориентации на традиционную семью и увеличение рождаемости в российской семейной политике после 2006 г.

Примечательно, что тема «Женщина в семье» не связана с темой аборт и детоубийств, оставления родителями детей. С одной стороны, это объясняется характером изданий, включенных в исследование: они относятся к качественной и массовой прессе, ориентированной на позитивное представление семьи на своих страницах, а с другой — тем, что государственные инициативы, выраженные в концепциях и проектах семейной политики и касающиеся указанных аспектов, появились достаточно поздно — после 2012 г. [Печерская, 2013]. Тема биополитики также не связана с темой женской роли в семье в целом. Несмотря на то что в публикациях 2000—2006 гг. была отмечена значимая отрицательная корреляция этих двух тем, в публикациях после «пронаталистского поворота» связь не обнаружена. Вероятно, тема биополитики является отдельной, особо выделяемой СМИ темой при репрезентации российской семейной политики.

Подводя итоги анализа тем, касающихся роли женщины в семье, можно отметить, что как государственные, так и негосударственные российские СМИ после 2006 г. транслируют нормативную модель семьи, призванную решить демографические проблемы и проблему увеличения рождаемости. При этом женщина как основной объект пронаталистской семейной политики представляется в СМИ в связи с тремя аспектами: внутренним миром семьи, взаимодействием с обществом и в качестве части государственно-общественных представлений о семье. В то же время обсуждение экономических аспектов существования семьи не имеет значительного веса и не поддерживает политический дискурс о материальных проблемах как основной причине отказа женщины от рождения детей. Тема биополитики, являясь достаточно самостоятельной и весомой темой при репрезентации нормативной модели семьи, вынесена за рамки дискурса о роли женщины в ней. Очевидно, это объясняется тем, что данная тема выступает для читателей специфическим информационным ресурсом. Дальнейшее изменение государственной политики в последние годы, большее внимание комплексному развитию семьи, и в том числе роли женщины в ней, не отражено в данном исследовании, что обуславливает необходимость дальнейшего изучения указанной темы.

Библиографический список

- Ажгихина Н. И.* Гендерные стереотипы в массмедиа // Гендерные исследования. 2000. № 5. С. 261—273.
- Воронина О. А.* Гендерная экспертиза законодательства РФ о средствах массовой информации. М.: МЦГИ, 1998. 152 с.
- Здравомыслова О., Кигаї Н.* Женская тема в средствах массовой информации. М.: Ассоц. журналисток, 2002. 152 с.
- Мищенко В. А.* Образ семьи в средствах массовой информации // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 137—141.
- Печерская Н. В.* Перспективы российской семейной политики: принуждение к традиции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 4. С. 94—105.
- Соколова Е. А.* Репрезентация образа матери в местной прессе // Наука и современность. 2011. № 9-1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-obraza-materi-v-mestnoy-pressе> (дата обращения: 31.08.2016).
- Чернова Ж.* Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания // Российский гендерный порядок: социологический подход: коллективная монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. С. 138—168.
- Чернова Ж.* «Демографический резерв»: молодая семья как объект государственной политики // Женщина в российском обществе. 2010. № 1. С. 23—42; № 2. С. 26—38.
- Adnan M. H.* Women and the media in Malaysia // Media Asia. 1987. № 14 (4). P. 194—203.
- Basow S. A.* Gender Stereotypes and Roles. 3rd ed. Pacific Grove (CA): Brooks/Cole Publishing Company, 1992. 400 p.
- Bernhardt J., Felter E.* Online pediatric information seeking among mothers of young children: results from a qualitative study using focus groups // Journal of Medical Internet Research. 2004. Vol. 6, № 1. URL: <https://www.jmir.org/2004/1/e7/> (дата обращения: 01.02.2016).
- Bianchi S., Robinson J. P., Milkie M.* Changing Rhythms of American Family Life. New York: Russell Sage Foundation, 2006. 272 p.
- Busby L. J.* Sex role research on the mass media // Journals of Communication. 1975. № 25. P. 107—131.
- Ceulemans M., Fauconnier G.* Mass Media: the Image, Role, and Social Conditions of Women: a Collective and Analysis of Research Materials. Paris: UNESCO, 1979. 80 p.
- Durkin K.* Television, Sex Roles and Children. Milton Keynes: Open University Press, 1985. 148 p.
- England P., Su Li.* Desegregation stalled: the changing gender composition of College Majors, 1971—2002 // Gender & Society. 2006. № 20. P. 657—677.
- Gallagher M.* The Portrayal and Participation of Women in the Media. Paris: UNESCO: Mimeographed, 1979. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0003/000372/037267EB.pdf> (дата обращения: 30.08.2016).
- Handfield B., Turnbull S., Bell R. J.* What do obstetricians think about media influences on their patients? // Australian and New Zealand Journal of Obstetrics and Gynaecology. 2006. № 46. P. 379—383.
- Hegewisch A., Liepmann H., Hayes J., Hartmann H.* Separate and Not Equal?: Gender Segregation in the Labor Market and the Gender Wage Gap: Briefing Paper. Washington (DC): Institute for Women's Policy Research, 2010. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwjLtK2u1e7QAULDSwKHTWBAggQFggcMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.iwpr.org%2Fpublications%2Fpubs%2Fseparate-and-not-equal-gender-segregation-in-the-labor-market-and-the-gender-wage-gap%2Fat_download%2Ffile&usg=AFQjCNH5LvFDCQmhdFR8IgvFG3lgxvnlQA&sig2=8P8epEqpGGbwXzAkryo8UQ&cad=rjt (дата обращения: 30.08.2016).

- Kalis P., Neuendorf K. A. Aggressive cue prominence and gender participation in MTV // *Journalism Quarterly*. 1989. № 66 (1). P. 148—154.
- Listening to Mothers II: Report of the Second National U.S. Survey of Women's Childbearing Experiences. Childbirth Connection. URL: http://www.childbirthconnection.org/pdfs/LTMI_report.pdf (дата обращения: 31.08.2016).
- Morris T., McInerney K. Media representations of pregnancy and childbirth: an analysis of reality television programs in the United States // *Birth: Issues in Perinatal Care*. 2010. № 37 (2). P. 134—140.
- O'Bryan K., Raices M. Male and Female Roles in OECA Programming: a Research Study Report. Ontario: Ontario Educational Communications Authority, 1976. 64 p.
- Sears C., Godderis R. Roar like a tiger on TV?: Constructions of women and childbirth in reality TV // *Feminist Media Studies*. 2010. № 11 (2). P. 181—195.
- Thornton A., Young-DeMarco L. Four decades of trends in attitudes towards family issues in the United States, the 1960s through the 1990s // *Journal of Marriage and Family*. 2001. № 63. P. 1009—1037.
- Van de Vusse A., Van de Vusse L. Reality television as a source of information about birth: the messages and their implications // *Journal of Midwifery and Women's Health*. 2008. № 53 (5). P. 482—482.

References

- Adnan, M. H. (1987) Women and the media in Malaysia, *Media Asia*, no. 14 (4), pp.194—203.
- Azhgikhina, N. I. (2000) Gendernye stereotipy v massmedia [Gender stereotypes in the massmedia], *Gendernye issledovaniia*, no. 5, pp. 261—273.
- Basow, S. A. (1992) *Gender Stereotypes and Roles*, 3rd ed., Pacific Grove, CA: Brooks/Cole Publishing Company.
- Bernhardt, J., Felter, E. (2004) Online pediatric information seeking among mothers of young children: Results from a qualitative study using focus groups, *Journal of Medical Internet Research*, vol. 6, no. 1, available from <https://www.jmir.org/2004/1/e7/> (accessed 01.02.2016).
- Bianchi, S., Robinson, J. P., Milkie, M. (2006) *Changing Rhythms of American Family Life*, New York: Russell Sage Foundation.
- Busby, L. J. (1975) Sex role research on the mass media, *Journals of Communication*, no. 25, pp. 107—131.
- Ceulemans, M., Fauconnier, G. (1979) *Mass Media: the Image, Role, and Social Conditions of Women: A Collective and Analysis of Research Materials*, Paris: UNESCO.
- Chernova, Zh. (2007) Model' "sovetskogo" otsovstva: diskursivnye predpisaniiia [Soviet fatherhood model: discourse injunctions], in: Zdravomyslova, E., Temkina, A. (eds), *Rossiiskii gendernyi poriadok: sotsiologicheskii podkhod*, St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo Universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 138—168.
- Chernova, Zh. (2010) "Demograficheskii rezerv": molodaia sem'ia kak ob'ekt gosudarstvennoi politiki [Demographical reserve: young family as an object of state policy], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 23—42, no. 2, pp. 26—38.
- Durkin, K. (1985) *Television, Sex Roles and Children*, Milton Keynes: Open University Press.
- England, P., Su Li (2006) Desegregation stalled: the changing gender composition of College Majors, 1971—2002, *Gender & Society*, no. 20, pp. 657—677.
- Gallagher, M. (1979) *The Portrayal and Participation of Women in the Media*, Paris: UNESCO, available from <http://unesdoc.unesco.org/images/0003/000372/037267EB.pdf> (accessed 30.08.2016).

- Handfield, B., Turnbull, S., Bell, R. J. (2006) What do obstetricians think about media influences on their patients?, *Australian and New Zealand Journal of Obstetrics and Gynecology*, no. 46, pp. 379—383.
- Hegewisch, A., Liepmann, H., Hayes, J., Hartmann, H. (2010) *Separate and Not Equal?: Gender Segregation in the Labor Market and the Gender Wage Gap*: Briefing Paper, Washington, DC: Institute for Women's Policy Research, available from https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwjLtK2u1e7QAhULDSwKHTWBAggQFggcMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.iwpr.org%2Fpublications%2Fpubs%2Fseparate-and-not-equal-gender-segregation-in-the-labor-market-and-the-gender-wage-gap%2Fat_download%2Ffile&usg=AFQjCNH5LvFDCQmhdFR8IgvFG3lgxvnlQA&sig2=8P8epEqpGGbwXzAkryo8UQ&cad=rjt (accessed 30.08.2016).
- Kalis, P., Neuendorf, K. A. (1989) Aggressive cue prominence and gender participation in MTV, *Journalism Quarterly*, no. 66 (1), pp. 148—154.
- Listening to Mothers II: Report of the Second National U.S. Survey of Women's Childbearing Experiences*, Childbirth Connection, available from http://www.childbirthconnection.org/pdfs/LTMII_report.pdf (accessed 31.08.2016).
- Mishchenko, V. A. (2014) Obraz sem'i v sredstvakh massovoi informatsii [Family image in mass media], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 6, pp. 137—141.
- Morris, T., McInerney, K. (2010) Media representations of pregnancy and childbirth: An analysis of reality television programs in the United States, *Birth: Issues in Perinatal Care*, no. 37 (2), pp. 134—140.
- O'Bryan, K., Raices, M. (1976) *Male and Female Roles in OECA Programming: A Research Study Report*, Ontario: Ontario Educational Communications Authority.
- Pecherskaia, N. V. (2013) Perspektivy rossiiskoi semeinoi politiki: prinuzhdenie k traditsii [The Russian family policy prospects: enforcement of tradition], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, vol. 16, no. 4, pp. 94—105.
- Sears, C., Godderis, R. (2010) Roar like a tiger on TV?: Constructions of women and childbirth in reality TV, *Feminist Media Studies*, no. 11 (2), pp. 181—195.
- Sokolova, E. A. (2011) Reprezentatsiia obraza materi v mestnoi presse [Representation of mother image in press], *Nauka i sovremennost'*, no. 9-1, available from <http://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-obraza-materi-v-mestnoy-presse> (accessed 13.05.2016).
- Thornton, A., Young-DeMarco, L. (2001) Four decades of trends in attitudes towards family issues in the United States, the 1960s through the 1990s, *Journal of Marriage and Family*, no. 63, pp. 1009—1037.
- Van de Vusse, A., Van de Vusse, L. (2008) Reality television as a source of information about birth: the messages and their implications, *Journal of Midwifery and Women's Health*, no. 53 (5), pp. 482—482.
- Voronina, O. A. (1998) *Gendernaia ekspertiza zakonodatel'stva RF o sredstvakh massovoi informatsii* [Gender expertise of Russian law about mass media], Moscow: MTsGI.
- Zdravomyslova, O., Kigaï, N. (2002) *Zhenskaia tema v sredstvakh massovoi informatsii* [Female theme in mass media], Moscow: Assotsiatsiia zhurnalistok.

ББК 60.561.51+60.543.172

Т. К. Ростовская, Г. В. Заярская

СЕМЕЙНЫЕ УСТАНОВКИ И СЕМЕЙНЫЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 75 — 85

Анализируются результаты социологических опросов, проведенных в 2009—2015 гг. среди студентов вузов. Выявлены основные представления студентов об идеальной семье, охарактеризованы их реальные семейные практики. Сделан вывод о необходимости активизации государственной поддержки студенческих семей с целью повышения их благополучия.

Ключевые слова: семья, семейные ценности, семейные практики, государственная политика в отношении молодой семьи.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.7

T. K. Rostovskaya, Zayarskaya G. V. Family values and family practices among present-day Russian students

On the base of the sociological survey data the authors analyze family values and family practices of the Russian students. The authors compare an ideal family image and real family experience; characterized are main problems of the students' families. In conclusion the authors emphasize the need of revitalizing the state support of students' families in order to improve their well-being.

Key words: family, family values, family practice, young family state policy.

Исследованию семьи, семейных ценностей, установок и практик в современной социологии посвящено немало работ. Объектом изучения выступают различные общности — демографические, профессиональные, территориальные и т. п. [Хасбулатова,

---

© Ростовская Т. К., Заярская Г. В., 2017

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор кафедры организации работы с молодежью, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of Youth Work Organization, Russian State Social University, Moscow, Russia).

Заярская Галина Владимировна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия, ZajarskajaGV@rgsu.net (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Youth Work Organization, Russian State Social University, Moscow, Russia).

Смирнова, 2008; Гафизова, Смирнова, 2015; Задворнова, 2014]. Вместе с тем, если смотреть на данную тему с позиции государственной семейной и молодежной политики, большой интерес представляет студенческая семья. Отечественные исследования свидетельствуют о том, что в настоящее время семья остается привлекательной ценностью для студенческой молодежи, которая является главным субъектом общественного воспроизводства, так как именно в данной возрастной группе в основном сконцентрирован репродуктивный потенциал социума.

Как отмечал С. И. Голод, развитие и утверждение базового критерия оценки положения молодой семьи — показателя ее благополучия — напрямую связаны с определением роли молодой семьи как объекта и субъекта общественных отношений и социальных процессов [Голод, Харчев, 1984: 84—90].

Анализ возможностей поддержки и развития студенческих семей посредством государственной семейной политики позволяет выявить основные проблемы таких семей и векторы оказания им помощи, в том числе и на федеральном уровне. Однако студенческая семья как особая категория семьи не выделяется и специфика проблем семейных студентов на данном уровне не рассматривается [Ростовская, Кучмаева, 2015].

Еще в 2007 г. Министерством образования и науки РФ была принята Концепция государственной политики в отношении молодой семьи [Концепция... , 2007]. Данная Концепция утвердила модель благополучной молодой семьи, включающую в себя следующие признаки: наличие двух родителей и детей, экономическую обеспеченность, существование условий для самореализации супругов в различных сферах жизнедеятельности. При определении уровня благополучия молодой семьи важно помнить, что все показатели должны быть достигнуты комплексно и в равной степени, поскольку низкий уровень любого из них создает возможность нестабильности функционирования семьи и ее уже нельзя считать благополучной [Ростовская, 2013].

В этой связи научный интерес представляет сопоставление семейных установок студенческой молодежи и реальных практик студенческих семей. Эмпирической базой нашего исследования выступили данные социологических опросов, проведенных при участии авторов в 2009—2015 гг. Посредством качественного контент-анализа студенческих эссе и анкетирования были изучены семейные установки студентов (опрошено 258 студентов в 2009 г.* и 121 студент в 2015 г.). Для определения реальных семейных практик студентов в 2015 г. было осуществлено анкетирование членов студенческих семей Забайкальского федерального университета (12 %), Казанского федерального университета (27 %), Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова (21 %), Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

---

* Исследование было инициировано старшим научным сотрудником Научно-образовательного и внедренческого центра по социальной работе с молодежью Российского государственного социального университета Г. В. Заярской. Выборка составила 258 студентов очной формы обучения на факультетах социальной работы, педагогики и ювенологии; социологии; социального управления; психологии, социальной медицины и реабилитационных технологий (108 юношей и 150 девушек; 2-й и 3-й курсы).

(14 %), Пензенского государственного университета (5 %) и Российского государственного университета физической культуры, спорта и туризма (21 %). Выборочная совокупность составила 528 человек.

Обратимся к анализу семейных установок студенческой молодежи. Отметим, что под установкой мы понимаем готовность, предрасположенность субъекта к определенной активности и действиям по отношению к какому-либо объекту [Ростовская, Заярская, 2016].

С целью изучения представлений студентов об идеальной модели будущей семьи, а также выявления особенностей и проблем функционирования российской студенческой семьи в 2009—2015 гг. авторами были проведены всероссийские межвузовские (вузовские) исследования. Важным элементом семейных установок являются репродуктивные установки личности. Они выступают психическим регулятором ее поведения, определяют предрасположенность личности, согласованность разного рода действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к рождению конкретного числа детей [Ростовская, Кучмаева, 2015: 103].

Анализ студенческих эссе и данных, полученных в ходе опроса в 2009 г., позволил выявить характеристики семейных установок студентов.

Прежде всего мы можем сопоставить модель идеальной семьи, сформулированную в Концепции государственной политики в отношении молодой семьи, и модель, сформировавшуюся в сознании самих студентов.

*Идеальная модель семьи
в представлении студентов:*

- юридическая оформленность,
- полнота семьи,
- экономическая обеспеченность,
- тип взаимоотношений супругов,
- ценности,
- требования к партнеру
(критерии его выбора),
- распределение социальных ролей,
- детность.

*Идеальная модель
благополучной молодой семьи
в представлении государства:*

- юридическая оформленность,
- полнота семьи,
- экономическая обеспеченность,
- социальная активность семьи,
- социальная направленность,
- детность.

Это сравнение позволяет сделать вывод, что для самих студентов, помимо базовых характеристик социального благополучия семьи, принципиально важными выступают такие характеристики, как распределение семейных ролей, взаимоотношения супругов, личностные особенности брачного партнера.

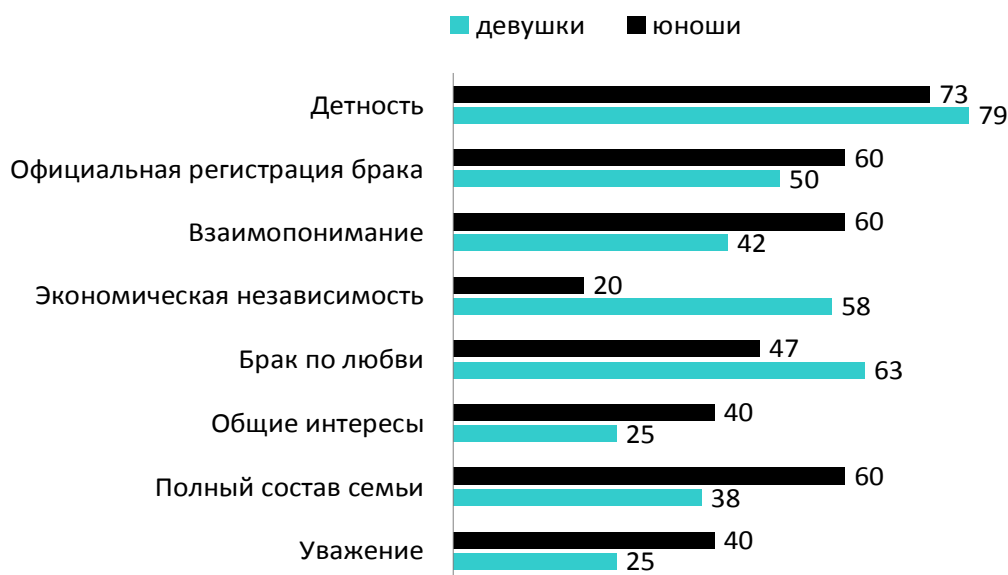

Рис. 1. Ключевые характеристики идеальной семьи в зависимости от пола, % (N = 121)

Из данных, представленных на рис. 1, можно заключить, что для девушек обязательные черты идеальной семьи — это наличие детей (79 %), любовь (63 %), экономическая независимость (58 %). Регистрация брака стоит на 4-м месте и является хотя и необязательным фактом, но желательным для половины опрошенных (50 %). Юноши среди основных характеристик идеальной семьи назвали наличие детей (73 %), официальную регистрацию брака (60 %), полный состав семьи (60 %) и взаимопонимание (60 %). Таким образом, мы видим, что юноши в большей степени, чем девушки, обращают внимание на инструментальные характеристики семьи, девушек прежде всего интересуют ее эмоциональные аспекты.

Поскольку наличие детей и для девушек, и для юношей выступило важной чертой идеальной семьи, обратимся к анализу репродуктивных установок студентов.

Данные, представленные на рис. 2, в целом свидетельствуют о наличии в студенческой среде стремления к среднететности. Репродуктивные установки юношей и девушек практически совпадают; отличие заключается в том, что юноши не готовы усыновить детей (0 %), а девушки не исключают этой возможности (4 %). Отметим, что взгляды молодежи могут со временем измениться, так как пятая часть респондентов еще не задумывались о предстоящем родителстве и предполагаемом количестве детей в своей будущей идеальной семье. Однако стоит учитывать, что по мере взросления человека его представления об оптимальном числе детей в семье приобретают все более конкретный, личный характер, формируются практические компоненты репродуктивной установки. К моменту создания собственной семьи молодой человек представляет, сколько детей он хотел бы иметь в своей собственной семье и какой тип семьи по детности для него был бы предпочтительнее [там же: 104].

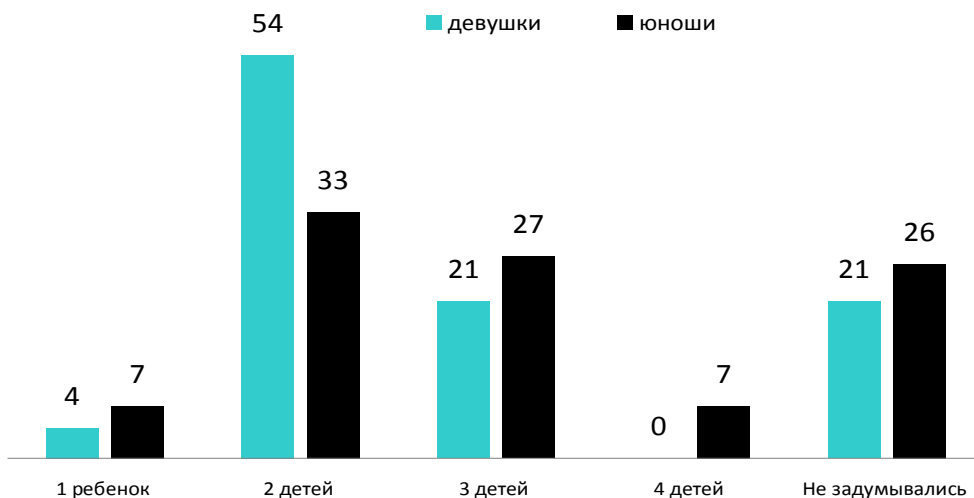

Рис. 2. Планируемое количество детей в зависимости от пола, % (N = 258)

Обратимся теперь к анализу такой важной, по мнению студентов, характеристики идеальной семьи, как тип взаимоотношений будущих супругов.

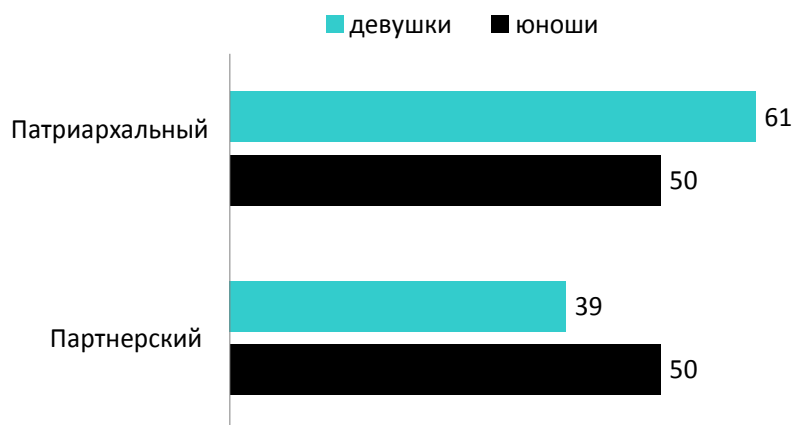

Рис. 3. Предпочитаемый тип гендерного контракта в зависимости от пола, % (N = 258)

Из рис. 3 видим, что мнения юношей разделились поровну между традиционным (патриархальным) и партнерским (демократическим) типами гендерного контракта, тогда как две трети девушек выбрали патриархальный тип (61 %). 39 % девушек готовы выстраивать взаимоотношения в семье как партнеры, отдавая предпочтение демократическому типу гендерного контракта.

Данные анкетирования подтверждаются высказываниями из эссе студентов. Мы видим желание девушек возложить лидерские позиции в решении

семейных проблем на мужа: *Я бы предпочла отдать руководство семьей мужу. Выходя замуж, я хочу быть «за мужем», за его сильной спиной* (Екатерина Н., студентка 3-го курса); *Я просто грезю о патриархальном типе семьи, однако на равное партнерство я тоже была бы согласна* (Виктория Г., студентка 2-го курса). Итак, опрос позволяет зафиксировать довольно устойчивое воспроизводство в студенческой среде патриархальных семейных установок, причем девушки чаще, чем юноши, ориентируются на то, чтобы роль мужчины в семье была ведущей: мужчина обеспечивает экономическую стабильность (зарабатывает деньги), а жена хранит семейный очаг и занимается воспитанием детей. 1/3 девушек рассматривают работу как хобби: ее наличие будет обеспечивать им чувство самодостаточности, но не являться одним из источников семейного дохода. Мнений студенток, в которых бы выражалось категорическое несогласие с ролью домохозяйки, не было выявлено.

Отметим при этом, что эгалитарные установки тоже имеют достаточную поддержку. Так, 2/3 опрошенных считают, что женщина должна работать (наравне с мужем), быть социально активной.

Чтобы уточнить ведущие семейные установки, в том числе и связанные с типом взаимоотношений между супругами, мы выяснили мнения студентов относительно ключевых ценностей, на которых должна строиться семья (табл. 1).

Таблица 1

**Распределение мнений студентов относительно ценностей,
на которых должна строиться семья, в зависимости от пола, % (N = 121)**

Ценность	Юноши	Девушки
Взаимопонимание	60	32
Любовь	47	63
Взаимоуважение	40	25
Общность взглядов	40	25
Поддержка супругами друг друга	33	—
Счастье	—	20
Семья как ценность	33	16
Совместный досуг	20	16
Гармония	—	12
Доверие	7	12

Примечание. Вопрос задавался как множественный и предполагал выбор нескольких вариантов ответа.

Данные, представленные в таблице, подтверждают, что для юношей определяющими выступают такие инструментальные ценности, как взаимоуважение, взаимопонимание, взаимоподдержка. Для девушек ведущими ценностями являются в большей степени те, которые соотносятся с традиционной семьей, — любовь, счастье и т. д. Отметим также, что 17,5 % студентов хотели бы рассчитывать на помощь своих родителей в воспитании будущих детей. 10 % опрошенных считают, что семья их родителей, а чаще прародителей (дедушек и бабушек), идеальна, для них она пример для подражания.

Требования к личности будущего супруга не менее важный аспект в моделировании своей идеальной семьи. Какие личностные характеристики студенты

хотели бы видеть в будущих мужьях и женах? Какие качества для них являются наиболее значимыми? Ранжирование полученных данных приведено в табл. 2.

Таблица 2

Определяющие личностные характеристики будущего супруга в представлении студентов, % (N = 121)

Качества идеальной жены в представлении юношей	Количество студентов, %	Качества идеального мужа в представлении девушек	Количество студентов, %
Образованная, умная	40	Трудолюбивый	36
Хозяйственная, умеет готовить	33	Ответственный, надежный	20
Младше по возрасту	27	Старше по возрасту	20
Хорошая мать	20	Сильный, смелый	16
Самодостаточная	20	Образованный, умный, эрудированный	12
Воспитанная, скромная	20	Самостоятельный	12
Верующая	13	Любящий	12
Без вредных привычек	13	Без вредных привычек	8
Привлекательная	1	Спокойный, уравновешенный	8

Примечание. Вопрос задавался как множественный и предполагал выбор нескольких вариантов ответа.

Образ идеальной будущей жены в представлении юношей — девушка младше по возрасту, образованная, хозяйственная, хорошая мать, воспитанная и скромная (без вредных привычек), верующая и вполне самодостаточная. Студентки видят идеального мужа трудолюбивым, надежным и ответственным, несколько старшим по возрасту, сильным, образованным и т. д.

Таким образом, проведенные опросы позволяют зафиксировать, что в представлении студентов сосуществуют две идеальные модели семьи: патриархальная и партнерская. Среди приверженцев модели традиционной патриархальной семьи преобладают девушки.

Обратимся теперь к анализу семейных практик студентов. Объектом исследования являлись члены студенческих семей, обучающиеся в указанных вузах.

Выборку составили 70 % женщин и 30 % мужчин. Возрастной контингент респондентов представлен преимущественно студентами 17—25 лет (88 %).

В ходе исследования выяснилось, что прежде всего под семьей молодые люди понимают «проявление любви к супругу (супруге)» (51,6 %). Кроме того, каждый десятый из опрошенных отмечает, что семья выступает для него «убежищем от стрессовых влияний внешнего мира». Данные ответы подтверждают, что основным мотивом для создания семьи и вступления в брак в современном мире является психологический. Люди нуждаются в любви, поддержке, чувстве сопричастности, и именно семья дает им возможность удовлетворить эти потребности. В то же время каждый четвертый респондент (26,7 %) полагает, что семья — это прежде всего «продолжение рода», для таких студентов при создании семьи наиболее значим социальный мотив. Им важно реализовать себя в детях, супруги хотят состояться как родители. Данный показатель необходимо

учитывать при осуществлении семейной и демографической политики, направленной на повышение рождаемости. Крайне мало молодых людей рассматривают семью как «обузу», «помеху». Но, с другой стороны, только 6,6 % респондентов полагают, что семья — «место для самореализации, самовыражения». Это является подтверждением того факта, что в современном социуме господствующая система ценностей сориентирована на модель самореализации, самовыражения вне семьи, прежде всего в профессиональной деятельности. Молодые люди не связывают свой жизненный успех с семейной, брачной карьерой.

Значимость психологических функций семьи для современной российской молодежи подтверждают и ответы на вопрос: «Для чего, с Вашей точки зрения, студенты вступают в брак, заводят семью?» (табл. 3).

Таблица 3

Мотивы вступления студентов в брак (N = 528)

Студенты вступают в брак, заводят семью...	%
Чтобы обрести человека, который поддержит в любой жизненной ситуации, будет заботиться о тебе, а ты о нем	44,6
Чтобы всегда быть рядом с любимым человеком	30,0
Для продолжения рода, пока молодые и здоровые	12,6
Для постоянного сексуального контакта	8,6
Для того чтобы был благоустроенный быт и уют в доме	7,2
Потому что в браке узнаешь много нового, получаешь опыт	4,5
Чтобы не быть одинокими	3,9
Потому что это престижно	0,6
Затрудняюсь ответить	0,4
Другое	1,6

Примечание. Вопрос задавался как множественный и предполагал выбор нескольких вариантов ответа.

Из таблицы мы видим, что на первом месте, с большим отрывом, стоит ответ «...чтобы обрести человека, который поддержит в любой жизненной ситуации, будет заботиться о тебе, а ты о нем»: его дали 44,6 % респондентов. Людям в любом возрасте требуется поддержка, хотя одиночество пока не страшит студентов: «чтобы не быть одинокими», вступили в брак лишь 3,9 % респондентов. Мотивы вступления в брак для молодых людей достаточно романтичны, для трети молодых супругов при создании семьи прежде всего было значимо «всегда быть рядом с любимым человеком». Бытовая сторона жизни интересует молодежь гораздо меньше. Кроме того, ответы респондентов подтверждают вывод историков и социологов об автономизации сексуальной и семейной жизни: лишь 8,6 % молодых людей ответили, что вступили в брак «для постоянного сексуального контакта».

Отметим, что исследование, проводившееся среди несемейных студентов, выявило такую важную для них характеристику идеальной семьи, как наличие детей. Однако когда студенты создают семью, то к этому событию

в жизни они начинают относиться более взвешенно. Опрос показал, что только 24 % семейных студентов имеют детей, большая часть принимает решение отложить деторождение до окончания учебы. Среди причин основными являются учеба, стесненные жилищные условия, материальные трудности, а также трудности, связанные с присмотром за ребенком.

Социальный статус и социальная активность студенческой семьи могут быть охарактеризованы как находящиеся на довольно невысоком уровне. По данным исследования, часть студенческих семей постоянно вынуждены прибегать к помощи со стороны вуза (14,9 %), из них 10,3 % получают социальную стипендию, 3,6 % имеют место в общежитии и 1 % семей обеспечены и тем, и другим. Отметим при этом, что жилищной программой для молодых семей пользуются только 2,7 % респондентов. 35,8 % опрошенных вовсе не знают о ней, 21,1 % утверждают, что ею невозможно воспользоваться, и 40,2 % знают о данной программе, но ею не пользуются. Это свидетельствует, на наш взгляд, о довольно низком уровне правовой культуры семейных студентов, а также о недостаточной информационной работе, проводимой среди этой категории населения органами управления, отвечающими за реализацию жилищной программы.

По мнению семейных студентов, статус молодой семьи могли бы повысить специальные законы, направленные на ее комплексную поддержку (59,2 %). Укажем также, что 79,4 % считают, что российская семья в настоящее время переживает кризис, проявляющийся в большом количестве разводов, снижении уровня жизни, увеличении количества незарегистрированных браков и в нежелании иметь детей.

Таким образом, опрос семейных студентов показывает, что их реальные семейные практики существенно отличаются от идеальных установок. Это выражается прежде всего в том, что студенческая семья в силу ряда экономических и бытовых сложностей вынуждена откладывать рождение ребенка. Недостаточное благополучие студенческой семьи можно объяснить и объективными трудностями, возникающими в силу студенческого статуса, и субъективными характеристиками, такими как низкий уровень правовой культуры и просвещенности в области мер социальной поддержки молодой семьи.

Подводя итоги статьи, отметим, что в студенческом общественном мнении одновременно сосуществуют как традиционные патриархальные, так и современные эгалитарные установки. Для студентов идеальная семья — это зарегистрированный в ЗАГСе союз любящих супругов, позволяющий самореализоваться каждому члену семьи, в том числе и как родителю (планируемое число детей — 2—3). На практике студенческая семья преимущественно бездетная, она представляет союз супругов, психологически поддерживающих друг друга и защищающих от стресса.

В целом можно сказать, что модель семьи, утвержденная в Концепции государственной политики в отношении молодой семьи, достаточно полно соотносится как с семейными установками, так и реальными практиками студенческих семей, теми трудностями, которые они испытывают. Это позволяет полагать, что среди студентов сформировался вполне осмысленный запрос на поддержку молодой семьи со стороны государства. Принятие специальных мер даст им возможность приблизиться к идеальному типу семьи в реальной жизни, создать семью, благополучную и с позиции молодежи, и с позиции государства.

Библиографический список

- Гафизова Н. Б., Смирнова Д. И. Отцовство как социальный феномен в полных и неполных (вследствие развода) семьях: (на примере г. Иваново) // *Женщина в российском обществе*. 2015. № 3—4. С. 67—77.
- Голод С. И., Харчев А. Г. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984. 136 с.
- Задворнова Ю. С. Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 2. С. 52—58.
- Концепция государственной семейной политики в отношении молодой семьи от 8 мая 2007 г. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=98438> (дата обращения: 10.12.2015).
- Ростовская Т. К. Процессы институционализации молодой семьи // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Серия: Общественные науки*. 2013. № 2 (26). С. 84—90.
- Ростовская Т. К. Создание студенческой семьи: мотивация и жизненные стратегии членов молодых студенческих семей: (итоги всероссийского межвузовского исследования) // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2015. № 4 (40). С. 73—80.
- Ростовская Т. К., Заярская Г. В. Молодая семья как ресурс демографической политики Российской Федерации // *Молодая семья: вчера, сегодня, завтра* / под общ. ред. Т. К. Ростовской, Г. В. Заярской, Е. А. Князьковой, А. Ю. Фодоря. М.: Перспектива, 2016. С. 14—19.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества. М.: ВАКО: Галлея принт, 2015. 372 с.
- Хасбулатова О. А., Смирнова А. В. Эволюция государственной политики в отношении семьи в России в XX — начале XXI века: (историко-социологический анализ) // *Женщина в российском обществе*. 2008. № 3. С. 3—14.

References

- Gafizova, N. B., Smirnova, L. I. (2015) Otsovstvo kak sotsial'nyĭ fenomen v polnykh i nepolnykh (vsledstvie razvoda) sim'iakh: (Na primere g. Ivanovo) [The fatherhood as a social phenomenon in complete and incomplete (due to divorce) families: (The example of Ivanovo)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 67—77.
- Golod, S. I., Kharchev, A. G. (1984) *Stabil'nost' sem'i: sotsiologicheskii i demograficheskii aspekty* [Family stability: the sociological and demographic aspects], Leningrad: Nauka.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, A. V. (2008) Ėvoliutsiia gosudarstvennoĭ politiki v otnoshenii sem'i v Rossii v XX — nachale XXI veka: (Istoriko-sotsiologicheskii analiz) [The evolution of the state family policy in Russia in the XX century — beginning of the XXI century: (Historical and sociological analysis)], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 3, pp. 3—14.
- Kontseptsii gosudarstvennoĭ semeĭnoĭ politiki v otnoshenii molodoĭ sem'i ot 8 maia 2007 g.* [Concept of state family policy in relation to young families on May 8, 2007], available from <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=98438> (accessed 10.12.2015).
- Rostovskaia, T. K. (2013) Protsessy institutsionalizatsii molodoĭ sem'i [The institutionalization of young family], *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedeniĭ. Povolzhskii region, seriia Obshchestvennye nauki*, no. 2 (26), pp. 84—90.

- Rostovskaia, T. K. (2015) Sozdanie studencheskoï sem'i: motivatsiia i zhiznennye strategii chlenov molodykh studencheskikh semei: (Itogi vserossiïskogo mezhvuzovskogo issledovaniia) [Creating student families: motivation and life strategies of young members of student families: (The results of the All-Russia inter-university studies)], *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo, seriia Sotsial'nye nauki*, no. 4 (40), pp. 73—80.
- Rostovskaia, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2015) *Sem'ia v sisteme sotsial'nykh institutov obshchestva* [Family in the system of social institutions of society], Moscow: VAKO, Galleia print.
- Rostovskaia, T. K., Zaiarskaia, G. V. (2016) Molodaia sem'ia kak resurs demograficheskoi politiki Rossiïskoï Federatsii [Young family as a resource for the demographic policy of the Russian Federation], in: Rostovskaia, T. K., Zaiarskaia, G. V., Kniaz'kova, E. A., Fodoria, A. Iu. (eds), *Molodaia sem'ia: vchera, segodnia, zavtra*, Moscow: Perspektiva, pp. 14—19.
- Zadvornova, Iu. S. (2014) Differentsiatsiia domashnego truda: gendernye stereotypy i sovremennye tendentsii [Differentiation of domestic work in the Russian family: gender stereotypes and modern trends], *Zhenshchina v rossiïskom obshchestve*, no. 2, pp. 52—58.

Статья поступила 20.08.2016 г.

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

ББК 74.483(2)5-422

В. В. Митрофанов

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. А. АЛЕКСАНДРОВОЙ В ПИСЬМАХ С. Ф. ПЛАТОНОВУ

Рассматриваются педагогическая, общественная и организаторская деятельность М. А. Александровой в Хабаровске и Рязанском учительском институте, ее многолетние отношения с выдающимся историком и просветителем С. Ф. Платоновым и его семьей. Привлекаемые неизвестные ранее письма конкретизируют некоторые страницы из истории первого вуза Рязани на этапе его становления, раскрывают закулисную борьбу в коллективе преподавателей. Представлены факты личной жизни и научных поисков М. А. Александровой в последние годы жизни.

Ключевые слова: С. Ф. Платонов, Н. Н. Платонова, М. А. Александрова, Рязанский учительский институт, переписка, провинция, просвещение.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.8

V. V. Mitrofanov. The main issues of professional and scientific work in letters of M. A. Alexandrova to S. F. Platonov

M. A. Aleksandrova's pedagogical, social and organizational activities in Khabarovsk and Ryazan Teachers' Institute is not studied sufficiently. The same could be said about warm and longstanding relationship with a prominent historian and enlightener S. F. Platonov and his family: it has never been the subject of any research. Previously unknown — to the wide range of specialists — letters specify little-known pages of the history of the first Ryazan University at the stage of its development; these letters also reveal behind-the-scenes struggle within the teachers' staff. Some facts from M. A. Alexandrova's personal life and scientific research during the last years of her life are represented.

Key words: S. F. Platonov, N. N. Platonova, M. A. Aleksandrova, Ryazan Teachers' Institute, correspondence, province, education.

Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 86—93

© Митрофанов В. В., 2017

Митрофанов Виктор Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, филиал Южно-Уральского государственного университета (НИУ), г. Нижневартовск, Россия, viktor-n1962@mail.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of Humanities and Science, Nizhnevartovsk Branch of South Urals State University (National Research University), Nizhnevartovsk, Russia).

Начало XX в. ознаменовалось в России открытием ряда высших учебных заведений прежде всего для подготовки педагогических и учительских кадров. В их перечне первым следует назвать Санкт-Петербургский женский педагогический институт (ЖПИ), директором которого был назначен С. Ф. Платонов [Груздева, 2005]. Создавались университеты в провинции, например в Саратове [Соломонов, 1999], Перми [Кертман и др., 1987]. Сначала как филиал Петроградского университета был открыт женский учительский институт в Рязани [Соколов, 1969; Лиферов, 2006]. Заметим, что он, как и Пермский университет, начал работать в разгар Первой мировой войны.

Историография вопроса

Закономерен интерес исследователей к людям, стоявшим у истоков этих вузов. Библиография о них, к сожалению, небольшая. Первая публикация о М. А. Александровой — первой начальнице Рязанского учительского института — появилась вскоре после ее смерти [Арбузов, 1925: 19].

Н. Г. Соколов на основе богатого архивного материала дал анализ деятельности созданного на Рязанской земле института, определил его влияние на развитие высшего образования в регионе [Соколов, 1969]. Он же на базе ранее опубликованных сведений поместил статью о М. А. Александровой в одной из местных газет [Соколов, 1980].

А. А. Моладикова ввела в научный оборот немало новых документов (журналы заседаний совета института за 1916 г., сведения об успехах воспитанниц института за 1916—1919 гг. и др.), отведя им один из разделов второй главы своего диссертационного исследования «Первый в России Рязанский женский учительский институт — основа становления высшего педагогического образования в регионе». При этом роль М. А. Александровой недооценивается, указывается только, что «в штат преподавателей вошли многие сотрудники бывшего учительского института: М. А. Александрова, С. Г. Гусев, Н. И. Жуков, Я. В. Кеткович, М. Л. Лебедев, И. И. Медведев, Д. Н. Никифоров и другие» [Моладикова, 2006]. В. Н. Зуев, автор работы тезисного характера, отметил, что имени М. А. Александровой нет в краеведческой литературе, имея в виду Дальневосточный регион. Трудно согласиться с его утверждением, что она провела в Хабаровске самые плодотворные годы, правильнее сказать: здесь она попробовала и в определенной мере начала реализовывать свои организаторские и педагогические способности. Тезис же об общественной работе Александровой конкретными фактами не подтвержден [Зуев, 1995]. Другой недостаток публикации — отсутствие ссылок на источники, за исключением романа Н. Г. Гарина-Михайловского.

Студенческие тезисы Ю. Б. Будкиной в целом повторяют ранее известные сведения из жизни М. А. Александровой, при этом со ссылками на работы, что очень важно [Будкина, 2005]. Вслед за Н. Г. Гариным-Михайловским ее поездку на Дальний Восток автор статьи характеризует как подвиг, впрочем, это делает и В. Н. Зуев. Оба автора приводят и цитату из книги известного писателя о его встрече с молодым педагогом [Гарин-Михайловский, 1958: 75—78].

О том, что С. Ф. Платонов был причастен к организации системы начального, среднего и высшего образования в России, свидетельствуют многие факты

[Митрофанов, 2009], прежде всего труды С. О. Шмидта [Шмидт, 2010]. Известны сведения о главной роли С. Ф. Платонова в назначении М. А. Александровой на должность начальницы открывавшегося в Рязани института, правда без ссылок на источники [Чельцова]. В ряду публикаций об Александровой, которых, кстати, не так и много, следует упомянуть и энциклопедическую статью Л. В. Чекурина [Чекурин, 1995].

Необходимо отметить, что в приведенных работах порой встречаются неточности. Например, указывается, что Александра являлась выпускницей Московских высших женских курсов [Учебные заведения... , 2010]. Н. Б. Чельцова пишет, что в Хабаровске она начала учительскую деятельность с преподавания французского языка, Ю. Б. Будкина же считает — с преподавания немецкого. К сожалению, в статьях констатируются только факты без подробностей. Так, отмечается, что Александра работала под руководством С. Ф. Платонова в Археографической комиссии, однако сих пор ее публикации не обнаружены. В статье Н. Б. Чельцовой без конкретизации указывается, что в Хабаровске и Рязани М. А. Александрова «не оставляла своих научных занятий», «публиковала в местной печати статьи по вопросам просвещения и краеведения» и что она «отказалась нести тяжкое бремя руководства» институтом и др. На запросы в библиотеки Хабаровска и Рязани по поводу ее публикаций получены лаконичные ответы: сведений о них не имеется. Поиск ее работ необходимо продолжить, несмотря на то что это очень кропотливый и сложный труд.

Письма М. А. Александровой С. Ф. Платонову и Н. Н. Платоновой

Важным источником для характеристики личности М. А. Александровой и ее профессиональной деятельности являются письма педагога, адресованные С. Ф. Платонову (с 28 декабря 1905 по 6 октября 1923 г.), которые хранятся в фонде ученого. Количество писем небольшое, всего 11, имеется две телеграммы: поздравительная с Новым годом из Мукдена и из Хабаровска [ОР РНБ, д. 2074, л. 28]. К одному письму приложен список книг, взятых у С. Ф. Платонова, с пометами: «обложка слегка запятнана», «обложка наполовину оторвана», «все перечисленные книги обязуюсь возвратить не позже ноября 1914 года» [там же, л. 5—5 об.]. Порядок работы с книгами, заведенный у С. Ф. Платонова, раскрывает малоизвестные черты его характера — пунктуальность и определенного рода дотошность в обращении с ними. Отметить недостатки взятых книг, чтобы не создавалось конфликтных ситуаций при их возвращении, считалось правилом хорошего тона.

К одному коротенькому письму были приложены 10 руб. на открывшийся лазарет при ЖПИ [там же, л. 6]. Имеется небольшая записка из трех строчек без даты о передаче меда семье Платоновых [там же, л. 19], это обстоятельство также значимо: оно говорит о человеческом участии, особенно важном в голодные послевоенные годы.

Одно письмо адресовано Н. Н. Платоновой (к сожалению, не все письма к ней сохранились, например, нет письма за 1923 г., о котором упоминает М. А. Александрова). В этом письме обсуждаются бытовые вопросы об организации летнего отдыха, к нему же приложена схема дачи, которую предполагалось снять на лето для семьи Платоновых. Оно важно потому, что очень

подробно рисует ситуацию с летним размещением Платоновых. Семья была большая, ежегодно снимала дачу в разных регионах страны — в Новгородской, Тверской, Рязанской, Воронежской губерниях (Валуйки, 1909 г.), в Крыму, под Петербургом и в других местах. Организацией летнего отдыха начинали заниматься уже в конце зимы или начале весны: определялись с местом, подыскивали дачи и затем выбирали наиболее подходящий вариант. Как правило, С. Ф. Платонов привлекал к этому и своих знакомых и коллег, с которыми вступал в активную переписку.

На ряде писем имеются карандашные пометы «Александрова», сделанные получателем [там же, л. 3, 20, 28 об.]. В трех письмах указано, что С. Ф. Платонов писал и ответы, которые желательно выявить.

Кстати, с деятелями рязанского краеведения, образования, археологами, архивистами С. Ф. Платонов поддерживал связи, например, его корреспондентами были А. В. Селиванов [ГАРО, ф. 1368, оп. 1, д. 1480, л. 2—7], А. И. Черепнин [ГАРО, ф. 1373, оп. 1, д. 19, л. 25—29 об.; Толстов, 2008], В. Ф. Эман (председатель Рязанской губернской земской управы) [ОР РНБ, д. 4714, л. 1], Н. Н. Шамонин [Митрофанов, 2014: 197—206]¹.

Наиболее важные по содержанию письма, полученные от М. А. Александровой, касаются ее педагогической и организаторской деятельности в институте. Они объемные, содержат интересную и ранее неизвестную информацию о состоянии института, кадровых проблемах, о ее отношении к происходящему внутри преподавательского коллектива. Думается, они будут способствовать уточнению сведений о ситуации с высшим образованием в Рязани, деятельности самой начальницы. М. А. Александрова интересуется, имеется ли у столичных ученых, самого С. Ф. Платонова возможность прочитать лекции в институте. Попутно заметим, что он регулярно выступал с отдельными лекциями, а порой и целыми курсами в провинциальных городах. Например, в 1917 г. С. Ф. Платонов собирался читать лекции в Перми, но февральские события изменили эти планы [Митрофанов, 2011: 254—258]. В 1921 г. он выступал в Вологодском институте народного образования [Митрофанов, 2013].

М. А. Александрова подробно пишет о своем удовлетворении работой, состоявшемся первом выпуске, однако возникавшие трудности (борьба за ректорство, несправедливое распределение пайков в голодное время) приводили в отчаяние. Особенно же удручало ее «совращение педагогического состава». Перечисленные обстоятельства в сумме с другими, например реорганизациями института, «одинокая работа в Рязанском тупике» и накопившаяся усталость подорвали здоровье и привели к смене деятельности: она отказывается от участия в работе «президиума» института и переходит на должность преподавателя.

В это время М. А. Александрова все чаще стала задумываться о продолжении прерванной научной работы, ее влекут архивы, она возвращается к идеям и творчеству Адама Черноцкого, которые ее интересовали начиная со студенческих лет. Задатки и склонность к исследовательским изысканиям проявились у М. А. Александровой еще на педагогических курсах, когда она получила рекомендацию остаться на кафедре. Сведения, содержащиеся в письмах, свидетельствуют

¹ Выражаю искреннюю благодарность сотрудникам Государственного архива Рязанской области за предоставленные сведения о письмах С. Ф. Платонова В. А. Толстову.

о довольно активной ее работе под началом С. В. Рождественского. Кроме того, она готовила материалы для словаря, под руководством С. Ф. Платонова принимала участие в подготовке Никоновской летописи к изданию в рамках Археографической комиссии. Особенно важно, что впервые представляется возможность конкретизировать научную деятельность и установить научные интересы М. А. Александровой. В конце жизни она определенно склоняется к продолжению исследования творчества А. Ходаковского, планирует работать в архивах и библиотеках. Но материнская забота о будущем дочерей отвлекала от этих намерений. Быстро развивавшаяся тяжелая болезнь оборвала жизнь М. А. Александровой в самом расцвете творческих сил.

Переписка М. А. Александровой с семьей Платоновых не отличалась регулярностью, при этом по письмам можно судить, что личное общение между ней и этой семьей было доброжелательным, многолетним, а во время ее пребывания в Петербурге частым (до отъезда на Дальний Восток и после возвращения в Петербург, до 1915 г., когда она перебирается на место своего назначения — Рязань). Об этом свидетельствуют и установившиеся теплые отношения с Н. Н. Платоновой, ее дочерьми, она бывала в гостеприимной семье, брала книги в богатой библиотеке своего учителя.

Письма М. А. Александровой, как и уже опубликованные В. Д. Андреевской-Прозоровской², причастной к организации образования в Вологде, как и письма Е. В. Гогель³, показывают, что С. Ф. Платонов оказывал помощь и содействие своим многочисленным ученицам, разлетевшимся по стране, работавшим на ниве просвещения и образования в российской провинции.

Анализируемые эпистолярные материалы уточняют историю возникновения учительского института в Рязани, дополняют малоизвестные страницы деятельности М. А. Александровой и С. Ф. Платонова, а также свидетельствуют о том, что в начале XX в. роль женщины в решении насущных проблем российского государства, прежде всего в сфере образования и культуры, в целом возрастала.

Библиографический список

- Арбузов В. М. М. А. Александрова: некролог // Вестник рязанских краеведов. 1925. № 1. С. 19.
- Будкина Ю. Б. М. А. Александрова // Рязанский историк. 2005. № 3. С. 21—23.
- Гарин-Михайловский Н. Г. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову // Собрание сочинений: в 5 т. М.: Сов. Россия, 1958. Т. 5. С. 7—391.
- ГАРО (Государственный архив Рязанской области).
- Груздева Е. Н. Санкт-Петербургский женский педагогический институт, 1903—1918: основание, структура, личный состав, деятельность: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2005. 197 с.

² Бывшая слушательница Бестужевских курсов в 1906—1909 гг., обучалась в ЖПИ (семинария С. Ф. Платонова), затем в Санкт-Петербургском университете.

³ Обучалась на Бестужевских курсах, слушала лекции в университете, бывшая библиотекарь ЖПИ, ставшая известным деятелем библиотечного строительства в стране.

- Зуев В. Н. Бестужевка М. А. Александрова в Хабаровске // Культура, наука и образование народов Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: история, опыт, развитие: материалы научно-практической конференции. Хабаровск, 1995. Вып. 3. С. 72—74.
- Кертман Л. Е., Васильева Н. Е., Шустов С. Г. Первый на Урале. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1987. 235 с.
- Лицеров А. П. Ведущему вузу Рязанского края 90 лет // Педагогическое образование и наука: научно-методический журнал. 2006. № 3. С. 35—43.
- Митрофанов В. В. С. Ф. Платонов и развитие истории образования в России (до 1917 г.). Лангепас; Екатеринбург: Изд-во Урал. акад. гос. службы, 2009. 200 с.
- Митрофанов В. В. Роль С. Ф. Платонова в развитии российской историографии в конце XIX — первой трети XX в.: связи с научно-историческими обществами центра и провинции. Челябинск: Изд. центр Южно-Урал. гос. ун-та, 2011. 500 с.
- Митрофанов В. В. «Вологжане очень помнят Вас»: письма Л. И. Андреевского и В. Д. Андреевской-Прозоровской С. Ф. Платонову // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2, № 4 (52). С. 48—60.
- Митрофанов В. В. Просветительская деятельность С. Ф. Платонова в российской провинции. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 402 с.
- Моладикова А. А. Состояние и организация педагогического образования в Рязанской губернии во второй половине XIX — начале XX века: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2006. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0ahUKEwj6673popDSAhWHKcWkHcUrC3oQFggaMAA&url=http%3A%2F%2Fwww.rsu.edu.ru%2Fwordpress%2Fwp-content%2Fuploads%2Fusers%2Fn.kononova%2Fscience%2Fдissertacii%2Favtoref_moladikova.odt&usg=AFQjCNEmazeOz9EL82kiBA7Z0GVnnUk_BQ&cad=rjt (дата обращения: 12.02.2016).
- ОР РНБ (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки). Ф. 585. Оп. 1, ч. 2.
- Соколов Н. Г. Первый в России Рязанский женский учительский институт // Ученые записки Рязанского педагогического института. 1969. Т. 62. С. 23—41.
- Соколов Н. Г. Бестужевка // Рязанский комсомолец. 1980. 27 ноября. С. 3.
- Соломонов В. А. Императорский Николаевский Саратовский университет: история открытия и становления (1909—1917) / под общ. ред. И. В. Пороха. Саратов: Соотечественник, 1999. 224 с.
- Толстов В. А. Сотрудничество А. А. Спицына с Рязанской ученой архивной комиссией // История и практика археологических исследований: материалы Международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына, Санкт-Петербург, 26—30 ноября 2008 г. / отв. ред. Е. Н. Носов, И. Л. Тихонов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 184—194.
- Учебные заведения губернской Рязани. URL: http://myryazanfoto.ru/Foto/Album_1/album1.htm (дата обращения: 12.02.2016).
- Чекурин Л. В. Александрова Мария Алексеевна // Рязанская энциклопедия. Рязань: Рязан. энцикл., 1995. С. 53.
- Чельцова Н. Б. Светлой памяти бестужевки: к 135-летию со дня рождения М. А. Александровой (1874—1924). URL: <http://www.history-ryazan.ru/node/6120> (дата обращения: 12.02.2016).
- Шмидт С. О. Историк С. Ф. Платонов — ученый и педагог: (к 150-летию со дня рождения). М.: Археол. комиссия РАН, 2010. 148 с.

References

- Arbuzov, V. M. (1925) M. A. Aleksandrova: Nekrolog [M. A. Aleksandrova: The obituary], *Vestnik riazanskikh kraevedov*, no. 1, pp. 19—22.
- Budkina, Iu. B. (2005) M. A. Aleksandrova, *Riazanskiĭ istorik*, no. 3, pp. 21—23.
- Chekurin, L. V. (1995) Aleksandrova Mariia Alekseevna, in: *Riazanskaia èntsiklopediia*, Riazan': Riazanskaia èntsiklopediia, p. 53.
- Chel'tsova, N. B. (2009) *Svetloĭ pamiatĭ bestuzhevki: K 135-letiiu so dnia rozhdeniia M. A. Aleksandrovoi (1874—1924)* [Blessed memory of bestuzhevka: For the 135th anniversary of the birth of M. A. Alexandrova (1874—1924)], available from <http://www.history-ryazan.ru/node/6120> (accessed 12.02.2016).
- Garin-Mikhaĭlovskii, N. G. (1958) Po Koree, Man'chzhurii i Liaodunskomu poluostrovu [To Korea, Manchuria and the Liaodong Peninsula], *Sobranie sochineniĭ*: in 5 vols, Moscow: Sovetskaia Rossiia, vol. 5, pp. 75—78.
- Kertman, L. E., Vasil'eva, N. E., Shustov, S. G. (1987) *Pervyi na Urale* [The first in the Urals], Perm': Permskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Liferov, A. P. (2006) Vedushchemu vuzu Riazanskogo kraia 90 let [90th anniversary of a leading university of Ryazan region], *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, no. 3, pp. 35—43.
- Mitrofanov, V. V. (2009) *S. F. Platonov i razvitie istorii obrazovaniia v Rossii (do 1917 g.)* [S. F. Platonov and the development of the history of education in Russia (until 1917)], Langepas, Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skoĭ akademii gosudarstvennoĭ sluzhby.
- Mitrofanov, V. V. (2011) *Rol' S. F. Platonova v razvitii rossiĭskoi istoriografii v kontse XIX—pervoĭ treti XX v.: sviazi s nauchno-istoricheskimi obshchestvami tsentra i provintsii* [The role of S. F. Platonov in the development of Russian historiography at the end XIX — of the first third of XX c.: communications with scientific and historical societies and provincial centers], Cheliabinsk: Izdatel'skii tsentr Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta.
- Mitrofanov, V. V. (2013) “Vologzhane ochen' pomniat Vas”: Pis'ma L. I. Andreevskogo i V. D. Andreevskoi-Prozorovskoi S. F. Platonovu [“Vologda really remember you”: The letters of L. I. Andreevsky and V. D. Andreevskaya-Prozorovskaya to S. F. Platonov], *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 2, no. 4 (52), pp. 48—60.
- Mitrofanov, V. V. (2014) *Prosvetitel'skaia deiatel'nost' S. F. Platonova v rossiĭskoi provintsii* [S. F. Platonov's educational activities in Russian province], Nizhnevartovsk: Izdatel'stvo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Shmidt, S. O. (2010) *Istoriĭ S. F. Platonov — uchënyi i pedagog: (K 150-letiiu so dnia rozhdeniia)* [Historian S. F. Platonov is a scientist and teacher: (To the 150-th anniversary)], Moscow: Arheologicheskaia kommissiia RAN.
- Sokolov, N. G. (1969) *Pervyi v Rossii Riazanskiĭ zhenskii uchitel'skii institut* [The first in Russia Ryazan Women's Teacher Training Institute], *Uchënye zapiski Riazanskogo pedagogicheskogo instituta*, vol. 62, pp. 23—41.
- Sokolov, N. G. (1980) Bestuzhevka, *Riazanskiĭ komsomolets*, 27th November, p. 3.
- Solomonov, V. A. (1999) *Imperatorskii Nikolaevskii Saratovskii universitet: Istoriia otkrytiia i stanovleniia (1909—1917)* [Nicholas Imperial Saratov University: History of the discovery and establishment (1909—1917)], Saratov: Sootchestvennik.

-
- Tolstov, V. A. (2008) Sotrudnichestvo A. A. Spitsyna s Riazanskoї uchēnoї arkhivnoї komissieī [Cooperation of A. A. Spitsyn with the Ryazan scientific archival commission], in: *Istoriia i praktika arkheologicheskikh issledovanī: Materialy Mezhdunarodnoї nauchnoī konferentsii, posviashchēnoī 150-letiiu so dnia rozhdeniia chlena-korrespondenta AN SSSR, professora A. A. Spitsyna, Sankt-Peterburg*, 26—30 noiabria 2008 g., St. Petersburg: Izdatel'stvo SPbGU, pp. 184—194.
- Uchebnye zavedeniia gubernskoī Riazani* (2010) [Educational establishment on Ryazan], available from http://myryazanfoto.ru/Foto/Album_1/album1.htm (accessed 12.02.2016).
- Zuev, V. N. (1995) Bestuzhevka M. A. Aleksandrova v Khabarovske [Bestuzhevka M. Aleksandrova in Khabarovsk], in: *Kul'tura, nauka i obrazovanie narodov Dal'nego Vostoka Rossii i stran Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: istoriia, opyt, razvitie: Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, Khabarovsk*, no. 3, pp. 72—74.

Статья поступила 06.06.2016 г.

**РЕФОРМИРОВАНИЕ ЖЕНСКОГО
ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В США В XIX в.**

Рассматриваются некоторые аспекты американских пенитенциарных реформ XIX столетия, связанные с женской преступностью и особенностями исполнения уголовных наказаний в отношении женщин. Освещены основные институциональные преобразования и итоги реформирования. Дан обзор современных концепций, отраженных в исторической и криминологической литературе и представляющих дискуссионные взгляды на изучаемую проблему. Автор приходит к выводу, что безусловные успехи кардинальных изменений женского тюремного заключения в течение XIX в. выразились в закреплении новых принципов и стандартов пенитенциарного содержания. Были улучшены условия заключения: в основном налажено медицинское обслуживание, установлен режим содержания матерей с детьми, создана система обучения детей в тюремных стенах, введена практика постпенитенциарного патронажа.

Ключевые слова: американская пенитенциарная реформа, женские тюрьмы, Американская женская тюремная ассоциация, социальный контроль.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.9

S. A. Vasilieva. Reformation of women's imprisonment in terms of penal reforms in the XIX c. United States

The article discusses some aspects of the American prison reform in the XIX c., associated with female crime and peculiarities of penal treatment for incarcerated women. It reviews the main institutional changes and reform results. The problem of modern concepts in the historical and criminological literature representing controversial views on the problem is treated in the article. The author comes to the conclusion that the unqualified success of the radical changes in criminal justice system during the XIX c. resulted in the consolidation of new principles and standards of women's imprisonment, such as: well-established medical facilities, the detention of mothers with children, the system of children education inside prisons, the practice of post-penitentiary patronage.

Key words: American prison reform, women's imprisonment, Women's Prison Association, social control.

© Васильева С. А., 2016

Васильева Светлана Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории, Академия Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Москва, Россия, vasi-svetlana@yandex.ru (Cand. Sc., Associate professor, Deputy Head at the Department of Philosophy and History, Academy of Penal Service of Russia, Moscow, Russia).

Конец XVIII — начало XIX в. принято считать временем грандиозных перемен и «больших скандалов» в традиционном правосудии, породившим множество реформаторских проектов. Из многочисленных изменений в системе карательной юстиции ключевым моментом, безусловно, стало исчезновение зрелищности публичных казней и пыток и превращение тюрьмы в основную меру уголовного наказания. Подобные изменения, традиционно именуемые гуманизацией уголовных наказаний, неоднозначно оцениваются в криминологической и исторической научной литературе. Представители классической школы криминологии и уголовного права связывают трансформацию отношений общества и государства к исполнению уголовного правосудия с эпохой Просвещения и утверждением гуманизма как базового принципа человеческого общежития. Гуманистические принципы содержания заключенных, ставшие основой для широкомасштабных пенитенциарных реформ по обе стороны океана, предусматривали правовую защиту осужденных, раздельное содержание мужчин и женщин, медицинское обслуживание, улучшение санитарно-бытовых условий и др. Постепенно под влиянием всех этих изменений система наказания приняла четко выраженный исправительный характер, ее эффективность отныне определялась не зрелищностью пыток и казней, как некогда, а осознанием неизбежности и неотвратимости возмездия.

Сторонники неклассического взгляда на проблему рассматривают этот процесс как результат изменения социальной природы наказания. Вдохновившись одной из самых провокационных теорий — теорией французского философа М. Фуко, изложенной в его работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы», исследователи анализируют «бестелесность» уголовно-исполнительной системы Нового времени. Если целью и смыслом наказания в Средние века был карательный захват «тела» и публичное причинение страдания, то реформированная система наказаний задумана таким образом, чтобы обеспечить применение закона не столько к реальному телу, способному испытывать боль, сколько к юридическому лицу, обладающему правом на жизнь. М. Фуко назвал это время «эрой карательной сдержанности», когда наказание не исчезает, а постепенно становится наиболее скрытой частью уголовной процедуры [Фуко, 1999: 7].

В последние десятилетия в зарубежных трудах по истории тюремного заключения социологической и криминологической направленности обозначилось интересное направление, связанное с необычайной популярностью гендерных исследований. Полемизуя с М. Фуко с феминистических позиций, С. Бартки обратила внимание на тот факт, что «тело» представлено им без определяющих половых признаков; это, на ее взгляд, существенно искажает анализ [Bartky, 2010]. В гендерных исследованиях пенитенциарной проблематики наиболее известна и актуальна теория социального контроля, предложившая более глубокий анализ тюремной системы как основы сохранения стабильности общественного порядка. Ревизионисты утверждают, что реформаторы тех времен руководствовались не столько гуманизмом, сколько желанием установить жесткую дисциплину и социальный контроль над опасными нестабильными членами общества [Platt, 1994]. Глубокий анализ и интересную интерпретацию теории социального контроля в проекции на реформирование женского тюремного заключения в XIX в. представила Н. Рафтер, американский социолог криминологической школы [Rafter, 1990]. Она, исследовав исторические условия реформирования

женской тюрьмы, выделяет два вектора такой модернизации. Первая модель соответствует общему контексту американской пенитенциарной реформы — последовательная институционализация и регламентация специализированных тюремных учреждений, от обособленной женской комнаты в общей тюрьме до отдельных тюрем для женщин. Вторая модель — создание качественно новых заведений исправительного характера, реформаториев. Туда попадали в основном женщины, обвиняемые в преступлениях против нравственности и нарушении общественного порядка (внебрачные связи, прелюбодеяние, пьянство, бродяжничество и пр.). Считалось, что, совершая подобное преступление, женщина теряет данную ей природой женственность, тогда как приговор к заключению в реформаторий предоставляет ей возможность улучшить характер и нрав, вернуться к добродетелям и честной жизни (см.: [Тарасов, Васильева, 2008]). Обе модели, считает Н. Рафтер, были одновременно проигрышным вариантом для женщины, так как трактовали ее в качестве материала для строительства мужского общества, а тюрьма в таком случае представляла собой механизм исправления «плохих женщин», не вписавшихся в патриархальное общество, не ставших послушными жен и недостойных матерей. В контексте исследований данного направления отношение к тюремным реформам XVIII—XIX вв. часто выглядит скорее негативным, загораживая такие безусловные успехи «гуманизации», как отделение женщин от мужчин, улучшение условий заключения, установление режима содержания матерей с детьми и т. д.

Принимая во внимание существующие теории, в данной статье автор попытался осветить некоторые аспекты реформирования женского тюремного заключения, осуществлявшегося при пенитенциарной модернизации в США в XIX в. Мы не беремся утверждать, что содержание и итоги этих реформ были определены исключительно гуманизмом и идеалами Просвещения. Однако нельзя не отметить безусловную успешность кардинальных изменений женского тюремного заключения в течение XIX столетия, закрепление новых принципов и стандартов пенитенциарного содержания.

История женского наказания и тюремного заключения в США восходит к драматическим ведовским процессам, перекинувшимся в Новый Свет из поздней средневековой Европы и ставшим неотъемлемой частью формирования американского общества. Всемирную известность приобрел захолустный американский городок Сайлем, где за 10 месяцев было повешено 14 женщин и 4 мужчины, четыре женщины умерли в тюрьме и одна сошла с ума. Когда сменившиеся городские власти остановили охоту на ведьм, в тюрьме Сайлема содержалось 150 осужденных женщин, еще 200 ожидали испытаний на ведовство. Всего же за время ведовских процессов более 80 % обвиненных в колдовстве и приговоренных к смертной казни оказались представительницами прекрасного пола [Karlsen, 1987: 12].

Волна гонений на ведьм стала спадать лишь в XVIII в., но меры наказания, применяемые к мужчинам и женщинам за сходные преступления, продолжали существенно различаться. Так, например, женщины, уличенные в прелюбодеянии или совершившие покушение на жизнь супруга, публично сжигались на костре, тогда как мужчины за подобные действия даже не представляли перед судом. С другой стороны, женщина могла избежать наказания «умоляя животом», т. е. будучи в положении. Подобное снисхождение касалось не самой женщины,

а ребенка, которого она носила: преступница рассматривалась как сосуд с невинной душой, нуждающейся в спасении [Dobash et al., 1986]. При столь различных подходах к мере наказания условия содержания мужчин и женщин в тюрьмах ничем не отличались вплоть до конца XVIII в.

Первые специализированные женские тюрьмы появляются в США в течение XIX в. В начале столетия женщины составляли тюремное меньшинство — 9—14 % от общего числа заключенных. Поскольку процент женщин-осужденных был невысок, специальных тюремных помещений для них не существовало: под дамские отделения отводились камеры или сектора в общих тюрьмах. Так, например, в знаменитых нью-йоркских «Могилах» («The Tombs») в 1837 г. 70 женщин размещались в 42 одиночных камерах. В другом нью-йоркском пенитенциарии 25 женщин располагались на чердаке тюрьмы, от мужчин их отделяло фанерное окно [Rafter, 1985: 7]. Нью-йоркский тюремный священник в 1830 г. писал о местной тюрьме: «Жизнь мужчин-заключенных в этом аду невыносима, что же до женщин, то смерть представляется мне куда более привлекательной участью» (цит. по: [Dodge, 1999: 908]).

Совместное с мужчинами содержание было причиной жесточайшей сексуальной эксплуатации со стороны заключенных и персонала мужского пола. Насильственная и добровольная проституция превращала женские камеры в бесплатные бордели. Беременность осужденных женщин являлась серьезной проблемой американских тюрем начала XIX в. Например, в 1826 г. Рейчел Уэлш, приговоренная к одиночному заключению в пенитенциарии штата Индиана, «неожиданно» забеременела и вскоре после рождения ребенка умерла, не выдержав побоев тюремного надзирателя. Любопытен тот факт, что на время вынесения приговора сравнительно небольшое число женщин ожидали ребенка, ведь подобное обстоятельство непременно учитывалось судом и часто было поводом к избежанию наказания. Тем не менее, согласно исследованиям Э. Фридман, женские тюрьмы изобиловали случаями «зачатия и незаконного рождения» [Freedman, 1981: 15, 30].

Отсутствие специальных женских камер и дополнительного персонала, совместное с мужчинами содержание нередко служили поводом к отмене приговора властями штата. Так, например, в Иллинойсе в 1850 г. решением губернатора почти половина женщин-заключенных (47 %) были освобождены от тюрьмы. Такая практика, похоже, часто применялась. По исследованиям Н. Харм, средний срок женского тюремного заключения в предвоенное десятилетие по приговору составлял 1,6 года, фактически же — 11,3 месяца. Причинами изменения приговора и сокращения срока заключения становились: смягчение обстоятельств преступления (32 %), беременность (19 %), болезнь (17 %), семейные обстоятельства (16 %), хорошее поведение в тюрьме (10 %), безумие (3 %), возраст (3 %) [Harm, 1989: 102].

Первый принцип реформирования женского тюремного заключения, получивший законодательное закрепление, — организация раздельного содержания мужчин и женщин. Формально положение о раздельном содержании осужденных мужчин и женщин начало действовать в северных штатах с 1828 г. Но фактически вплоть до 70-х гг. XIX в. отдельных заведений для женщин-осужденных не было. Главной проблемой, с которой столкнулись реформаторы, являлось отсутствие специальных помещений, пригодных для оборудования

под женские тюрьмы. Поэтому первым шагом стали повсеместные попытки организации женских отделений внутри общих тюрем со строгой изоляцией от арестантов мужского пола. В довоенный период так и не появилось ни одной специализированной женской тюрьмы, однако отдельные помещения были постепенно оборудованы практически в каждом штате.

Большую роль в развертывании реформаторского движения за изменение условий содержания женщин в заключении сыграла представительница квакерской общины англичанка Элизабет Фрай. Она радела за необходимое сочетание учебы и работы в женских тюрьмах, «выдворение» мужского персонала из этих учреждений, индивидуальный подход к каждой заключенной. Своим примером она закрепила практику леди-попечительниц — матрон, которые вели миссионерскую деятельность среди женского тюремного населения [Васильева, 2015]. Простые принципы, предложенные Э. Фрай, — религиозное просвещение, постоянная занятость, размеренность режима и вера в возможность исправления для каждой — в течение XIX столетия превратились в базовые постулаты пенитенциарной педагогики. Ассоциации реформирования женского тюремного заключения, созданные по примеру Британского дамского общества содействия данной реформе, появились во многих европейских странах и на американском континенте. В 1830—1860-х гг. такие общественные организации спорадически возникают в отдельных штатах. В 1870 г. с целью улучшить устройство женской тюрьмы была образована единая Американская тюремная ассоциация, объединившая усилия отдельных филантропических обществ.

Второе существенное нововведение коснулось организации труда среди женщин-заключенных. Отсутствие какой-либо занятости в тюрьмах оказывало губительное влияние на арестанток. Инспектировавшая женские отделения тюрем штата Иллинойс Д. Дикс в отчете за 1847 г. отмечала «праздность и отвращение от труда и, как следствие, мелкие стычки и крупные конфликты среди женщин» (цит. по: [Dodge, 1999: 911]). Власти различных штатов по-своему решали проблему занятости заключенных. Интересен опыт Иллинойса, где местная тюрьма г. Олтон была отдана в управление и своего рода в аренду некоему С. Бакмастеру. В его компетенцию входила забота о содержании заключенных: удовлетворение физических и духовных потребностей, организация медицинского обслуживания и т. п. В свою очередь, он имел все права на прибыль от их труда. Управляющему удавалось получать солидный доход от работ арестантов, в том числе женщин. Ежедневная прибыль от труда одного заключенного составляла сумму 1—1,5 долл. За год женское тюремное отделение поставляло до 4846 пар чулочных изделий, узницы преуспели в изготовлении шляп и пальто для местных чиновников, а также обеспечивали одеждой всю семью начальника. Прибывший в тюрьму фотограф так описал женский труд: «Целый день они проводят сидя за длинным столом, на котором навалена груда чулочных изделий и мотки шерсти. Их работа сводится к монотонному шитью и штопанью. Лица их равнодушны и безучастны» (цит. по: [ibid.: 924]). Ежедневная рутинная и монотонность работы показались ему худшим из наказаний, хотя тюрьму он отметил как «образец опрятности». Стремясь увеличить прибыль, Бакмастер свел к минимуму издержки по содержанию заключенных. Даже для труда не было создано приемлемых условий: женщины занимались рукоделием в той же комнате, где спали и ели, что обуславливало очевидные неудобства. Инспекция Д. Дикс

выявила критическое состояние тюремного помещения, нуждавшегося в капитальном ремонте, аварийное состояние фундамента, подмывавшегося ежегодным разливом реки, грозившее обвалом всему зданию. Инспекция также констатировала отсутствие в тюрьме больницы, библиотеки, часовни, столовой, привычных уже к середине столетия в пенитенциариях северных штатов.

В связи с тем что беременность среди женщин-заключенных была, увы, нередким явлением, вопрос медицинского обслуживания в арендованной Бакмастером тюрьме Олтона стоял особенно актуально. Однако властей интересовала вовсе не этическая, а финансовая сторона дела. При заключении в тюрьму беременной женщины, роженицы или кормящей матери управляющий не только нес дополнительные расходы на содержание младенца, но и терял «рабочую единицу» в лице такой женщины. На обсуждение властей Иллинойса был вынесен вопрос об освобождении беременных женщин от наказания, «дабы невинный младенец не нес на себе клейма рождения в тюрьме». Однако предложение было отклонено из-за опасения, что беременность станет предлогом избежания заслуженного наказания. Более того, было принято постановление об устройении в тюрьме Олтона детской комнаты, что, с одной стороны, избавляло от необходимости милловать беременных женщин, с другой — сохраняло рабочие руки для управляющих [ibid.: 913—914]. В 1867 г. после ряда скандалов и под влиянием требований реформаторов аренда была отменена, тюрьма Олтона вновь стала подконтрольна властям штата, было назначено новое начальство.

Гражданская война внесла существенные изменения в условия женского тюремного заключения. В годы войны и после нее количество женщин-осужденных резко увеличилось. В Нью-Йорке в 1850—1860-х гг. за преступления против личности перед судом предстало втрое больше женщин, чем в предшествующие десятилетия; количество преступлений против собственности, совершенных женщинами, возросло в 10 раз. Рост тюремного населения был связан еще и с тем, что случаи освобождения женщин от заключения решением местных властей практически прекратились: если в 1850-х гг. в штате Иллинойс решением губернатора было освобождено приблизительно 47 % женщин, то в 1860-х — 23 %, в 1870-х — 15 %, а в 1910-х только 5 %. Срок пребывания женщин в тюрьмах увеличился до 2,2 года [Hart, 1989: 123]. Болезни и возраст больше не рассматривались как причина сокращения срока.

Значительные изменения происходят в этническом и расовом составе женщин-заключенных. В 1850-х гг. три четверти (75 %) женщин составляли иммигрантки, из них более половины (55 %) ирландского происхождения. Это были в основном женщины из прислуги, попавшиеся на воровстве денег или драгоценностей в хозяйских домах. Интересно, что по обвинению в проституции в довоенный период к тюремному заключению приговаривали сравнительно редко. В 1860-х гг. количество иностранок в тюрьмах в среднем уменьшилось до 63 %. Резко снижается ирландский компонент: к 1900 г. ирландки составляли всего 2 % от общего числа заключенных [Granger, 1987: 89]. После войны на место ирландских иммигранток в тюрьмах приходят афроамериканки. Уничтожение рабства повлияло на систему наказания. На смену рабскому труду во многих сферах — на железных дорогах, плантациях, в шахтах — пришел труд заключенных. В штатах Миссисипи и Джорджия, например, за период с 1874 по 1877 г. количество чернокожих заключенных возросло на 300 % [Rafter, 1985:

88, 144]. В южных штатах после 1870 г. в качестве меры наказания стали практиковаться каторжные работы на плантациях, на которых были задействованы в основном чернокожие женщины. Арестантки работали скованные каторжной цепью, часто использовались телесные наказания как мера дисциплинарного воздействия, несмотря на то что пенитенциарный закон от 1827 г. запрещал их применение. В отношении чернокожих женщин «для поддержания дисциплины» позорный столб и порка продолжали практиковаться в течение всего XIX столетия [Freedman, 1981: 78].

Правительства штатов, стремясь обеспечить плантаторов дармовыми рабочими руками, косвенно способствовали увеличению «черного» каторжного населения. Так, чернокожая, укравшая десять цыплят, осуждалась на срок, который белая женщина получила бы за убийство. По данным на 1880 г., в штатах Алабама, Луизиана, Миссисипи, Северная Каролина, Теннесси и Техас 37 % из 220 осужденных чернокожих женщин были приговорены к каторжным работам, тогда как из 40 белых — одна. Отличительная особенность чернокожих арестанток — сравнительно молодой возраст. Так, в северных штатах 42 % заключенных афроамериканок не достигли совершеннолетия (для сравнения: среди белых женщин 16 %), две трети были не замужем [ibid.: 151].

В южных штатах Верховный суд вообще избирательно относился к преступлениям, совершенным белыми женщинами. Почти никогда основанием для ареста не становилось воровство, тогда как афроамериканки попадали в тюрьмы и за меньшие проступки. Белым женщинам инкриминировались только особо тяжкие преступления — убийство, поджог и т. п. Южные тюрьмы для женщин характеризовались чудовищными условиями — антисанитарным состоянием помещений; отсутствием самого необходимого, в том числе медицинского обслуживания; высокой смертностью; произволом администрации. По заявлению судьи штата Северная Каролина, «существующая женская тюрьма представляла собой такое ужасающее место, что он не решался отправлять туда белых женщин, но для чернокожих считал это место вполне подходящим» (цит. по: [ibid.: 134]). Женщины размещались в самой старой части тюремного помещения и находились в полном распоряжении мужского персонала. В этой тюрьме часто рождались дети смешанного типа кожи. Для «непокорных» женщин использовалось «наказание в комнате запахов», когда несчастную запирали в узкий ящик, расположенный недалеко от кухни, чтобы «слышать только запах еды» [ibid.: 144]. Считая тюремное заключение продолжением рабского состояния, афроамериканки практиковали активные формы сопротивления тюремному режиму. В жалобах тюремной администрации следующий список «нарушений режима»: сквернословие, сексуальная нескромность, пьянство, громкое поведение, смех, лесбиянство.

Послевоенные годы характеризуются новым витком пенитенциарных реформ. Возросшее число женщин-заключенных давило на стены тюрем, зачастую возникали межрасовые и межнациональные конфликты. Увеличение тюремного населения и многочисленные требования общественности продолжить гуманизацию тюремной системы поставили вопрос о создании специализированных женских тюремных учреждений. В 1869 г. две представительницы квакерской общины штата Индиана Сара Смит и Рода Коффин, считавшие себя последовательницами Э. Фрай, возглавили кампанию против сексуального злоупотребления в отношении женщин, находящихся в заключении. Благодаря их стараниям

в 1874 г. в штате появилась первая женская тюрьма. К 1940 г. подобные тюрьмы были в двадцати трех штатах [ibid.: 112]. Гордостью властей штата Иллинойс стала женская тюрьма в г. Джолиет. Архитекторы учли все пожелания реформаторов — 50 камер, рассчитанных на 200 заключенных, часовня, столовая и больница. Руководство женской тюрьмой Джолиета взяла на себя жена начальника мужской тюрьмы, что было почти повсеместной практикой в то время. Прогрессивным нововведением стал найм постоянных медработников (медсестры) из расчета одна на каждые двадцать пять женщин [Dodge, 1999: 919].

Американские исследователи часто называют пенитенциарную реформу XIX в. результатом трех «измов»: ассоцианизма, феминизма и аболиционизма. Это были достаточно мощные и независимые общественные силы XIX столетия, каждая из которых на определенном этапе тюремной реформы не только выходила с инициативой, но и изыскивала достаточные средства для ее воплощения. Во второй половине XIX в. Американская женская тюремная ассоциация добилась показательных успехов: главным достижением реформаторов «первой волны», безусловно, стало отделение женщин от мужчин-осужденных. Мужской персонал был также постепенно исключен из штатов сотрудников женских пенитенциариев. Были улучшены условия заключения: в основном налажено медицинское обслуживание, установлен режим содержания матерей с детьми, создана система обучения несовершеннолетних заключенных и детей осужденных. Члены ассоциации добились повсеместной организации исправительных реформаториев, сумели организовать систему постпенитенциарного патроната. Практика американской реформы в отношении женского тюремного заключения получила высокую оценку на международных тюремных конгрессах (съезды официальных лиц, имеющих отношение к тюремным реформам), проходивших в Европе с 1872 г. Накопленный к тому времени полувековой опыт американской исправительной реформы, устоявшиеся институты, широкая общественная поддержка — все это позволяло Соединенным Штатам чувствовать себя признанными лидерами и даже учителями в пенитенциарном деле.

Библиографический список

- Васильева С. А.* Элизабет Фрай — «ангел тюрем»: (деятельность британского филантропа и реформатора в оценках современников) // Вестник Пермского университета. 2015. № 3 (30). С. 143—148.
- Тарасов О. А., Васильева С. А.* Особенности «второй волны» пенитенциарных реформ в Европе и США и ее влияние на изменение условий содержания осужденных женщин // Прикладная юридическая психология. 2008. № 1. С. 46—52.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
- Bartky S. L.* Foucault, femininity, and the modernization of patriarchal power // *The Politics of Women's Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior* / ed. by R. Weitz. 3rd ed. New York: Oxford University Press, 2010. P. 76—98.
- Dobash R. P., Emerson R., Gutteridge S.* *The Imprisonment of Women*. New York: Basil and Blackwell Publishers, 1986. 255 p.
- Dodge L. M.* «One female prisoner is of more trouble than twenty males»: women convicts in Illinois prisons, 1835—1896 // *Journal of Social History*. 1999. № 32 (4). P. 907—930.
- Freedman E. B.* *Their Sisters' Keepers: Women's Prison Reform in America, 1830—1930*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1981. 248 p.

- Granger L. *Lords of the Last Machine*. New York, 1987. URL: <http://ebook.stepor.com/book/lords-of-the-last-machine-the-story-of-politics-in-chicago-70134-txt.html> (дата обращения: 15.01.2016).
- Harm N. J. *Women Incarcerated in Illinois Prisons, 1843—1915: an Exploratory Study in Social Policy*. Chicago: University of Illinois, 1989. 343 p.
- Karlsen C. F. *The Devil in the Shape of a Woman*. New York: W. W. Norton, 1987. 370 p.
- Platt A. M. Rethinking and unthinking «social control» // *Inequality, Crime and Social Control* / ed. by G. S. Bridges, M. A. Myers. Boulder (CO); San Francisco (CA); Oxford: Westview Press, 1994. P. 72—79.
- Rafter N. H. *Partial Justice: Women in State Prisons 1800—1935*. Boston: Northeastern University Press, 1985. 269 p.
- Rafter N. H. *Partial Justice: Women, Prisons, and Social Control*. New Brunswick: Transaction Publishers, 1990. 290 p.

References

- Bartky, S. L. (2010) Foucault, femininity, and the modernization of patriarchal power, in: Weitz, R. (ed.), *The Politics of Women's Bodies: Sexuality, Appearance, and Behavior*, 3rd ed., New York: Oxford University Press, pp. 76—98.
- Dobash, R. P., Emerson, R., Gutteridge, S. (1986) *The Imprisonment of Women*, New York: Basil and Blackwell Publishers.
- Dodge, L. M. (1999) “One female prisoner is of more trouble than twenty males”: women convicts in Illinois prisons, 1835—1896, *Journal of Social History*, no. 32 (4), pp. 907—930.
- Freedman, E. B. (1981) *Their Sisters' Keepers: Women's Prison Reform in America, 1830—1930*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Fuko, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdenie tiur'my* [Discipline and punish: The birth of the prison], Moscow: Ad Marginem.
- Granger, L. (1987) *Lords of the Last Machine*, New York, available from <http://ebook.stepor.com/book/lords-of-the-last-machine-the-story-of-politics-in-chicago-70134-txt.html> (accessed 15.01.2016).
- Harm, N. J. (1989) *Women Incarcerated in Illinois Prisons, 1843—1915: An Exploratory Study in Social Policy*, Chicago: University of Illinois.
- Karlsen, C. F. (1987) *The Devil in the Shape of a Woman*, New York: W. W. Norton.
- Platt, A. M. (1994) Rethinking and unthinking “social control”, in: Bridges, G. S., Myers, M. A. (eds), *Inequality, Crime and Social Control*, Boulder, CO, San Francisco, CA, Oxford: Westview Press, pp. 72—79.
- Rafter, N. H. (1985) *Partial Justice: Women in State Prisons 1800—1935*, Boston: Northeastern University Press.
- Rafter, N. H. (1990) *Partial Justice: Women, Prisons, and Social Control*, New Brunswick: Transaction Publishers.
- Tarasov, O. A., Vasil'eva, S. A. (2008) Osobennosti “vtoroi volny” penitentsiarnykh reform v Evrope i SShA i ee vliianie na izmenenie usloviy sodержaniia osuzhdennykh zhenshchin [Peculiarities of “the second wave” of penal reform in Europe and the USA and its influence on the changes of conditions of maintenance of women prisoners], *Prikladnaia iuridicheskaiia psikhologiya*, no. 1, pp. 46—52.
- Vasil'eva, S. A. (2015) Elizabet Frai — “angel tiurem”: (Deiatel'nost' britanskogo filantropa i reformatora v ocherkakh sovremennikov) [Elizabeth Fry — “an angel of prisons”: (British philanthropist and reformer in the assessments of contemporaries)], *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 3 (30), pp. 143—148.

ББК 63.3(5Каз)64-72+63.3(2)622

Р. С. Жаркынбаева

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА:
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ
И КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В ПОСТСОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ
(Гендерный аспект)**

Изучаются основные проблемы сохранения памяти о Великой Отечественной войне в Казахстане. Большое внимание уделяется коммеморативным практикам, обеспечивающим существование в исторической памяти казахстанцев образа этой войны, который является одним из ресурсов национальной идентичности. Освещается массовое и деятельное участие женщин Средней Азии и Казахстана в вооруженной защите своей Родины в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: коммеморация, Центральная Азия, фальсификация истории, Великая Отечественная война, мобилизация.

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.10

**R. S. Zharkynbaeva. The Great Patriotic War: gender aspects
of sociocultural memories and commemorative practices
in the Post-Soviet Kazakhstan**

Article describes controversial problems of the Great Patriotic War history; it also defines the role of historical consciousness in the process of a new nation-state identity of modern Kazakhstan society.

The article examines the main problems of Great Patriotic War memory preservation in Kazakhstan. Considerable attention is paid to the commemorative practices, which ensure the preservation of historical memory of the Great Patriotic War in Kazakhstan. This memory serves — among other factors — as an identity creation source of the Kazakh. The article illuminates the massive and active participation of Central Asia and Kazakhstan women in the armed defense of the Motherland during the Great Patriotic War.

Key words: commemoration, Central Asia, history falsification, the Great Patriotic War, mobilization.

Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 103—116

© Жаркынбаева Р. С., 2017

Жаркынбаева Роза Сейдалиевна — доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной истории, историографии и источниковедения, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан, r_seidali@mail.ru (Dr. Sc., Professor at the Department of World History, Historiography and Source, al-Faraby Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan).

Светлой памяти моего отца
Джаркинбаева Сейдалы посвящается
(10 июля 1922 г. — 27 апреля 2016 г.)

Тема памяти в наши дни вызывает широкий интерес в гуманитарных науках. Как точно и тонко подметил П. Нора, «мы живем в эпоху всемирного торжества памяти»: «В последние двадцать или двадцать пять лет все страны, все социальные, этнические и семейные группы пережили глубокое изменение традиционного отношения к прошлому» [Нора, 2005].

Центральноазиатские государства, как и другие государства СНГ, в 2015 г. отметили 70-летие Победы в Великой Отечественной войне. Трудно переоценить вклад каждой из советских республик, в том числе и республик Средней Азии и Казахстана, в дело разгрома фашистской Германии. В этом вопросе можно согласиться с точкой зрения доктора исторических наук, профессора Е. Новика, который сказал: «...сегодня не время “взвешивать” и решать, кто же больший или меньший вклад в победу внес. Мы победили, и мы победили единым Союзом, единым государством» [Специальный проект... , 2015]. Как отметил спикер сената парламента Республики Казахстан К. Ж. Токаев, «70-летие Победы в самой кровопролитной войне в истории человечества — это общая победа всего советского народа над фашизмом» [Спикер сената... , 2015].

Сразу же после нападения на СССР в военкоматы республик Средней Азии и Казахстана хлынул поток заявлений от добровольцев, желающих попасть на фронт. Например, за несколько дней в Душанбинский военкомат поступило 2503 заявления от добровольцев, из них 745 от девушек и женщин. К концу 1941 г. по республике было подано 5857 заявлений, а всего за годы войны свыше 10 тыс. [Сечкина, 1985]. К началу войны население Таджикской ССР составляло около 2 млн человек. В годы Великой Отечественной войны на фронт было мобилизовано более 260 тыс. таджикстанцев. Более 90 тыс. из них не вернулись домой [Специальный проект... , 2015].

В Туркменистане массовый приток заявлений о добровольном вступлении в ряды Красной армии даже вызвал необходимость создания специальных отборочных комиссий. Ташаузская областная парторганизация послала защищать Родину половину своего состава. На фронт было направлено много руководящих работников республики, в том числе членов ЦК Компартии Туркменистана и депутатов Верховного Совета ТССР. К осени 1941 г. уже воевало несколько сот человек партийного актива, в том числе 38 секретарей райкомов партии. Много молодых рабочих, колхозников и представителей интеллигенции были отобраны в военные училища, несколько сот комсомольцев — в воздушно-десантные части. В первые месяцы войны на фронт ушли 248 врачей и 662 человека среднего медицинского персонала [История Туркменской ССР, 1955: 484].

В Узбекистане было мобилизовано в армию около 1,5 млн человек, или 50—60 % населения трудоспособного возраста; для обеспечения промышленных предприятий России рабочей силой из республики призвано 155 тыс. человек, что усилило в ней кадровый дефицит [Арифджанов и др., 2012: 202].

Из Казахстана на фронт ушли 1 200 тыс. человек, в том числе 82 тыс. коммунистов (2/3 предвоенной численности), 242 тыс. комсомольцев (почти 70 %) и более 5 тыс. женщин и девушек, а также 700 тыс. были направлены в трудовую

армию и специальные строительные отряды. По итогам переписи населения 1939 г. в Казахстане проживало 6,2 млн человек. Даже с учетом размещения в республике примерно 1,5 млн эвакуированных жителей прифронтовой зоны и репрессированных процент мобилизованных оказался очень большим [История Казахстана, 2009: 450].

Вместе с воинами из других советских республик солдаты из Средней Азии и Казахстана самоотверженно боролись на всех фронтах, покрыв себя неувядаемой славой, и десятки тысяч из них были удостоены орденов и медалей, сотням было присвоено звание Героя Советского Союза.

В представленном Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ обзоре отмечено, что звание Героя Советского Союза было присвоено 49 воинам из Таджикистана, полными кавалерами орденов Славы стали 14, боевых наград удостоены более 50 тыс. человек. За храбрость и отвагу, проявленные на фронте, более 19 тыс. воинов из Туркменистана были награждены орденами и медалями СССР, а 49 уроженцев республики стали Героями Советского Союза. По вновь уточненным данным, 520 казахстанцам присвоено звание Героя Советского Союза, 110 тыс. награждены орденами Славы. В Золотую книгу Победы вписаны имена дважды Героев Советского Союза С. Луганского, Т. Бегельдинова, Л. Беды, И. Павлова. Казахстан прославили боевые заслуги А. Молдагуловой, М. Маметовой, Н. Абдирова, К. Кайсенова, Т. Тохтарова. В водружении Знамени Победы на поверженный рейхстаг участвовали солдаты из Казахстана — лейтенант Р. Кошкарбаев и рядовой Г. Булатов из 674-го стрелкового полка. На фронтах Великой Отечественной войны в боях участвовало более 360 тыс. киргизстанцев (каждый шестой житель республики). 73 киргизстанца (по другим данным, 72) удостоены высшей награды — медали «Золотая Звезда» — и звания Героя Советского Союза [Специальный проект..., 2015].

За проявленное мужество и героизм на фронтах 120 тыс. узбекистанцев награждены орденами и медалями, в том числе 338 человек удостоены звания Героя Советского Союза [Арифджанов и др., 2012: 202].

В годы Великой Отечественной войны женщины Советского Союза приняли массовое и деятельное участие в вооруженной защите своей Родины. Много незабываемых имен женщин — героев Средней Азии и Казахстана запечатлены в исторической и художественной литературе.

Например, после выступления с концертом перед бойцами 8-й гвардейской стрелковой (Панфиловской) дивизии артистки Киргизии К. Алиева, А. Исмаилова и К. Ералиева добровольно остались служить в ней. Артистка и боец К. Алиева за два года пребывания на фронте вынесла с поля боя 500 раненых советских воинов. За ратные подвиги она награждена орденом Красной Звезды и несколькими боевыми медалями [Мурманцева, 1974: 119].

В Казахстане женщины, подавшие заявления с просьбой об отправке на фронт, составляли 40 % от общего числа добровольцев. Многие тысячи женщин и девушек решили досрочно овладеть специальностью медсестер и санитарок. По их просьбе в первые же два месяца войны в республике было открыто 206 курсов медсестер, создано 248 сандружин. Около 200 тыс. женщин и девушек занимались в кружках ГСО [там же: 120].

Как отмечает З. Ж. Марданова, глубокий патриотизм поколения, воспитанного на героических символах недавнего революционного прошлого, отличал тех 17—18-летних девочек, которые осаждали военкоматы с требованием немедленно отправить их на фронт. Вот что написала в своем заявлении в Баянаульский военкомат Жанузакова Шура: «В настоящем прошу вас рассмотреть мою просьбу. Я родилась в 1922 году, член комсомола с 1939 года, по специальности сортировщик. По собственному желанию, как комсомолка, желаю пополнить ряды РККА, прошу вас зачислить меня в передовой отряд 8-й Краснознаменной дивизии. Буду выполнять все задания, возложенные на меня партией и правительством, буду стойко защищать свою Родину, любимую Москву и город Ленина. 27 ноября 1941 года». В другом заявлении, от Дроздовой Галины, в тот же военкомат читаем: «Товарищ военный комиссар! Когда моя Родина в опасности, когда враг угрожает Москве, я, как комсомолка, изъявляю желание ехать на фронт и очень прошу вас удовлетворить мою просьбу... Думаю, что каждая девушка может быть в числе советских дружинниц. Имею оборонные значки ГСО, ПВХО, а также могу обращаться с оружием... Образование 10 классов, окончила в 1941 году. 27 ноября 1941 года» (цит. по: [Марданова, 2015]). В военкоматы подобных заявлений поступало сотни.

Большую роль в освобождении советской земли от фашистских захватчиков сыграли замечательные дочери казахского народа Маншук Маметова и Алия Молдагулова, занявшие достойное место среди женщин — Героев Советского Союза.

М. Маметова родилась в 1922 г. в ауле Жаскус Уральской области. Ее детские годы прошли в Алма-Ате. Будучи студенткой Алма-Атинского медицинского института, Маншук совмещала учебу с работой в секретариате Совнаркома КазССР. 13 августа 1942 г. она добровольцем ушла на фронт, участвовала в боях в составе 100-й стрелковой бригады и 21-й стрелковой дивизии. М. Маметова, старший сержант, командир пулеметного расчета, погибла за станковым пулеметом в октябре 1943 г. За участие в бою под Невелем ей посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Именем Маншук назвали ледник и вершину в Заилийском Алатау. Ее имя носят улицы в г. Невель, Алматы, Уральск и других, десятки школ. На родине Маншук и в Невеле сооружены памятники, открыт мемориальный дом-музей. Ей посвящен художественный фильм «Песнь о Маншук» (сценарий А. Михалкова-Кончаловского, режиссер М. Бегалин).

А. Молдагулова родилась 25 октября 1925 г. в ауле Булак Хобдинского района Актюбинской области. В 1942 г. Алия обучалась в школе снайперов. Она воевала в составе 3-й роты и 4-го батальона 54-й стрелковой бригады 2-го Прибалтийского фронта, была известна как меткий снайпер. В битве под Псковом Алия способствовала успешному наступлению батальона. А. Молдагулова погибла в рукопашной схватке 14 января 1944 г. у деревни Казачиха Новосokolьнического района. 4 июня 1944 г. ей посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Она награждена также орденом Ленина. Мемориальный комплекс «Алия» открыт в Актюбе в 2005 г. Скульптор, лауреат премии Ленинского комсомола Б. Абишев, представил А. Молдагулову в образе хрупкой девушки, которая в 17 лет добровольно ушла на фронт.

О подвигах этих девушек слагались песни, написаны книги, стихи, созданы фильмы, им установлены памятники. Их именами названы улицы и школы, музеи, парки и скверы. В Алматы был воздвигнут памятник Героям Советского Союза А. Молдагуловой и М. Маметовой.

Достойный боевой путь на фронтах Великой Отечественной войны прошли и другие дочери Казахстана. Среди них штурман гвардии лейтенант Х. Доспанова, сотрудница фронтовой газеты «Кызыласкер акикаты» Р. Жанбекова, капитан медицинской службы М. Сырлыбаева, радистки О. Мысырова, Ш. Ботаханова, Б. Садуакасова, разведчица Р. Ералина, медсестры Р. Исхакова, М. Габитова, О. Шишкина, Л. Краморенко, Г. Якубоник, снайпер М. Токтамышова, танкисты Ж. Байтасова, К. Токбергенова, Г. Талканбаева, пулеметчица Ж. Бейсенбаева и многие другие [Нурбекова, 1968].

Победа в Великой Отечественной войне объединяет и сближает государства СНГ. Можно отметить, что на сегодняшний день в Казахстане практически нет ни одной семьи, которой бы ни коснулась эта война.

В республике очень большое внимание уделяется механизму сохранения памяти о Великой Отечественной войне, коммеморативным практикам, обеспечивающим конструирование ее образа, который является одним из ресурсов казахстанской идентичности. Как известно, коммеморация — это сохранение в общественном сознании памяти о каких-либо значимых событиях прошлого, своего рода увековечивание памяти о прошлом. Среди коммеморативных практик одна из самых ярких — создание монументов и мемориалов, посвященных героизму казахстанцев в годы войны и служащих своего рода знаками почитания фактов прошлого, значимыми для народа Казахстана.

Повсеместно в республике воздвигаются памятники героям Великой Отечественной войны. Так, в 2015 г. в Астане был установлен памятник Герою Советского Союза генерал-майору И. В. Панфилову. В церемонии открытия мемориала, расположенного в столичном парке, принял участие президент Н. А. Назарбаев. В своей речи он сказал: «Этот памятник не только герою Советского Союза Ивану Васильевичу Панфилову, это дань уважения всем казахстанцам, принявшим участие в великой битве против фашизма, и тем, кто остался лежать на полях сражений, и тем, кто вернулся и внес свой неоценимый вклад в развитие нашей страны» [Назарбаев... , 2015]. Автором памятника является скульптор Р. Абенов. Мемориал высотой 2,5 м выполнен из бронзы.

Историческая память народа играет значительную роль в устойчивом социально-экономическом и политическом развитии страны. Переосмысление событий общей истории в соответствии с национальными приоритетами — распространенная социокультурная и политическая практика на постсоветском пространстве. В настоящее время во всех бывших советских республиках, наряду с конструированием национальной идентичности, ставится задача выработать отношение к советскому прошлому, к трактовке наиболее значимых событий. Причем история всех стран СНГ настолько тесно переплетена, что изменение интерпретации важных событий прошлого в одном из государств вызывает ответную реакцию в других. Неоднозначная ситуация в оценке прошлого побуждает людей переосмысливать собственные и семейные воспоминания, отстаивать свои версии коллективной памяти.

Из всех государственных праздников советской эпохи для стран СНГ общим и наиболее эмоционально окрашенным остается только праздник Девятого мая. Причем и в него привносятся все новые традиции. В Республике Казахстан по поручению президента Н. Назарбаева был утвержден специальный План мероприятий по празднованию 70-летия Победы, а в конце 2014 г. прошла общенациональная акция по поддержке ветеранов и акция-марафон «Честь Победе».

21 апреля 2015 г. Казахстан принял международную эстафету Победы от пограничников России. В торжественной обстановке прибывшие российские военные передали Казахстану Кубок Победы. Международная акция стартовала 1 февраля в г. Брест Беларуси. Затем Кубок был передан России. С 21 апреля по 2 мая эстафета прошла по городам Казахстана (Усть-Каменогорск, Астана, Алматы, Тараз). Кубок пронесен также по территориям Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Азербайджана. Эстафета завершилась 8 мая в Москве, на Поклонной горе.

В настоящее время в рамках ветеранского движения создаются разного рода общественные объединения, поисковые отряды, которые доставляют капсулы с землей с мест захоронений воинов-казахстанцев, погибших в годы Великой Отечественной войны. К 70-летию со дня Великой Победы изданы мемуары ветеранов этой войны, исследования, сборники документов, фотокнижки и др. Проводятся информационно-предметные выставки, рассказывающие об истории Великой Отечественной войны, военно-патриотические форумы и исторические реконструкции, историко-литературные конкурсы (например, «Письмо с фронта»), экскурсии (например, «Ожившая история» в Центральном государственном музее Республики Казахстан, г. Алматы), патриотические акции и многие другие мероприятия, направленные на увековечение памяти о войне. Так, в 2015 г. в ознаменование подвига 28 героев-панфиловцев состоялся автопробег по городам Казахстана, России и Кыргызстана (Бишкек, Астана, Костанай, Актобе, Орал, Оренбург, Самара, Москва). До этого, в июле 2010 г., был совершен автопробег по маршруту Алматы — Балхаш — Караганда — Костанай — Уфа — Владимир — Волоколамск — Великие Луки — Невель — Новосокольники — Пушкинские Горы — Минск. Данный маршрут был напрямую связан с историей и ратным подвигом бойцов и командиров дивизий и бригад, сформированных в годы войны в Казахстане.

В честь 70-летия Победы стартовал также республиканский конкурс эссе для школьников «Ата даңқы — ұрпаққа ұран». Рекомендуемые темы эссе были следующие: «История моей семьи» (о том, как война отразилась на истории семьи); «Я живу на улице героя» (о ветеране, который живет/жил в населенном пункте автора, его воспоминаниях и подвиге); «Дневники войны» (материал, основанный на письмах с фронта; переписка должна принадлежать родственникам/друзьям/знакомым автора); «Герой семейного альбома» (о членах семьи, испытавших на себе тяготы войны); «Гостеприимная степь: Казахстан — наш общий дом» (о семьях переселенцев, эвакуированных в Казахстан в годы войны, и/или воспоминаниях казахских семей, помогавших переселенцам).

В преддверии годовщины Великой Победы была подготовлена инфографика («Суточная норма питания военнослужащих Красной армии» и др.), для того чтобы молодые люди могли иметь представление о бытовой сфере жизни

военнослужащих, о продовольственном снабжении в годы Великой Отечественной войны.

С 9 февраля 2015 г. веб-портал «История Казахстана» (e-history.kz) начал реализацию проекта «История одной фотографии». В течение трех месяцев казахстанцы присылали в редакцию веб-портала фотографии и истории своих родных, близких, соседей или знакомых, чью жизнь навсегда изменила Великая Отечественная война. Около сотни писем, поступивших в редакцию, вдохновили на организацию одноименной фотовыставки, которая торжественно открылась в Астане и была посвящена 70-летию Великой Победы. Как отмечали ее организаторы, история может безжалостно забыть отдельные имена и судьбы тех, кто ценой своей жизни или здоровья внес бесценный вклад в достижение общей Победы, цель выставки — не допустить этого. Фотовыставка «История одной фотографии» продлилась до 11 мая 2015 г.

Как известно, в послевоенные годы в местах активных боевых действий проводились работы по поиску погибших во время войны солдат. В Советском Союзе деятельность поисковых отрядов особенно активно развернулась в конце 1980-х гг., оформившись в официально признанное движение. Одним из таких отрядов стал казахстанский отряд М. К. Кусаинова «Мемориальная зона», осуществляющий поисковую деятельность под Ленинградом (Санкт-Петербургом).

Отец М. К. Кусаинова, замполит 310-й стрелковой дивизии, в 1941 г. тяжело раненный в боях на Синявинских высотах и болотах, настоял на том, чтобы его сын продолжил обучение именно в Ленинграде. «Езжай и не раздумывай, к твоему отъезду мы с однополчанами составим карту-схему на Синявинских болотах и высотах, где несметно полегло наших боевых товарищей...», — сказал тогда ему отец. Напущение отца сохранять память о погибших советских солдатах стало для М. К. Кусаинова долгом всей жизни. Весной 1978 г. аспирант Кусаинов выехал на Синявинские высоты и болота. Он и представить себе не мог, что война там все еще продолжается... «Оказалось, что здесь погибло более ста тысяч бойцов и командиров и большинство из них не похоронены, а те, кто похоронен в братских могилах, тоже безымянны, т. к. все братские могилы, полковые и дивизионные кладбища утеряны еще в годы войны и первые послевоенные годы, т. е. заросли лесом и кустарником, — вспоминает о первых разведках в своей книге «Мемориальная зона “Надежда”» М. К. Кусаинов. — Порой нам казалось, что вся обширная территория Синявинских болот и высот — это одно громадное братское захоронение, где лежат слоями: внизу — погибшие в сентябре, октябре и ноябре 1941 года, поверх них — погибшие осенью 1942 года, а на самом верху — павшие в ходе сражений по прорыву блокады и расширению полосы прорыва» (цит. по: [Выходченко, 2015]).

Великая Отечественная война оставила ряд проблем, решение которых добровольно взяли на себя поисковые отряды стран СНГ. Это утерянные в годы войны и послевоенное время братские могилы, полковые и дивизионные кладбища, впоследствии заросшие лесом и кустарником; непохороненные останки бойцов и командиров, едва присыпанные землей (многие из них до сих пор считаются пропавшими без вести); неразминированные поля сражений; неустановленная фронтовая судьба многих советских бойцов и командиров [Кусаинов, 2010: 384—385].

С 1988 г. поисковый отряд М. К. Кусаинова «Мемориальная зона» ведет деятельность по раскопке, выявлению и последующему захоронению останков советских солдат, погибших в годы Великой Отечественной войны. За это время членами поискового отряда и его командиром были определены координаты трех десятков братских могил, полковых и дивизионных кладбищ пяти стрелковых дивизий; перезахоронены останки многих бойцов и командиров; установлены аншлаги (таблички), памятные знаки и обелиски; в районе Синявинских болот и высот создана мемориальная зона «Надежда»; налажены крепкие связи с поисковыми отрядами России; изданы книги, путеводитель, исторический формуляр, справочник, статьи, посвященные деятельности отряда и истории боев казахстанских дивизий за Ленинград.

Как верно отмечает Г. И. Власова, самые яркие, надежные, правдивые, проверенные временем материалы — это те, которые хранятся в памяти участников войны, людей, ее переживших. В Государственном архиве Астаны собраны документы участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла, трудмобилизованных, партизан, блокадников, узников концлагерей, эвакуированных; материалы биографического характера (автобиографии, анкеты, удостоверения к наградам и знакам, грамоты, благодарности, пропуска, мандаты, справки) и творческого (воспоминания, в том числе на видео- и аудиокассетах, дневники, дневниковые записи, записные книжки, блокноты, статьи, очерки, тексты выступлений, рукописи литературных произведений о войне, повестей, рассказов, стихов); переписка с родными, друзьями, коллегами за период 1941—1945 гг. (письма, телеграммы, извещения); переписка с однополчанами; изобразительные документы (фотоальбомы, фотографии, рисунки, репродукции, открытки). В этом плане представляет интерес поствоенный фольклор (воспоминания ветеранов и очевидцев войны), записанный студентами филологического факультета во время практики в селах Северного Казахстана, а также записи, сделанные студентами в 2010 г. в Государственном архиве Астаны и в доме престарелых [Власова, 2015].

Большое внимание уделяется сохранению документов участников войны, в частности, звучат обращения к ветеранам Великой Отечественной войны и их родственникам о передаче документов из личных архивов в государственные и объясняется необходимость этого: «*Во-первых*, в личных архивах они могут и не сохраниться, потому что хранят дети, хранят внуки, а вот последующим поколениям эти документы могут показаться уже не столь важными. *Во-вторых*, эти документы нужны для исследователей, которые хотят воссоздать правдивую историю Великой Отечественной войны. Быть может, они хранят еще неизвестные факты и события тех лет. Письма, дневники, воспоминания и другие документы рядовых участников войны могут дать представление о том, как оценивались события конкретными людьми, ведь знания о войне мы в большинстве своем получили из учебников истории, которые были составлены по официальным источникам... Формировать знания о прошлом страны и делать свои выводы интересно и студентам и школьникам, которые в последнее время стали организовывать поисковые экспедиции. *В-третьих*, это будет важным аспектом для патриотического воспитания молодежи, ведь работа с подлинными документами участников войны — первоисточниками информации — всегда более активно воздействует на сознание людей» [Обращение к ветеранам... , 2015].

В настоящее время на фоне роста национализма и неонацизма особую опасность для молодежи представляет политическое забвение и искажение фактов истории Великой Отечественной войны.

Как известно, патриотическое воспитание советских людей сыграло решающую роль в достижении Победы. Патриотическое воспитание молодого поколения стран СНГ сегодня актуально, как никогда, в противном случае формировать сознание молодых людей, которые не имеют достаточного жизненного опыта и которых не научили ценить свою общую историю, начнут другие. Глава государства Н. А. Назарбаев на XXI сессии Ассамблеи народа Казахстана говорил о необходимости увековечения памяти о казахстанцах — героях Великой Отечественной войны как главном факторе формирования патриотизма. Пункт 7 3-го раздела Стратегии «Казахстан-2050» также посвящен формированию нового казахстанского патриотизма — основе успеха нашего многонационального и многоконфессионального общества [Стратегия... , 2012].

Важно, чтобы и нынешнее подрастающее поколение уважало свою общую историю и имело твердые убеждения в необходимости защищать Родину. Формирование у молодежи патриотических чувств — комплексная проблема, требующая усилий всех сознательных сил общества. Государства СНГ должны объединять память о беззаветной самоотверженности наших героических предков, а задача творческой и научной интеллигенции — передать это знание и понимание последующим поколениям. К сожалению, ветеранов Великой Отечественной войны с каждым днем становится все меньше, живы дети войны, воспитанные на подвигах своих отцов и дедов, но дальше память постепенно стирается.

Думаю, главная задача всех сознательных сил общества — решительное противодействие попыткам перечеркнуть фронтовые биографии наших отцов, стереть имена наших предков, захороненных в тысячах братских могил. В том числе и фронтовую биографию моего отца Джаркинбаева Сейдалы, прошедшего свой боевой путь от Сталинграда до Эльбы, и моего деда Алимбетова Абдыхадыра, погибшего 3 февраля 1943 г. В том же году в возрасте 26 лет погиб его младший брат Алимбетов Сейсембай, не успевший ни построить дом, ни посадить дерево, ни родить сына... Никогда не забуду свою бабушку Алимбетову Абиби Суттибайкызы, которая в 30 лет осталась вдовой и смогла в тяжелые времена поднять на ноги троих детей. Бабушка мечтала увидеть Мамаев курган, где, как она считала, покоится прах ее мужа, поскольку последнее письмо она получила во время Сталинградской битвы и слышала от знакомых, что там высечена фамилия ее мужа. Впоследствии, когда мы попытались выяснить место его захоронения, оказалось, что на Мамаевом кургане обозначена фамилия другого казахстанца, а мой дед погиб и был захоронен 3 февраля 1943 г., на следующий день после завершения Сталинградской битвы, в деревне Хмелевое Курской области.

Изучение устных рассказов, представляющих собой традиционно сложившуюся форму передачи личного опыта, имеет большое значение, это своего рода живая летопись войны, которая также самым причудливым образом сводила людей. Мой отец рассказывал, что мама, Кульзада Абдыхадыровна (они поженились в 1947 г.), расплакалась, увидев фотографию мужа с женщиной, с которым он познакомился и сфотографировался, как с земляком, на память

в госпитале № 3313 г. Саратов в декабре 1942 г. Как оказалось, это был ее отец, Алимбетов Абдыхадыр, а для моей матери фотография стала большим подарком судьбы. Могли ли они предполагать в тот момент, когда стояли перед фотографом, что в будущей мирной жизни станут друг другу тестем и зятем?..

Так, в настоящее время, когда происходит индивидуализация и персонализация исторической памяти, когда люди начинают восстанавливать биографии и рассказывать истории своих родственников, многие из казахстанцев могли бы написать свои семейные истории, которые сыграют очень большую роль в реконструкции подлинной истории войны через призму личных воспоминаний. Для большинства казахстанцев Великая Отечественная война это прежде всего наша общая история, это память о боевом братстве, беспримерном мужестве и героизме воинов, которые, не жалея сил и самой жизни, сражались за свободу и независимость своей Родины.

В этой связи не может не вызывать чувство глубокой обеспокоенности тот факт, что в некоторых постсоветских государствах сносят или переносят памятники советским воинам, погибшим в годы войны, совершаются акты вандализма. Причем каждый раз, когда приближается очередной юбилей Великой Победы, возникают все новые и новые домыслы о войне, активизируются попытки пересмотра роли Советского Союза в победе над фашистской Германией и фальсификации наиболее значимых событий в истории войны.

В выступлении на торжественной церемонии награждения фронтовиков в Астане 8 мая 2010 г. Н. А. Назарбаев отметил: «В настоящее время появляются так называемые альтернативные истории прошедшей войны, искажаются факты и события, искусственно смягчается смертоносная опасность фашизма и его идеологов, в том числе и современных. Мы понимаем, что наш мир невероятно хрупок, чудовищно уязвим и нашей цивилизации необходимо единение. Мы были, есть и будем едины со всеми народами в деле сохранения истины о нашей общей Великой Победе, которая досталась нам ценой неисчислимых страданий, жертв, лишений. Мы свято чтим память о принесенных жертвах» [Сегодня в Акорде... , 2010].

Большую тревогу и неприятие вызывают попытки поставить под сомнение подвиг 28 героев-панфиловцев. Как известно, директор Государственного архива Российской Федерации С. Мироненко заявил о том, что никаких 28 героев-панфиловцев не было. Это заявление вызвало большой резонанс в казахстанской и российской общественности. Ряд ученых и ветеранов войны решительно встали на защиту тех, кто не может сегодня за себя постоять. Правду о героях-панфиловцах решительно отстаивают главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ш. Уалиханова К. Алдажуманов, который провел очень большую работу в архивах РФ [Алдажуманов, 2014], академик РАН Г. А. Куманев, директор фонда «Информационная инициатива» М. Тюнин. Так, М. Тюнин, много лет изучавший историю Панфиловской дивизии, отметил, что цифра 28 может и неправильна, но подвиг панфиловцев несомненен. «Если посмотреть газеты той поры, — продолжает М. Тюнин, — то писали только о панфиловцах. Просто это был яркий пример, как люди с минимальными противотанковыми средствами смогли отразить атаку танковых колонн. Плюс ко всему,

это, конечно, дивизия из Казахстана...» [28 героев-панфиловцев..., 2015]. Г. А. Куманев пишет: «Лживые акции С. В. Мироненко вызвали справедливое возмущение в ветеранских кругах. Маршал Советского Союза Д. Т. Язов в статье “Праха героев неприкосновенен”, опубликованной 20 августа 2011 года в газете “Красная звезда”, подчеркнул, что не нюхавший пороха г-н Мироненко смеет называть мифом беспримерный подвиг 28 героев-панфиловцев, якобы придуманный из идеологических соображений. Под рубрикой “Бесстыдно осмеянный подвиг” 8 сентября “Советская Россия” поместила гневные отклики читателей по поводу действий новоявленных “правдолюбцев”» [Куманев, 2015: 133].

Примечательно то, что 24 октября 2015 г. в Оренбурге стартовала международная вахта памяти «Нас миллионы панфиловцев», организованная автономной некоммерческой организацией «Содружество народов Евразии». В рамках вахты памяти состоялся круглый стол «Боевое братство народов в Великой Отечественной войне (Противодействие фальсификации истории)». Была организована выставка фронтовых писем, архивных документов, книг, находок поисковых отрядов на местах сражений [Международная вахта памяти..., 2015].

Официальную позицию Республики Казахстан по данному вопросу выразил председатель сената парламента К. Ж. Токаев: «Фальсификация истории Великой Отечественной войны в угоду политическим интересам недопустима — это особенно важно для нынешнего и подрастающего поколения наших стран, чтобы они правильно понимали историческое значение Великой Победы над нацизмом» [Спикер сената..., 2015].

В настоящее время государствам СНГ следует особое внимание уделить приоритетности объективного отображения истории Второй мировой войны и подвергнуть осуждению попытки пересмотра ее итогов, преуменьшения роли Советского Союза в разгроме фашизма. Необходимо помнить о павших в борьбе против захватчиков, крепить историческую память о Великой Отечественной войне как беспримерном подвиге советского народа, не забывать о ее международном значении и, конечно же, продолжать сотрудничество в области научного анализа истории войны и защиты ее от фальсификаций.

Казахстанский историк Т. Кульбаев справедливо отметил: «...когда-нибудь в будущем Великую Отечественную войну тоже будут описывать холодно и отвлеченно. Ее оценки перестанут носить общественно-политический характер, перейдя исключительно в научное поле. Научный анализ плюс народная память очистят факты от шелухи мифов. Но на пути к правде о войне еще достаточно препятствий. Много неизученного, еще больше искаженного. <...>

История Великой Отечественной войны будет изучаться вечно, по крайней мере до тех пор, пока существуют народы, составляющие великую державу, которая одержала победу над фашизмом. Исторический опыт войны жизненно необходим для новой национальной идеи, для укрепления патриотизма, без которого невозможны сильное государство и сильная армия, для воспитания молодого поколения» [Кульбаев, 2015].

После распада Советского Союза традиции научно-гуманитарного сотрудничества между государствами СНГ постепенно ослабевают. Для их упрочения можно было бы возобновить существовавшие в начале 1990-х гг. соглашения

об экономическом, культурном и научно-техническом сотрудничестве государств региона. Например, в 1991 г. в рамках договора о кооперировании в подготовке специалистов с высшим образованием в 1990/91 учебном году в вузы Казахстана было направлено 290 человек из республик Средней Азии, в том числе из Узбекистана — 116, Таджикистана — 63, Туркменистана — 30, Кыргызстана — 81, а из Казахстана в вузы этих республик — 91 человек, в том числе в Узбекскую ССР — 71, Туркменскую ССР — 10, Кыргызстан — 10 [Архив... , л. 43].

Объективное отражение истории Великой Отечественной войны будет способствовать укреплению дружбы между народами, воспитанию молодежи на примерах героизма и мужества.

Думаем, что память о самоотверженном подвиге того поколения, которое вынесло на своих плечах мучительную тяжесть войны и одержало Победу, несмотря на все усилия замолчать или переписать историю Великой Отечественной войны, и через многие года будет наполнять гордостью сердца людей.

Библиографический список

- Алдажуманов К.* Опровержению не подлежит // *Mangi El: международный научно-популярный исторический журнал.* 2014. № 4. С. 124—127.
- Арифджанов Э. К., Алимов Ш. К., Нарбеков А. В., Кадыров К. Б.* История Узбекистана: курс лекций. Ташкент: Академия МВД Республики Узбекистан, 2012. 273 с.
- Архив Президента Республики Казахстан. Ф. 7. Оп. 1. Д. 73.
- Власова Г. И.* Устные рассказы о войне. 2015. URL: http://e-history.kz/ru/project/view/4?type=contents&material_id=1903 (дата обращения: 04.02.2016).
- Выходченко Л.* По маршрутам поискового отряда «Мемориальная зона». 2015. URL: http://e-history.kz/ru/project/view/4?type=publications&material_id=758 (дата обращения: 04.02.2016).
- «28 героев-панфиловцев — это миф», — заявил директор Госархива РФ. 2015. URL: <http://365info.kz/2015/06/28-geroev-panfilovcev-eto-mif-zayavil-direktor-gosarxiva-rf/> (дата обращения: 04.02.2016).
- История Казахстана: (с древнейших времен до наших дней): в 5 т. Алматы: Атамұра, 2009. Т. 4. 768 с.
- История Туркменской ССР. Ашхабад: Изд-во АН ТССР, 1957. Т. 2: 1917—1957 гг. 718 с.
- Кульбаев Т.* «Узел» Великой войны. 2013. URL: http://ehistory.kz/ru/project/view/4?type=publications&material_id=70 (дата обращения: 04.02.2016).
- Куманев Г.* Бессмертный подвиг во имя жизни // *Mangi El: международный научно-популярный исторический журнал.* 2014. № 4. С. 128—133.
- Кусаинов М. К.* Акмолинцы — на фронте и в тылу. Астана: Сарыарка, 2010. 430 с.
- Марданова З. Ж.* Павлодарские женщины в Великой Отечественной войне. 2015. URL: http://e-history.kz/ru/project/view/4?type=contents&material_id=1272 (дата обращения: 04.02.2016).
- Международная вахта памяти «Нас миллионы панфиловцев». URL: <http://e-history.kz/ru/publications/view/1537> (дата обращения: 04.02.2016).
- Мурманцева В. С.* Советские женщины в Великой Отечественной войне. М.: Мысль, 1974. 264 с.

- Назарбаев принял участие в открытии памятника Панфилову. 2015. URL: <http://www.kazpravda.kz/news/prezident1/nazarbaev-prinyal-uchastie-v-otkritii-pamyatnika-panfilovu/> (дата обращения: 04.02.2016).
- Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2—3 (40—41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (дата обращения: 04.02.2016).
- Нурбекова Г. Женщины Казахстана — фронту. Алматы: Казахстан, 1968. 159 с.
- Обращение к ветеранам Великой Отечественной войны. 2015. URL: <http://e-arhiv.vko.gov.kz/ru/Page/Index/1479> (дата обращения: 04.02.2016).
- Сегодня в Акорде глава государства Нурсултан Назарбаев вручил государственные награды большой группе ветеранов войны и труда, военнослужащих и представителей правоохранительных органов. 2015. URL: <http://www.akorda.kz/public/index.php/ru/events/segodnya-v-akorde-glava-gosudarstva-nursultan-nazarbaev-vruchil-gosudarstvennye-nagrody-bolshoi-gruppe-veteranov-voiny-i-truda-voennosluzhas> (дата обращения: 04.02.2016).
- Сечкина Л. П. Твои герои, Таджикистан. Душанбе: Маориф, 1985. 239 с.
- Специальный проект Межпарламентской ассамблеи СНГ «Все для Победы!». 2015. URL: <http://www.iacis.ru/> (дата обращения: 04.02.2016).
- Спикер сената парламента Казахстана: фальсификация истории ВОВ недопустима. 2015. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1883625> (дата обращения: 04.02.2016).
- Стратегия «Казахстан-2050». Новый политический курс состоявшегося государства. 2012. URL: http://www.akorda.kz/ru/official_documents/strategies_and_programs (дата обращения: 04.02.2016).

References

- Aldazhumanov, K. (2014) Oproverzheniiu ne podlezhit [Is not subject to refutation], *Mangi El*, no. 4. pp. 124—127.
- Arifdzhanov, E. K., Alimov, Sh. K., Narbekov, A. V., Kadyrov, K. B. (2012) *Istoriia Uzbekistana: Kurs lektsii* [History of Uzbekistan: Lectures course], Tashkent: Academia MVD Respubliki Uzbekistan.
- “28 geroev-panfilovtsev — èto mif”, — zaiavil direktor Gosarkhiva RF (2015) [28 Panfilov Heroes — is a myth, said the director of the State Archive of the Russian Federation], available from <http://365info.kz/2015/06/28-geroev-panfilovcev-eto-mif-zayavil-direktor-gosarxiva-rf/> (accessed 04.02.2016).
- Istoriia Kazakhstana: (S drevneishikh vremën do nashikh dnei)* (2009) [History of Kazakhstan: (From ancient times to the present day)], Almaty: Atamura, vol. 4.
- Istoriia Turkmenskoï SSR* (1957) [The history of Turkmen SSR], Ashkhabad: Academia nauk Turkmenistanskoï SSR, vol. 2.
- Kul'baev, T. (2013) “Uzel” Velikoï voïny [“The node” of the Great War], available from <http://e-history.kz/ru/publications/view/70> (accessed 04.02.2016).
- Kumanev, G. (2014) Bessmertnyi podvig vo imia zhizni [Immortal feat in the name of life], *Mangi El*, no. 4. pp. 128—133.
- Kusainov, M. K. (2010) *Akmolintsy — na fronte i v tylu* [The inhabitants of Akmola region on the front and rear], Astana: Saryarka.
- Mardanova, Z. Zh. (2013) *Pavlodarskie zhenshchiny v Velikoï Otechestvennoï voïne* [Women of Pavlodar in Great Patriotic War], available from http://e-history.kz/ru/project/view/4?type=contents&material_id=1272 (accessed 04.02.2016).
- Mezhdunarodnaia vakhta pamiaty “Nas milliony panfilovtsev”* [International watch memory “We are millions Panfilov”], available from <http://quest.e-history.kz/ru/publications/view/1537> (accessed 04.02.2016).

-
- Murmantseva, V. S. (1974) *Sovetskie zhenshchiny v Velikoï Otechestvennoï voïne* [Soviet women in Great Patriotic War], Moscow: Mysl'.
- Nora, P. (2005) Vsemirnoe torzhestvo pamiati [Worldwide celebration of memory], *Neprikosnovennyĭ zapas*, no. 2—3 (40—41), available from <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (accessed 04.02.2016).
- Nurbekova, G. (1968) *Zhenshchiny Kazakhstana — frontu* [Women of Kazakhstan to front], Almaty: Kazakhstan.
- Obrashchenie k veteranam Velikoï Otechestvennoï voïny* (2012) [The appeal to veterans of Great Patriotic War], available from <http://e-arhiv.vko.gov.kz/ru/Page/Index/1479> (accessed 04.02.2016).
- Sechkina, L. P. (1985) *Tvoi geroi, Tadzhikistan* [The heroes of Tajikistan], Dushanbe: Mariof.
- Spiker senata parlamenta Kazakhstana: fal'sifikatsiia istorii VOV ne dopustima* (2015) [Speaker of the Senate of Parliament of Kazakhstan: the falsification of the history of the Great Patriotic War is unacceptable], available from <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1883625> (accessed 04.02.2016).
- Vlasova, G. I. (2014) *Ustnye rasskazy o voïne* [The oral stories about war], available from http://e-history.kz/ru/project/view/4?type=contents&material_id=1903 (accessed 04.02.2016).
- Vykhodchenko, L. (2015) *Po marshrutam poiskovogo otriada "Memorial'naia zona"* [On routes search group "Memorial zone"], available from http://e-history.kz/ru/project/view/4?type=publications&material_id=758 (accessed 04.02.2016).

Статья поступила 25.11.2016 г.

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Н. Л. Пушкарева, Н. А. Мицюк, М. В. Каиль

IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МАТЕРИНСТВО И ОТЦОВСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ВРЕМЕНИ И КУЛЬТУР»

DOI: 10.21064/WinRS.2017.1.11

N. L. Pushkareva, N. A. Mitsyuk, M. V. Kail. IX International scientific conference “Motherhood and fatherhood through the prism of time and cultures”

Российская ассоциация исследователей женской истории (РАИЖИ; www.rarwh.ru), Российский национальный комитет Международной федерации исследователей женской истории, отдел этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Смоленский государственный университет, Смоленский государственный медицинский университет при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда 13—16 октября 2016 г. провели очередную (девятую) международную научную встречу. В этом году темой конференции были избраны проблемы родительства в самом широком контексте: данная тема вписывается в поддержанный РГНФ полидисциплинарный проект № 16-01-00136 «Репродуктивное поведение, родильные и акушерские практики в России XVI—XXI вв.: медико-антропологический и историко-этнологический анализ».

Женщина в российском обществе. 2017. № 1 (82). С. 117—120

© Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А., Каиль М. В., 2017

Пушкарева Наталья Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва, Россия, pushkarev@mail.ru (Dr. Sc., Professor, Head of Women and Gender Studies Department, the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia).

Мицюк Наталья Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет, г. Смоленск, Россия, ochlokratia@yandex.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Philosophy, History of Medicine and Social Sciences, Smolensk State Medical University, Smolensk, Russia).

Каиль Максим Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Россия, mvkail@mail.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of Russian History, Smolensk State University, Smolensk, Russia).

На конференцию было прислано более 350 заявок. В итоге в ее работе приняли личное участие 220 исследователей из разных городов — от Владивостока и Тюмени до Минска и Калининграда. Приехали на нее и гости из ближнего и дальнего зарубежья: Беларуси, США, Японии, Молдовы, Польши, Литвы, Италии (всего 21 человек).

Оргкомитет конференции возглавили Н. Л. Пушкарева — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором этногендерных исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, председатель Российской ассоциации исследователей женской истории и глава Российского национального комитета в Международной федерации исследователей женской истории; недавно защитившая докторскую диссертацию Н. А. Мицюк (Смоленский государственный медицинский университет); ректор Смоленского государственного университета доктор исторических наук, профессор Е. В. Козин и член исполнительного комитета конференции, ее исполнительный директор кандидат исторических наук М. В. Каиль (Смоленский государственный университет).

Уникальностью проведенной конференции, как и самого конференционного проекта, стало практическое сближение социальной истории и гендерных исследований прошлого и настоящего с естественными науками, прежде всего медициной, междисциплинарный охват хронологического, историко-генетического, политико-идеологического и социально-антропологического, психоаналитического, историко-медицинского и социально-стратификационного аспектов проблемы. Рассмотрение социальной истории и антропологии деторождения и родовспоможения позволило показать иной взгляд на эти традиционные для этнологии сюжеты, поскольку репродуктивное поведение и культура предстали не как биологическая данность, а как результат социального конструирования. Организуя эту конференцию, исполком РАИЖИ и оргкомитет задуманной научной встречи ставили своей задачей создать дискуссионные площадки по самым острым темам повседневной и гендерной истории, исторической этнологии, социальной истории медицины, эмоциологии и психоистории.

В итоге в ходе научной встречи на 15 секциях и за круглыми столами обсуждался действительно широкий спектр вопросов. Среди них — трансформация материнского и отцовского поведения в истории и современности; история семьи и детства, культуры деторождения; развитие социальной политики в области материнства и детства в прошлом и настоящем; медиализация материнства и ее значение в жизни отдельных женщин и общества в целом; отношение к семье и родительству в традиционных и современных культурах; репрезентация материнства и отцовства в искусстве и литературе, современные биосоциальные проблемы родительства.

В рамках форума было организовано три круглых стола, посвященных методологическим проблемам изучения истории семьи и родительства, социологии материнства и междисциплинарного исследования репродуктивной культуры. В многочасовых вечерних дискуссиях, развернутых после работы секций, участвовали ведущие российские ученые из академических институтов — Института российской истории, Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Института мировой литературы им. А. М. Горького, Музея антропологии

и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Института востоковедения, Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, Казанского государственного университета, Высшей школы экономики. Нешуточные споры были связаны и с тем, что на конференции присутствовали исследователи — представители разных конфессий, так что сама по себе цель конференции создать площадку для консолидации научных усилий в определении и оценке фундаментальных понятий материнства, отцовства, родительства, семьи, детства, пола, гендера, возраста с учетом вызовов времени и глобализации была достигнута и участники приблизились к готовности выработать согласованное мнение в отношении как позитивных, так и негативных перемен, путей противостояния последним.

Самой главной темой конференции стала проблема материнской повседневности, материнской роли в истории России. Авторы многих докладов попытались выявить факторы, которые обусловили смену социальных запросов в отношении материнского поведения, оказывавших влияние на трансформации содержания материнской роли, на этноконфессиональные различия в реализации материнских прав и обязанностей. Последняя (15-я) секция конференции («Мальчик — отец мужчины») была посвящена памяти выдающегося исследователя, поставившего в нашей гуманитаристике проблему этнологии и социологии родительства, академика Игоря Семеновича Кона. В центре обсуждения на ней оказались проблемы, связанные с отцовской ролью.

Проведенная конференция показала, что современные гендерные историки и те, кто занимаются реконструкцией социальной истории женщин, не могут оставаться в стороне от таких публичных обсуждений, касающихся темы семьи и родительства, как флешмоб «#яНеБоюсь сказать»: ведь тысячи женщин в нашей стране впервые в жизни проговорили пережитый ими опыт сексуального насилия в семье, опыт унижения и страха. Отдельная секция конференции (руководитель — профессор ГУ ВШЭ М. Г. Муравьева) объединила тех, кто специально и скрупулезно исследует болезненную тему семейного неблагополучия в прошлом и настоящем, тему домашнего насилия в отношении супругов, детей, родителей. Участники дискуссии были единодушны в том, что впервые за многие годы тема родительства оказалась пропуском к табуированным темам боли и молчания, предсказуемо вызвавшим волну общественного неприятия: критики насмешливо говорили о «монологах вагины», вспоминая одноименную нашумевшую книгу американской феминистки Ив Энцлер. Впрочем и без феминистских аллюзий само явление нарушения речевых табу женщинами (от избитых жен до школьниц, соблазненных учителем в самой известной московской школе) стало откровением для российского массового сознания и потребовало срочного экспертного осмысления.

Рассмотрение перспектив и препятствий усыновления и удочерения, суррогатного материнства (его правовым аспектам была посвящена секция, в которой приняли участие юристы), новых трендов в современной консумеризации материнства (донорство спермы, яйцеклеток) и в то же время обсуждение

совместно с врачами тем, традиционных для художественной литературы, отражающей идеологические векторы в демографической политике, — все это дало новые основания для институционализации исследований родительства как особой темы в контексте развернувшегося сейчас в России демографического кризиса. Обмен мнениями между представителями широкого круга научных направлений, как отечественными, так и зарубежными, способствовал интеграции научных знаний разных областей и дисциплин, обмену эмпирическим материалом, актуализации современных научных подходов и методов, вовлечению в научный оборот новых источников.

Достойным итогом обмена мнениями стала публикация докладов, присланных на конференцию, в двухтомном сборнике «Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур. Материалы Девятой Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 13—16 октября 2016 г., Смоленск» (М.: ИЭА РАН, 2016).

Материал поступил 28.12.2016 г.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К читателям</i>	3
--------------------------	---

СОЦИОЛОГИЯ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Калабихина И. Е. Новые подходы к измерению представленности женщин в STEM-образовании и STEM-занятости в России	5
Уткина Н. Ю. Объективные и субъективные факторы развития женского предпринимательства в России	17
Клименко Л. В., Посухова О. Ю. Гендерные аспекты прекариатизации труда в российском обществе	29
Дементьева И. Н. Социальное самочувствие женщин в экономических условиях 2015 г. (На примере Вологодской области)	41
Ковтун Г. С., Куперман А. А. Гендерные представления современной студенческой молодежи (На материале г. Владивостока)	53

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Ким Н. В. Женщина в семье: репрезентация семейной политики в российских СМИ до и после 2006 г.	64
Ростовская Т. К., Заярская Г. В. Семейные установки и семейные практики в современной российской студенческой среде	75

ИСТОРИЯ

ГЕНДЕРНАЯ ИСТОРИЯ

Митрофанов В. В. Основные вопросы профессиональной и научной деятельности М. А. Александровой в письмах С. Ф. Платонову	86
Васильева С. А. Реформирование женского тюремного заключения в условиях пенитенциарных преобразований в США в XIX в.	94
Жаркынбаева Р. С. Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (Гендерный аспект)	103

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ СОБЫТИЯХ

Пушкарева Н. Л., Мицюк Н. А., Каиль М. В. IX Международная научная конференция «Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур»	117
<i>Информация для авторов</i>	121

CONTENTS

<i>To readers</i>	3
-------------------------	---

SOCIOLOGY

HUMAN CAPITAL

Kalabikhina I. E. New approaches to measuring women's representation in STEM-education and STEM-employment	5
Utkina N. I. Objective and subjective factors of women entrepreneurship development in Russia	17
Klimenko L. V., Posukhova O. Yu. Gender aspects of precarization of labour in Russian society	29
Dementyeva I. N. Social well-being of women in economic conditions of 2015 (On the example Vologda region)	41
Kovtun G. S., Kuperman A. A. Gender beliefs of today's college students (On the materials of Vladivostok)	53

SOCIOLOGY OF FAMILY

Kim N. V. Woman in the family: family policy representation in Russian media before and after 2006	64
Rostovskaya T. K., Zayarskaya G. V. Family values and family practices among present-day Russian students	75

HISTORY

GENDERED HISTORY

Mitrofanov V. V. The main issues of professional and scientific work in letters of M. A. Alexandrova to S. F. Platonov	86
Vasilieva S. A. Reformation of women's imprisonment in terms of penal reforms in the XIX c. United States	94
Zharkynbaeva R. S. The Great Patriotic War: gender aspects of sociocultural memories and commemorative practices in the Post-Soviet Kazakhstan	103

INFORMATION ABOUT SCIENTIFIC EVENTS

Pushkareva N. L., Mitsyuk N. A., Kail M. V. IX International scientific conference "Motherhood and fatherhood through the prism of time and cultures"	117
<i>Information for the authors</i>	121

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
№ 1 (82) — 2017

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Боронина, О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 14.03.2017 г. Формат 70 x 108^{1/16}.
Печать плоская. Бумага писчая. Усл. печ. л. 10,7. Уч.-изд. л. 8,1. Тираж 100 экз.
Заказ № 57. Цена свободная

Адрес редакции (издателя):
153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Издательство «Ивановский государственный университет»
 (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru